ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

2. 1874.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

Къ сей тетради прилагается гравированный на стали портретъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Печ. со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

КНЯЗЬ В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.

Такой замѣчательный человѣкъ, какъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, ознаменовавшій жизнь свою столь многообразною умственною дѣятельностію, заслуживаетъ подробной, внимательной біографіи, которая — можно надѣяться — и появится въ скоромъ времени. Предлагаемый нами краткій біографическій очеркъ назначенъ служить введеніемъ къ нѣкоторымъ статьямъ покойнаго князя, оставшимся въ рукописи и поступающимъ теперь въ печать (*).

Князь В. Ѳ. Одоевскій родился 30-го Іюля 1803 года и получилъ образованіе въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ кончилъ курсъ съ золотою медалью. Съ 1822 г. онъ уже появился на литературномъ поприщѣ съ нѣкоторыми статьями въ тогдашнихъ журналахъ. Необыкновенно любознательный и пытливый умъ его обращался на самыя разнообразныя отрасли человѣческихъ знаній. Между прочимъ онъ слушалъ лекціи анатоміи у извѣстнаго профессора Лодера; но главнымъ предметомъ его занятій была въ это время философія. Возвратившійся изъ Германіи профессоръ Павловъ познакомилъ Москву съ Шеллинговой философіей. Кн. Одоевскій принялся со страстію за изученіе этой философіи, былъ ревностнымъ ея проводникомъ и соединялъ у себя кружекъ занимавшихся ею. Въ обществѣ молодыхъ людей, собиравшихся у С. Е. Раича для литературныхъ занятій, онъ прочелъ переводъ первой главы натуральной философіи Окена, послѣдователя Шеллинга, „о значеніи нуля, въ которомъ успокоиваются плюсъ и минусъ“. Въ 1824 г. Одоевскій вмѣстѣ съ В. Кюхельбекеромъ издавалъ *Мнемозину*, литературный сборникъ въ 4-хъ книгахъ, въ которомъ выступилъ съ апологами и поэтическими аллегоріями. Изъ этихъ аллегорій особенно замѣчательна „Старики или островъ Панхаи“: въ образѣ старичковъ-младенцевъ Одоевскій осмѣивалъ отжившее поколѣніе своего времени.

Въ 1826 году князь В. Ѳ. Одоевскій, вступившій въ бракъ съ Ольгою Степановною Ланскою, переѣхалъ на житье въ Петербургъ. По родству и связямъ своимъ онъ принадлежалъ къ высшему обществу и занялъ въ немъ свое мѣсто. Средства его были очень ограничены, и онъ поселился въ скромномъ жилищѣ, въ Мапковомъ переулкѣ. Тутъ, одинъ разъ въ недѣлю, вечеромъ собирались у него пріятели и знакомые его. Вечера эти носили особенный характеръ по разнородности ихъ посѣтителей; на нихъ сходились свѣтскія дамы и молодые люди высшаго общества съ литераторами,

(*) Въ сборникѣ, изданномъ А. И. Кошелевымъ въ 1869 г. подъ заглавіемъ: „Въ память о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ,“ помѣщены статьи о немъ, читанныя въ Обществѣ любителей Россійской Словесности и нѣкоторыя другія перепечатанныя изъ появившихся тогда въ разныхъ газетахъ, по поводу его кончины. Въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ того же года, Марта 6-го, находится некрологъ князя Одоевскаго, подписанный буквою М. и содержащій въ себѣ перечень его служебной и литературной дѣятельности. Подобная же статья, съ портретомъ, появилась во „Всемірной Иллюстраціи“ 1869 года, № 12. Въ Очеркахъ умственнаго развитія нашего общества А. Скабичевскаго, глава IV, въ Ноябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1870 г., изложена характеристика сочиненій Одоевскаго и вліянія его на современниковъ. Вотъ печатные источники свѣдѣній о покойномъ князѣ.

артистами, учеными, путешественниками. Вечернія собранія у кн. Одоевскаго, съ тѣмъ же характеромъ, продолжались во всю его жизнь, въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, и живо сохранились въ памяти посѣщавшихъ ихъ. Въ тридцатыхъ годахъ особенно проявилась литературная дѣятельность кн. Одоевскаго. Онъ издалъ свои *Пестрыя Сказки* и подражаніемъ въ нихъ Гофману первый познакомилъ Русскую публику съ этимъ оригинальнымъ писателемъ. За тѣмъ появился цѣлый рядъ разсказовъ и повѣстей: Пиранези, Послѣдній квартетъ Бетговена, Городъ безъ имени, Импровизаторъ, Себастіанъ Бахъ и мн. др., въ которыхъ проявляются разнообразно символическія лица, одѣтыя въ поэтическую фантазію. Въ собраніи сочиненій князя Одоевскаго, изданномъ въ 1844 году, многія изъ этихъ повѣстей вошли въ составъ *Русскихъ Ночей,* гдѣ въ драматической формѣ излагаются вѣчно-присущія человѣчеству задачи, коихъ разрѣшеніе скрывается въ глубинѣ таинственныхъ стихій, образующихъ и связующихъ жизнь духовную и жизнь вещественную. Здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ является преимущественно мыслителемъ, у котораго мелькаютъ идеи и вопросы иногда опережающіе свое время, поражаетъ универсальностію и обстоятельностію знаній, и отличается легкимъ, изящнымъ слогомъ. Повѣсть, въ которой, въ лицѣ Себастіана Баха, изображается жизнь сосредоточенная въ искусствѣ, которому приносится въ жертву все въ жизни, по моему мнѣнію, есть лучшая въ художественномъ отношеніи. Князь Одоевскій страстно любилъ музыку, былъ хорошій исполнитель музыкальныхъ произведеній, серіозно и глубоко изучалъ это искусство и много писалъ о немъ. Онъ изобрѣлъ особаго рода органъ столь знакомый его посѣтителямъ, который и назвалъ Себастіанонъ. Повѣсти изъ свѣтской жизни: Княжна Мими, Княжна Зизи, прекрасный разсказъ Южный берегъ Финляндіи и мн. др., также достойны замѣчанія.

Въ продолженіи восемнадцати лѣтъ, съ 1826 по 1846 г., кн. Одоевскій находился подъ начальствомъ графа Блудова, сначала въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ во II отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи. Кромѣ прямыхъ служебныхъ обязанностей, онъ былъ членомъ редакціи журнала помянутаго министерства и разныхъ временныхъ коммисій, требовавшихъ спеціальныхъ познаній, какъ напр. о приведеніи въ единообразіе Россійскихъ мѣръ и вѣсовъ, и проч. Въ сороковыхъ годахъ князь Одоевскій устроилъ у себя съ нѣкоторыми изъ пріятелей лекціи химіи, и по его приглашенію академикъ Гессъ прочелъ имъ полный курсъ этой науки со всѣми потребными опытами. Пріобрѣтенныя въ химіи и вообще въ естественныхъ наукахъ свѣдѣнія князь Одоевскій примѣнялъ къ общежитейскимъ предметамъ, и между прочимъ къ усовершенствованію отопленія комнатъ и къ кулинарному искусству. *Лекціи доктора Пуфа*, помѣщенныя имъ въ повременныхъ изданіяхъ того времени, могутъ соперничать съ извѣстнымъ въ этомъ родѣ сочиненіемъ Brillat-Savarin: Physiologie du Goût. Съ самаго учрежденія министерства государственныхъ имуществъ въ 1838 г. князь Одоевскій состоялъ членомъ ученаго въ немъ комитета и въ этомъ званіи оставилъ прекрасный памятникъ своей дѣятельности: издалъ, съ участіемъ г. Заблоцкаго, собственно для школъ этого вѣдомства, нѣсколько книжекъ *Сельскаго Чтенія*, отличающихся неоспоримымъ достоинствомъ и сохранившихъ свою цѣну. Народное образованіе, распространеніе общедоступныхъ свѣдѣній, воспитаніе дѣтей бѣдныхъ классовъ, попеченіе о нихъ и разныя отрас-

ли общественной благотворительности сильно занимали князя Одоевскаго. Изъ изданныхъ имъ подъ разными псевдонимами практическихъ разсказовъ, сказокъ, пѣсенъ для дѣтей и т. п., особенно замѣчательны *Сказки дѣдушки Иринея* (*). Князю Одоевскому принадлежитъ редакція устава дѣтскихъ пріютовъ, и онъ содѣйствовалъ учрежденію и образованію ихъ. Но эпохою въ его жизни на поприщѣ благотворительности было все время существованія Общества посѣщенія бѣдныхъ (1846—1855 г.), коего онъ былъ постояннымъ, по выборамъ, предсѣдателемъ и коему онъ посвящалъ въ это время всѣ досуги свои и способности. Дѣятельность и значеніе кн. Одоевскаго въ этомъ обществѣ изложены нами въ особой статьѣ, которая вслѣдъ за симъ и помѣщается (**). Съ 1846 по 1861 г. кн. Одоевскій состоялъ помощникомъ директора публичной библіотеки и завѣдующимъ Румянцовскимъ Музеемъ. Въ этой должности онъ былъ усерднымъ сотрудникомъ статсъ-секретаря графа М. А. Корфа по приведенію нашего драгоцѣннаго книгохранилища въ тотъ порядокъ и устройство, коими оно отличается. Въ качествѣ депутата императорской библіотеки, князь Одоевскій ѣздилъ въ 1858 г. въ Веймаръ на юбилей Шиллера. Во время же пребыванія въ Ниццѣ, въ другую заграничную поѣздку, онъ написалъ нѣсколько статей въ тамошнихъ журналахъ и брошюру въ опроверженіе многихъ ложныхъ понятій иностранцевъ о Россіи (***). По

(*) Недавно сказки эти прекрасно и изящно изданы вновь Д. Ѳ. Самаринымъ.

(**) Статья эта, подъ заглавіемъ: „Кн. В. Ѳ. Одоевскій и общество посѣщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ", была напечатана въ вышеуказанномъ нами Сборникѣ въ память о покойномъ князѣ.

(***) См. Свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ умершихъ въ 1869 г. (изъ Справочнаго Словаря Г. Н. Геннади) въ 3-мъ нумерѣ Русскаго Архива 1871 г. стр. 501, 2, 3 и 4-я; тутъ перечислено, кажется, все что издано княземъ Одоевскимъ.

упраздненіи общества посѣщенія бѣдныхъ, Великая Княгиня Елена Павловна, принявъ Максиміліановскую лѣчебницу для приходящихъ подъ свое попечительство, поручила ближайшее завѣдываніе оной кн. Одоевскому, а при учрежденіи Крестовоздвиженской общины сестръ милосердія назначила его предсѣдателемъ комитета правленія этой общины. Онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ и довѣріемъ Ея Высочества, и она постоянно употребляла его по своимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ заведеніямъ благотворительнымъ, воспитательнымъ, для распространенія музыкальнаго образованія въ нашемъ отечествѣ и проч.

Всегдашнимъ желаніемъ кн. Одоевскаго было провести остатокъ дней своихъ въ Москвѣ. Желаніе это исполнилось въ 1862 г. назначеніемъ его сенаторомъ въ Московскіе департаменты. Съ какою добросовѣстностію, усердіемъ и трудолюбіемъ онъ предался исполненію обязанностей своихъ на совершенно новомъ для него судебномъ поприщѣ, засвидѣтельствовалъ въ воспоминаніи о немъ К. П. Побѣдоносцевъ, бывшій оберъ-прокуроромъ Сената (*). Все свободное отъ службы время кн. Одоевскій посвящалъ теперь преимущественно музыкѣ. Еще въ Петербургѣ онъ давно уже началъ заниматься наблюденіями надъ характеромъ Русскаго церковнаго и мірскаго пѣнія. Въ Москвѣ онъ нашелъ нѣсколькихъ людей занимавшихся тѣмъ же предметомъ и подготовившихъ достаточный запасъ матеріаловъ. Съ полнымъ сочувствіемъ кн. Одоевскій встрѣтилъ ихъ труды и присоединился къ нимъ. Первымъ плодомъ этого было письмо его къ издателю „Каликъ перехожихъ" П. А. Безсонову *объ искон-*

(*) Въ статьѣ: „Еще на память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ," перепечатанной изъ газетъ въ вышеупомянутомъ Сборникѣ.

ной великорусской музыкѣ, помѣщенное въ 5-мъ выпускѣ Каликъ 1863 г. Въ концѣ того же года Н. М. Потуловъ сдѣлалъ извѣстнымъ многолѣтній трудъ свой о Русскомъ церковномъ пѣніи. Переложенная имъ въ гармоническій составъ мелодія Кіевскаго распѣва для литургій была исполнена сперва въ приходской церкви св. Георгія на Всполье, а потомъ въ Успенскомъ соборѣ и оставила въ молящихся чрезвычайное впечатлѣніе. По этому случаю кн. Одоевскій написалъ двѣ статьи, помѣщенныя въ газетѣ „День 1864", а также статью по поводу открытія въ Москвѣ безплатнаго класса для обученія простому хоровому пѣнію. Тогда же князь устроилъ у себя въ домѣ чтенія о музыкѣ, на которыя собиралось немало любителей, особенно любительницъ. Часть этихъ чтеній напечатана въ 1868 г. подъ заглавіемъ: *Музыкальная Грамота* или основанія музыки для немузыкантовъ (*).

Въ послѣднее время кн. Одоевскій жаловался на разстройство своего здоровья, но не оставлялъ занятій своихъ и продолжалъ прежній образъ жизни. По уничтоженіи крѣпостнаго права онъ говорилъ, что новый годъ обновленной Россіи долженъ начинаться 19-го Февраля и съ того времени встрѣчалъ этотъ день въ кругу созываемыхъ у себя пріятелей и людей, особенно сочувствовавшихъ этому событію. Такъ встрѣтилъ онъ и 19 Февраля 1869 г. Нѣсколько дней спустя, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ, безъ видимой впрочемъ опасности, но въ ночь на 27 Февраля внезапно сдѣлался у него бредъ; онъ не приходилъ уже въ память и въ 4 часа пополудни скончался на 66-мъ году отъ роду; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Съ нимъ угасла старшая линія потомковъ Рюрика, изъ вѣтви князей Черниговскихъ.

(*) См. въ томъ же сборникѣ статью отца Д. В. Разумовскаго: Музыкальная дѣятельность кн. В. Θ. Одоевскаго.

Представленный нами краткій обзоръ дѣлъ и трудовъ кн. Одоевскаго, литературныхъ и другихъ его произведеній, и сверхъ того оставшіяся послѣ него цѣлыя кипы рукописей, изъ которыхъ многое еще вѣроятно будетъ издано, обнаруживаютъ по истинѣ изумительную дѣятельность. Трудно постигнуть, какъ доставало у него времени обращать вниманіе и заниматься столькими разнородными предметами. Но въ жизни кн. Одоевскаго есть другая сторона, которая была не менѣе полезна и благотворна: это то нравственное вліяніе, которое онъ пріобрѣталъ на прикасавшихся съ нимъ людей—привлекательною личностію своею, необыкновеннымъ добродушіемъ, примиряющимъ характеромъ, искренностію вѣры въ человѣческое достоинство и въ силу человѣческаго разума и даже нѣкоторыми увлеченіями и странностями своими въ этомъ отношеніи.

Н. Путята.

КНЯЗЬ В. Θ. ОДОЕВСКІЙ И ОБЩЕСТВО ПОСѢЩЕНІЯ БѢДНЫХЪ ПРОСИТЕЛЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ(*).

Много было сказано теплыхъ и сочувственныхъ словъ о покойномъ князѣ В. Θ. Одоевскомъ и много еще выскажется. При мысли объ утратѣ этого достойнаго и замѣчательнаго человѣка, возникаетъ цѣлый рой воспоминаній о немъ въ людяхъ, знавшихъ его нѣсколько коротко. Мои воспоминанія о покойномъ

(*) Читатели наши припомнятъ блестящую статью, посвященную этому обществу въ Запискахъ В. А. Инсарскаго (Р. Архивъ 1869). *П. Б.*

князѣ сопряжены почти со всею моею жизнію. Въ настоящую минуту позвольте мнѣ познакомить васъ, мм. гг., съ дѣятельностью князя Одоевскаго на одномъ поприщѣ, гдѣ ярко выказалась вся его личность, и особенно та нравственная, по счастливому о немъ выраженію г. Побѣдоносцева, притягательная сила, которая влекла къ нему сродственныя души, въ какой бы средѣ онъ съ ними ни прикасался, группировала около него людей и благотворно на нихъ вліяла. Я хочу говорить о значеніи князя В. Ѳ. въ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ, коего онъ былъ предсѣдателемъ. Дѣло благотворительности было дѣломъ всей его жизни, но здѣсь открывался ему обширнѣйшій кругъ дѣйствій. Онъ предался Обществу отъ души и въ полномъ смыслѣ слова былъ его душею. Онъ посвятилъ ему все остававшееся отъ служебныхъ занятій время и всѣ средства, которыми могъ располагать при весьма ограниченномъ достаткѣ своемъ. Имъ держалась внутренняя связь Общества; онъ соглашалъ мнѣнія, смягчалъ столкновенія, все примирялъ; онъ же боролся съ напоромъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Существованіе Общества посѣщенія бѣдныхъ неразрывно связано съ именемъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Но чтобъ показать всю долю участія, принятаго имъ въ дѣйствіяхъ Общества, оцѣнить заслуги и пользу имъ принесенную, необходимо изложить, хотя вкратцѣ, судьбы Общества, правила, коими оно руководствовалось, цѣль его, занятія, способы и даже приводить цифры, которыя впрочемъ будутъ говорить краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Общество посѣщенія бѣдныхъ составилось въ тѣхъ кружкахъ, которые собирались у князя В. Ѳ. Одоевскаго и графа В. А. Сологуба, и на которыхъ сходились такъ непринужденно литераторы, артисты, ученые, съ образованными свѣтскими женщинами, вельможами и блестящею столичною молодежью. Первая мысль объ этомъ Обществѣ, какъ мнѣ помнится, принадлежитъ графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому. Мысль эта пришла въ развитіе постепенно, по явной необходимости, весьма многими ощущаемой. Получаемое почти каждымъ нѣсколько достаточнымъ человѣкомъ большее или меньшее количество просительныхъ писемъ отъ бѣдныхъ ставило добросовѣстныхъ и мыслящихъ людей въ недоумѣніе, какъ удовлетворять въ этихъ случаяхъ потребности сердца помочь ближнему; кого надѣлить по своимъ средствамъ, кому отказать, какъ отличить истинную нужду отъ порочнаго нахальства. Для выхода изъ этого тяжкаго недоумѣнія представлялся одинъ способъ: личнымъ посѣщеніемъ удостовѣряться въ дѣйствительной бѣдности просителя и въ томъ, какой родъ помощи ему особенно нуженъ; но до какой степени это возможно было одному частному человѣку, должно заключить изъ того, что у нѣкоторыхъ жителей Петербурга, предъ праздничными, напримѣръ, днями, стекались сотни просительныхъ писемъ. Разрѣшеніе этой задачи представлялось въ раздѣленіи труда между самыми тѣми лицами, къ которымъ обыкновенно адресуются бѣдные, и въ сосредоточеніи и направленіи отдѣльныхъ благотвореній, т. е. въ составленіи на этотъ предметъ Общества.—Вопросы о пролетаріатѣ, о классѣ рабочихъ, вообще о низшемъ слоѣ народа, сильно занимавшіе уже въ то время Западъ, отражались и у насъ въ нѣкоторыхъ умственныхъ сферахъ. Литературныя произведенія въ этомъ направленіи, какъ наприм. романъ Евгенія Сю Les mystères de Paris, и т. п., съ жадностію всѣми читались и возбуждали живой интересъ и любопытство; люди той эпохи,

сохранившіе еще свѣжія силы, томились желаніемъ хотя нѣкоторой самостоятельной дѣятельности, не находившей удовлетворенія при тогдашнихъ условіяхъ службы и общественнаго положенія: все это способствовало сознанію и скорому осуществленію мысли объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ.—Герцогъ М. Е. Лейхтенбергскій принялъ на себя званіе попечителя этого Общества, а князь В. Ѳ. Одоевскій начерталъ для Общества правила, Высочайше утвержденныя 12 Апрѣля 1846 года, и былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ его, что повторялось ежегодно въ теченіи девяти лѣтъ, т. е. всего существованія Общества. Въ числѣ 25 членовъ съ нѣсколькими стами рублей въ сборѣ, Общество тотчасъ же скромно начало свое дѣло. Прямою цѣлію оно имѣло, какъ я уже сказалъ, посѣщать бѣдныхъ, обращающихся съ просьбами о пособіи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ, входить въ посредничество между этими лицами и нуждающимися и содѣйствовать, чтобы благотвореніе достигало своей цѣли. Пособія полагались самыя разнообразныя. Отъ каждаго члена требовалось только, чтобы онъ жертвовалъ Обществу однимъ днемъ въ мѣсяцъ. По истеченіи полугода Общество могло уже представить довѣрителямъ своимъ довольно удовлетворительные результаты своихъ занятій и трудовъ. Князь Одоевскій вполнѣ посвятилъ Обществу и всѣ литературныя способности свои. Отчетъ за первое полугодіе, составленный имъ, какъ и всѣ послѣдовавшіе отчеты, обратилъ на себя вниманіе публики, ближе познакомилъ ее съ Обществомъ и расположилъ въ его пользу. Написанный живымъ, изящнымъ языкомъ и наполненный любопытнѣйшими подробностями, онъ отличался искренностію содержанія и отсутствіемъ всякаго офиціальнаго тона и пріемовъ. Это было тогда новостію. Вообще Общество прибѣгало къ гласности, сколько было возможно, особенно въ отношеніи ввѣряемыхъ ему и расходуемыхъ имъ суммъ. Собраніе отчетовъ и разныхъ брошюръ касательно Общества составляетъ весьма значительный трудъ князя Одоевскаго и теперь уже едвали не библіографическую рѣдкость *). Въ два года Общество достигло быстраго развитія. Въ 1849 г. въ составѣ его было до 300 членовъ. Число извѣщеній о бѣдныхъ семействахъ превышало въ эти два года цыфру 7 т., поступило же отъ благотворителей и отъ устроенныхъ Обществомъ разныхъ предпріятій болѣе 60 т. рублей, изъ коихъ употреблено на пособія бѣднымъ и заведенія для нихъ свыше 40 т. рублей. Съ самаго начала своихъ дѣйствій, Общество убѣдилось въ необходимости дополнительныхъ средствъ къ простой передачѣ пособій нуждающимся и приступило къ учрежденію разныхъ благотворительныхъ заведеній. Оно устроивало ихъ временно, въ видѣ опыта, разсчитывая при томъ, чтобъ нѣкоторыя изъ нихъ доставляли отчасти и средства къ ихъ содержанію. Такъ Общество имѣло уже нѣсколько (по проекту графа В. А. Соллогуба) женскихъ рукодѣленъ, въ коихъ выдающаяся задѣльная плата возрастала по мѣрѣ безсилія и степени бѣдности работающей. Общая квартира была устроена для старыхъ одинокихъ женщинъ впредъ до возможности помѣстить ихъ въ богадѣльни или другія общественныя заведенія. Семейныя квартиры были вызваны необходимостію извлекать бѣдныя семейства изъ сырыхъ и холодныхъ подваловъ и чердаковъ и спасать ихъ отъ гибельной атмосферы. Въ двухъ дѣтскихъ ночлегахъ, одномъ для мальчиковъ, другомъ для дѣвочекъ, дѣти находили надзоръ и пристанище,

*) Въ Чертковской библіотекѣ находилось полное собраніе этихъ отчетовъ. *П. Б.*

изъ коего могли ходить учиться въ разныя заведенія. Учрежденныя Обществомъ заведенія были или вовсе неизвѣстны у насъ прежде, или основаны на совершенно новыхъ началахъ, и соображенія въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ оказались такъ вѣрны, что, напримѣръ, смотрительница одной рукодѣльни, по закрытіи Общества, продолжала содержать ее на свой счетъ, находя въ томъ свою выгоду.—Успѣхи Общества, свидѣтельствуя о предпочтительномъ довѣріи къ нему благотворительныхъ лицъ и публики, доставили ему также многихъ недоброжелателей и, странно сказать, возбудили завистъ соперничества. Стали внушать, что подъ покровомъ благотворительности во многихъ обществахъ и прежде таились политическіе замыслы и заговоры; что трудно повѣрить, чтобъ столько людей, большею частію занятыхъ службою или имѣющихъ иныя обязанности, употребляли свое свободное время на отысканіе и посѣщеніе бѣдныхъ по разнымъ трущобамъ, въ отдаленныхъ кварталахъ столицы, или просиживали до глубокой ночи въ душной конторѣ, для распредѣленія и раздачи имъ чужихъ денегъ и пріисканія къ тому средствъ, единственно изъ какой-то человѣколюбивой цѣли, безъ всякой задней мысли; что значительныя средства, коими располагаетъ Общество, не имѣя никакихъ основныхъ капиталовъ, представляютъ также что-то загадочное, и многое т. п.—Февральская революція во Франціи, учрежденіе тамъ демократическо-соціальной республики и народныя волненія во многихъ столицахъ Европы, подали поводъ усилить распускаемые про Общество посѣщенія бѣдныхъ слухи. Многіе видѣли даже что-то угрожающее въ томъ, что Общество имѣло у себя болѣе 8 т. адресовъ бѣдныхъ, не принимая во вниманіе, что значительная ихъ часть была далеко не довольна Обществомъ, которое ставило преграды тунеядству и обличало промыселъ нищенствомъ. Такіе слухи, какъ бы не были они ложны и нелѣпы, не остались безъ послѣдствій. Общество было заподозрѣно. Надъ нимъ сбиралась туча, и оно ожидало своего закрытія. Этого однако не случилось. Но послѣдовалъ 19 Марта 1848 года Высочайшій на имя герцога Лейхтенбергскаго рескриптъ, въ коемъ было сказано: „Учрежденное при благопріятномъ попечительствѣ Вашемъ Общество посѣщенія бѣдныхъ сей столицы совершило многія дѣла, достойныя христіанскаго милосердія и истинной любви къ ближнему. Я вполнѣ оцѣняю таковые подвиги и отдаю всю справедливость членамъ сего Общества, посвятившимъ свои досуги и труды на вспомоществованіе страждущему человѣку. Но дабы поставить Общество посѣщенія бѣдныхъ въ предѣлы одной общей благотворительности, столь изобильной уже въ сей столицѣ, и возвести его на степень, приличествующую сословію, дѣйствующему отъ Моего лица, — Я призналъ за благо, Общество посѣщенія бѣдныхъ въ цѣломъ его составѣ присоединить къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу, гдѣ оно въ порядкѣ его установленія и должно занять приличное мѣсто и проч.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ герцогъ Лейхтенбергскій назначался членомъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, и предсѣдатель Общества посѣщенія бѣдныхъ членовъ С.-Петербургскаго попечительнаго комитета о бѣдныхъ.—Сколь ни лестны были выраженія рескрипта для членовъ Общества, содержаніе его поставило ихъ однако въ крайнее недоумѣніе. Представлялся вопросъ, какимъ образомъ два общества, учрежденныя на началахъ совершенно противоположныхъ и при томъ съ нѣкотораго рода подчиненіемъ одного изъ нихъ другому, могли дѣйствовать совокупно и соглас-

но. Человѣколюбивое Общество имѣло опредѣленные источники доходовъ, состояло изъ чиновниковъ на государственной службѣ, получающихъ жалованье и награды, управлялось бюрократическимъ порядкомъ и дѣйствовало въ этомъ духѣ. Общество же посѣщенія бѣдныхъ пользовалось только добровольными приношеніями и держалось совершенно добровольнымъ содѣйствіемъ своихъ членовъ, не связанныхъ никакими формальными обязательствами. Принятая мѣра казалась Обществу его приговоромъ, и оно готово было разойтись. Князь Одоевскій удержалъ отъ этого. Онъ убѣдилъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, а посредствомъ ихъ и другихъ членовъ, что въ доказательство чистоты ихъ намѣреній и единственной открытой цѣли Общества, оно должно по прежнему неуклонно продолжать свое дѣло, руководствуясь тѣми же правилами, и при этомъ напряженными силами бороться до послѣдней крайности съ предстоящими затрудненіями и препятствіями. Значительная доля этой борьбы пала на него. Князь Одоевскій былъ назначенъ однимъ изъ членовъ комитета для опредѣленія отношеній Общества посѣщенія бѣдныхъ къ совѣту Человѣколюбиваго Общества и долженъ былъ сперва разрѣшать эту сложную задачу, а потомъ испытывать и всю трудность примѣненія на практикѣ. До какой степени Общество было связано въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ своихъ и встрѣчало неожиданныя препятствія на каждомъ шагу, сколько въ двусмысленномъ его положеніи требовалось на все объясненій и разрѣшеній, какъ трудно было отстаивать права Общества и ограждать его отъ наплыва формальностей и бюрократизма, всего этого надобно искать въ кипахъ бумагъ, написанныхъ тогда княземъ Одоевскимъ. Борьба эта стоила ему многихъ горькихъ часовъ и безсонныхъ ночей,—но онъ выдерживалъ ее неутомимо до конца. Общество считало гласность, какъ мы видѣли, однимъ изъ главныхъ средствъ поддержанія столь необходимаго ему довѣрія жертвователей и вообще публики. Теперь это средство, кромѣ тогдашней цензуры, затруднялось и замедлялось еще такими формальностями, что дѣлалось невозможнымъ. Отчеты свои Общество посѣщенія бѣдныхъ должно было представлять совѣту Человѣколюбиваго Общества, для включенія ихъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи, въ общій отчетъ; разрѣшеніе же на напечатаніе своего отчета отдѣльно Общество получало развѣ чрезъ годъ спустя, и онъ оказывался уже несвоевременнымъ. Приведу одинъ пришедшій мнѣ на память примѣръ, хотя и маловажный, но довольно характеристическій. Въ одно утро, пришедъ къ князю В. Ѳ., я засталъ его готовымъ къ выѣзду, но въ какомъ-то тревожномъ состояніи духа. Вотъ въ чемъ было дѣло. Въ Петербургъ впервые пріѣхалъ хоръ Цыганъ, который по новости своей привлекалъ толпы слушателей; Цыгане эти заявили желаніе дать концертъ въ пользу бѣдныхъ, призрѣваемыхъ Обществомъ; день былъ назначенъ, программа концерта составлена, но при отсылкѣ ея для напечатанія потребовалось разрѣшеніе совѣта Человѣколюбиваго Общества, который собирался разъ въ мѣсяцъ, или по крайней мѣрѣ его предсѣдателя, которымъ былъ митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій. Князю Одоевскому предстояло ѣхать въ Александро-Невскую Лавру съ программою концерта, для испрошенія благословенія его высокопреосвященства на то, чтобъ Цыгане пропѣли: „Онъ ужъ не такой, какъ бывало холостой“ и т. п. Князь Одоевскій послѣ нѣкотораго колебанія не поѣхалъ, концертъ не состоялся, и Общество лишилось конечно значительнаго сбора для своихъ бѣдныхъ, въ чемъ очень нужда-

лось въ то время. Весною 1849 г. возобновилась въ Петербургѣ съ особою жестокостію болѣзнь холера; поражая преимущественно семейства, живущія въ нуждѣ, это бѣдствіе умножило число обращавшихся въ Общество за пособіями и увеличило его затрудненія. Къ счастію, однако, въ то же время неожиданные случаи и приношенія доставили ему вспомогательныя средства. Городское начальство прибѣгло къ Обществу для призрѣнія въ его заведеніяхъ значительнаго числа сиротъ за условленную отъ правительства плату. Петербургская дума ассигновала производить Обществу нѣкоторую ежегодную сумму. Статскій совѣтникъ Е. А. Кузнецовъ принесъ въ даръ Обществу 40 т. руб. сер., что̀ дало возможность преобразовать женскій дѣтскій ночлегъ въ женское училище на 150 воспитанницъ, названное Кузнецовскимъ. Въ то же время медикъ фонъ-деръ-Флаасъ представилъ Обществу проектъ лечебницы для приходящихъ и пріисканными имъ средствами много способствовалъ къ устройству этого заведенія. Н. Ѳ. Арндтъ и Н. И. Пироговъ, какъ члены Общества, отнеслись особенно сочувственно къ такому учрежденію, приняли званіе консультантовъ лечебницы и примѣромъ своимъ привлекли въ нее извѣстнѣйшихъ врачей столицы. Лечебница была учреждена собственно для больныхъ, призрѣваемыхъ Обществомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была открыта для всѣхъ постороннихъ лицъ со взносомъ 30 коп. за посѣщеніе. Болѣе 8 т. человѣкъ посѣщали лечебницу въ годъ, а число сдѣланныхъ ими посѣщеній въ это время простиралось до 27 т. Ничтожная плата за посѣщенія покрывала большую часть расхода на содержаніе этого заведенія, одного изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій Общества. И такъ Общество поднялось опять на ноги и прежнимъ путемъ двинулось впередъ. Средства его умножились, и число пособій, оказываемыхъ имъ бѣднымъ, увеличивалось. Оно могло уже расходовать отъ 50 до 60 тысячъ рублей въ годъ, независимо отъ суммы, оставляемой въ запасѣ отъ одного года къ другому. Среди своихъ возобновившихся успѣховъ Общество понесло весьма чувствительную потерю. Въ половинѣ 1852 года скончался герцогъ Лейхтенбергскій. Онъ принималъ живое, искреннее участіе въ судьбахъ Общества и лично раздѣлялъ занятія и труды его членовъ; не пропускалъ засѣданій правленія, безпрестанно осматривалъ заведенія и являлся всюду, гдѣ его присутствіе было нужно и полезно. Привѣтливостію, доступностію и простотою обхожденія онъ пріобрѣлъ общую къ себѣ привязанность; члены видѣли въ немъ не только уважаемаго, высокопоставленнаго попечителя, но и настоящаго товарища въ общемъ дѣлѣ благотворительности. За нѣсколько дней до своей кончины герцогъ въ постелѣ принималъ князя Одоевскаго, и одна изъ послѣднихъ мыслей его принадлежала Обществу. Въ память его Общество испросило разрѣшеніе назвать лечебницу для приходящихъ Максиміліановскою, какъ заведеніе, пользовавшееся особеннымъ его вниманіемъ и заботливостію. Вскорѣ послѣ его кончины Общество понесло другой ударъ: приказомъ по военному вѣдомству запрещалось всѣмъ военно-служащимъ быть членами Общества, такъ какъ это несовмѣстно съ обязанностями ихъ службы. Въ одинъ день выбыло изъ Общества болѣе 70 человѣкъ, изъ коихъ многіе были самыми ревностными и полезными его членами. Надобно было тотчасъ же ихъ замѣстить и для этого удвоить труды и занятія остающихся.

1853 годъ Общество начало подъ благо пріятнымъ знаменіемъ: Великій Князь Константинъ Николаевичъ, по ходатай-

ству Общества, согласился принять званіе его попечителя.

Но не буду утомлять вниманія вашего, мм. гг., дальнѣйшимъ изложеніемъ случайностей и переворотовъ, постигавшихъ Общество, которое склонялось уже къ своему закату. Наступившія трудныя обстоятельства нашего отечества мало по малу ограничивали приливъ средствъ, коими пользовалось Общество; благотворительныя приношенія стали обращаться преимущественно въ пользу раненыхъ и семействъ воиновъ, падшихъ на полѣ брани; изъ членовъ Общества одни оставили столицу, другіе были отвлечены усиленными служебными занятіями, нѣкоторые поступили въ ряды арміи; прибыли новыхъ силъ нельзя было ожидать въ тогдашнее тревожное время. Общество рѣшило прекратить свои дѣйствія. Оно было упразднено въ Апрѣлѣ 1855 г.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій остался на своемъ мѣстѣ, чтобъ похоронить Общество съ честію. Подъ его предсѣдательствомъ учреждена коммисія, которой предоставлялось совершить окончаніе дѣлъ Общества, что̀ и было исполнено вполнѣ удовлетворительно. Всѣ обязательные платежи Общества произведены въ точности, и оставшіяся затѣмъ суммы распредѣлены такъ, что дряхлые и немощные, призрѣвавшіеся въ заведеніяхъ Общества, были обезпечены по возможности въ продолженіи имъ пособій, а дѣти принятыя на попеченіе—въ окончательномъ воспитаніи. Заведенія отчасти закрыты.

Памятникомъ Общества остались въ Петербургѣ — Кузнецовское женское училище *) и Максимиліановская лечебница для приходящихъ, которую приняла подъ свое попечительство Великая Княгиня Елена Павловна, поручивъ ближайшее завѣдываніе этимъ заведеніемъ князю Одоевскому. Такимъ образомъ онъ продолжалъ еще прежнюю дѣятельность свою и на развалинахъ Общества.

Оканчивая разсказъ объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ, невольно спрашиваемъ себя: какимъ образомъ учрежденіе, основанное на добровольныхъ приношеніяхъ и на добровольномъ содѣйствіи своихъ членовъ, могло, въ теченіи 9-и лѣтъ, употреблять въ иные года отъ 50 до 60 т. рублей на дѣло благотворенія? Отвѣта надобно искать, я полагаю, въ тѣхъ нравственныхъ началахъ, коими руководилось Общество, и въ добросовѣстномъ ихъ примѣненіи, чѣмъ оно пріобрѣтало сочувствіе и полное довѣріе благотворителей.

Здѣсь было бы у мѣста назвать ближайшихъ въ разныя эпохи Общества сотрудниковъ князя Одоевскаго, которые были связаны съ нимъ болѣе или менѣе дружескими отношеніями и единодушнымъ, строгимъ подчиненіемъ себя обязанностямъ, принятымъ на себя изъ любви къ ближнему; но списокъ ихъ былъ бы слишкомъ длиненъ, и я могъ бы быть виновенъ предъ нѣкоторыми въ невольномъ забвеніи. Наименую немногихъ, уже умершихъ: первымъ представляется мнѣ всѣми любимый Андрей Николаевичъ Карамзинъ, бывшій въ послѣдніе годы товарищемъ предсѣдателя Общества, также рано похищенный смертію К. Ѳ. Опочининъ, Д. П. Хрущевъ, извѣстный въ литературномъ мірѣ И. И. Панаевъ и проч.

Существованіе Общества не осталось безъ слѣдовъ на поприщѣ благотворительности: оно пріучило къ нѣсколько разумному надѣленію бѣдныхъ милостынею, столь щедро и часто столь небрежно у насъ раздаваемой, указало на разнообразіе пособій, потребныхъ для нуждающихся и представило образцы благотворительныхъ заведеній, прежде намъ

*) Оно было слито съ училищемъ взаимнаго обученія дѣтей женскаго пола.

неизвѣстныхъ. Теперь мы видимъ подобныя заведенія въ обѣихъ столицахъ и въ другихъ мѣстностяхъ, хотя, по свойственному намъ равнодушію и легкому забвенію прошедшаго, при учрежденіи ихъ никогда не упоминалось объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ и принадлежащемъ ему почнѣ въ этомъ дѣлѣ. Независимо отъ оказанныхъ Обществомъ пособій многочисленному классу бѣдныхъ въ нашей сѣверной столицѣ (что составляло прямую его цѣль) оно имѣетъ еще неоспоримое значеніе въ общественномъ развитіи нашемъ: будучи проявленіемъ, подобнымъ Новиковскимъ обществамъ, дружескому и типографскому, оно обнаружило зрѣющія наклонности и стремленія той среды, изъ которой составилось, къ самостоятельной, свободной дѣятельности, требующей извѣстной терпимости и простора, и конечно подготовило нѣкоторыхъ людей къ такой дѣятельности въ болѣе благопріятное время.

Протекло около пятнадцати лѣтъ со времени закрытія Общества; многіе члены его сошли уже въ могилу, оставшіеся разбрелись по разнымъ жизненнымъ путямъ:

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече....

какъ сказалъ поэтъ; но, встрѣчаясь случайно, иногда послѣ долгой разлуки, они сходятся какъ люди одной семьи, какъ свои; воспоминанія ихъ обращаются всегда на поприще нѣкогда ихъ сроднившее, и неминуемо встаетъ предъ ними незабвенный для нихъ, прекрасный образъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Н. Путята.

ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО (*).

НАШИ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ (**).

§ 1. Всѣ мы ходимъ подъ закономъ. Законы установилъ Государь Императоръ. Предъ закономъ всѣ равны. Всѣ мы, какого бы кто состоянія, званія и сословія ни былъ, обязаны повиноваться закону не только по вѣрноподданнической присягѣ, но и за любовь.

§ 2. Повиноваться закону значитъ: не дѣлать того, что законъ запрещаетъ, и исполнять то, что законъ повелѣваетъ.

§ 3. Не все то позволено, что закономъ прямо не запрещено. Такъ напр. законъ не запрещаетъ не ходить въ баню; но изъ этого не слѣдуетъ, что можно быть нечистымъ, не перемѣнять бѣлье и распространять вокругъ себя зловоніе и самому подвергаться коростѣ и другимъ болѣзнямъ, происходящимъ отъ неопрятности. Законъ запрещаетъ буйство въ пьяномъ или трезвомъ видѣ; но изъ сего не слѣдуетъ, что тотъ, кто пьяный не буянитъ, можетъ напиваться пьянымъ сколько хочетъ: ибо такой человѣкъ мало по малу слабѣетъ, мысли его мѣшаются, и онъ въ помѣшательствѣ можетъ совершить преступленіе и подпасть подъ судъ закона. Законъ не запрещаетъ карточныхъ неазартныхъ, а такъ называемыхъ коммерческихъ игръ; но изъ этого не слѣдуетъ, что позволительно ничѣмъ не заниматься, кромѣ карточной игры и проживать на игру свое достояніе, пускать по міру жену и дѣтей.

(*) Эти наброски, афоризмы, отрывки и замѣтки были сообщены въ Русскій Архивъ вдовою князя Одоевскаго, покойною княгинею Ольгою Степановною *П. Б.*

(**) Эти пять параграфовъ составляютъ начало книжки для народнаго чтенія. *П. Б.*

§ 4. Для наблюденія за тѣмъ, чтобы мы исполняли то, что̀ закономъ повелѣно и не дѣлали того, что̀ закономъ запрещено, учреждены суды. Нынѣ царствующимъ мудрымъ Нашимъ Государемъ повелѣно быть гласному судопроизводству, т. е. дозволено всякому входить въ судилища, видѣть и слушать, что̀ въ нихъ производится.

§ 5. Чтобы повиноваться закону, надобно знать, что̀ закономъ повелѣно. Для сего во всеобщее свѣдѣніе издаются отъ правительства книги законовъ. Въ концѣ этой книжки эти книги поименованы; сверхъ того обозначены законныя книги, изданныя отъ частныхъ лицъ, наиболѣе дешевыя и доступныя.

*

Народность—великое слово, но смыслъ котораго, будучи преувеличенъ, можетъ довести до безсмыслицы, т. е. до рабскаго, слѣпаго повторенія того, что̀ дѣлали предки, не потому, что то дѣлалось разумно, а потому, что они именно такъ дѣлали. Они пили каждый праздникъ—и намъ слѣдуетъ пить; они боялись всякаго нововведенія — и намъ надобно отъ него отмаливаться, какъ отъ бѣсовскаго навожденія. Этого рода логика довольно распространена въ нашемъ простолюдьи; глядя на опыты надъ локомобилями, съ молотильнями, вѣялками и прочими столь явно полезными и необходимыми для насъ пособіями, одинъ мужикъ сказалъ: „хорошо, да намъ не приходится; наши отцы безъ того жили, да хлѣбъ ѣли“.—Что̀, лѣсу еще у васъ много въ уѣздѣ? спрашивалъ я у одного мужика. „Нѣтъ, батюшка, весь повывелся, и прутика не будетъ“.—Чѣмъ же вы топите?—„Соломою“.—А торфъ есть?—„Есть“.—Горитъ иногда?—„Горитъ, такая бѣда! Какъ почнетъ, такъ на версту иногда идетъ“.—Чтожъ вы не копаете торфа и не топите имъ вмѣсто соломы?—„Заведенья такого нѣтъ“.— Вотъ вамъ и отвѣтъ. Я знаю, что такой разговоръ покажется наукоборцамъ и забавнымъ, и невозможнымъ, и достойнымъ помѣщенія въ какую нибудь хитросплетенную сказку, въ родѣ князя Луповицкаго; но, воля ваша, такіе отвѣты наводятъ не смѣхъ, но грустное чувство: ибо въ нихъ проявляются самыя яркія черты нашей такъ называемой народности—слово, довольно безтолковое по своей неопредѣленности и которое гораздо скромнѣе и точнѣе замѣняется словомъ: народный обычай или нравъ, т. е. сопряженіе разныхъ физіологическихъ, климатическихъ и другихъ народныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ, при недостаточномъ умственномъ развитіи, вліяніе на распространеніе разныхъ народныхъ повѣрій, частію всегда разумныхъ, частію разумныхъ вчера и никуда негодныхъ сегодня, частію безсмысленныхъ съ самаго зарожденія. Что всѣ эти обстоятельства, при одинаковой обстановкѣ, дѣйствуя на поколѣніе за поколѣніемъ, получаютъ нѣкоторую осѣдлость—въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но есть ли въ томъ путь—вопросъ другой. Положимъ, что человѣкъ привыкъ мало по малу ѣсть мышьякъ (арсеніофаги существуютъ въ Европѣ): неужли же изъ того слѣдуетъ, что онъ и долженъ продолжать это кушанье? Человѣкъ привыкъ пить водку; отъ ея употребленія развились въ немъ разныя болѣзни: неужли же ему и продолжать напиваться? Мы замѣчаемъ въ себѣ дурныя наклонности вообще, напр. лѣнь, непослѣдовательность, ребяческое тщеславіе: неужли же и коснѣть въ этихъ слабостяхъ, потому только, что онѣ въ насъ съ дѣтства?—Всякій человѣкъ есть весьма сложное соединеніе разныхъ факторовъ; на нашъ образъ мыслей дѣйствуютъ и мысли переданныя намъ съ дѣтства, и примѣръ окружающихъ, и собственный организмъ

съ его разными потребностями, физіологически образовавшійся по чекану организма отца и матери; оттого въ насъ есть стремленія неизбѣжныя, такъ называемыя инстинктивныя. Кювье думалъ, что пчелѣ безпрестанно, дѣйствіемъ ся собственнаго организма, представляется фантомъ восковой ячейки, и она чувствуетъ непреодолимую потребность осуществить свой фантомъ. Такіе прирожденные фантомы есть и у людей; но та разница, что у человѣка, независимо отъ чисто-животныхъ побужденій, есть побужденіе высшее, недоступное животнымъ—совершенствовать свой трудъ жизни. Иногда прирожденный фантомъ находится въ прямомъ противорѣчіи со всякимъ усовершенствованіемъ; онъ какъ бѣсъ входитъ въ человѣка и мѣшаетъ всѣмъ его разумнымъ дѣйствіямъ. Но мы отмаливаемся же отъ бѣса коснѣнія, самаго опаснаго изъ бѣсовъ; наука, размышленіе, сношенія съ другими людьми служатъ противъ него заклинательными средствами. Тоже и съ народомъ; но народъ не есть нѣчто отдѣльное, самобытное,—народъ есть собраніе людей, живущихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ и слѣдственно подверженныхъ однимъ и тѣмъ же вліяніямъ мѣстности. Оттого исправленіе народа будетъ тщетною мечтою, если каждый изъ насъ не начнетъ исправленія съ самого себя. Потому важно наблюденіе не только недостатковъ, намъ отдѣльно, какъ особямъ (индивидуямъ) принадлежащихъ, но и тѣхъ недостатковъ въ общемъ народномъ характерѣ, которые въ насъ невольно отразились. Такъ напр., въ отношеніи къ Русскимъ людямъ, всякій изъ насъ долженъ внимательно слѣдить—не закралась ли въ насъ общенародная лѣнь ума, непослѣдовательность, недостатокъ выдержки, и стараться вылечиться отъ этой прирожденной болѣзни, которая точно также относится къ нашимъ отдѣльнымъ собственнымъ недостаткамъ, какъ холера, поражающая цѣлый городъ, относится къ частной случайной болѣзни.

*

Правда ли, что въ Кіевской губ. считается православныхъ Южно-руссовъ 1,559,142 души, а Поляковъ и Южноруссовъ, принявшихъ латинство, 101,950? (какъ утверждаетъ Дом. Бесѣда, 1860, № 17, стр. 23).

*

Если говорить правду, то съ точки зрѣнія жертвоприношеній народности Ахмедъ-паша и другіе, дозволявшіе и поощрявшіе убійства въ Сиріи, дѣйствовали совершенно въ *струѣ* своей народности.

*

Въ нашемъ народѣ двѣ крайности: мистицизмъ, часто заоблачный (раскольники) и разгулъ чувственности. Между сими двумя крайностями проскользнула поэзія, примирительница этихъ двухъ элементовъ.

Народность есть одна изъ тѣхъ наслѣдственныхъ болѣзней, которою умираетъ народъ, если не подновитъ своей крови духовнымъ и физическимъ сближеніемъ съ другими народами.

*

Ни въ одной странѣ міра нѣтъ столько пожаровъ, какъ въ Россіи. Мы не говоримъ о ихъ значительности и пространствѣ, ибо здѣсь причина деревянныя строенія, неотстоящія другъ отъ друга, неустройство по деревнямъ пожарной части. Мы говоримъ о *числѣ* случаевъ. Скажутъ: оттого, что мы топимъ 8 мѣсяцевъ. Но въ другихъ странахъ, напр. въ сѣверной Пруссіи, топятъ не меньше нашего. Да и въ одной ли сѣверной полосѣ эти случаи повторяются? Точно также и въ южной! Скажутъ — отъ куренія табаку; въ Константинополѣ курятъ больше нашего, но тамъ пожары хотя и захватываютъ большое простран-

ство, но *случаи* пожаровъ весьма рѣдки. Вина пожаровъ — просто въ нашемъ авось, живетъ, кое-какъ и какъ-нибудь. Посмотрите на крестьянина, идущаго съ лучиной; обгорѣвшія части падаютъ на деревянный полъ, на солому,—онъ топчетъ головню задкомъ сапога или лаптя, не оглядываясь, попалъ ли онъ на головню. Онъ прилѣпливаетъ свѣчку къ образу и уходитъ въ увѣренности, что икона не дастъ свѣчѣ отвалиться. Сколько пожаровъ отъ малолѣтнихъ дѣтей, оставленныхъ въ избѣ! А уголи! А нечищенныя трубы! А печи съ деревянными подами! А трещины незамазанныя! Вотъ гдѣ причина зла, и этому злу патріархальностью не поможешь. Овины, соломенныя крыши, огонь въ лѣсу—кашицу сварить. Залить огонь: да гдѣ жъ это видано? Что, мы Нѣмцы что ли, въ самомъ дѣлѣ! На все—Божія власть; не сгорѣть, такъ не сгорѣть, а сгорѣть, такъ никакой водой не зальешь.

—

Народность не можетъ подчиниться другой народности, не переставъ быть народностію. Двѣ народности могутъ примириться, даже слиться (что̀ самое лучшее) собственнымъ органическимъ дѣйствіемъ, сдѣлаться похожими другъ на друга, какъ женщина, которая такъ сливается своимъ организмомъ съ первымъ мужемъ, что и во второмъ бракѣ производитъ дѣтей, похожихъ на перваго; но подчиниться — никогда. Это явленіе весьма дѣлается разительнымъ въ настоящее время (1860) — и получило названіе *автономіи*. Дѣло въ томъ, что и Сицилійцы и Неаполитанцы, не смотря на вражду, могли бы очень хорошо ужиться подъ однимъ королемъ, т. е. такимъ, который бы сохранилъ каждому его народность. Точно также Нѣмцы, Чехи, Венгры и Кроаты могли бы ужиться подъ Австрійскимъ скипетромъ, если бы этотъ скипетръ не былъ подъ властью схоластическихъ понятій объ *единообразіи*, которыми Меттерниховo: la patrie n'est qu'une exression géographique обратилось противъ Австріи же: l'empire d'Autriche n'est qu'une expression géographique (*).

—

Русская черта въ народномъ характерѣ. Иногда насъ разберетъ неопреодолимое желаніе имѣть великаго человѣка или великое дѣло. Такой человѣкъ или такое дѣло изобрѣтается; и ежели изобрѣтеніе замедляется, то мы кричимъ, что это ни на что не похоже, что мы должны выйдти изъ равнодушія, изъ закоснѣнія, что мы отстали, что пора... Наконецъ къ величайшему нашему удовольствію великій человѣкъ и великое дѣло изобрѣтены; мы въ восторгѣ, мы открыли Америку и рѣшили задачу о философскомъ камнѣ. Здѣсь начинается второй періодъ: великаго человѣка мы закуриваемъ ѳиміамомъ, спаиваемъ его съ кругу своимъ фетишизмомъ, подносимъ ему шары, и тотъ, кто бы вздумалъ заговорить о надзорѣ, ревизіи, балотировкѣ и другихъ мелкихъ условіяхъ порядка,—тому бѣда! Онъ — крикунъ, завистникъ, выскочка, формалистъ, педантъ. Словомъ, послѣ натуги, необходимой для сотворенія вышеозначенныхъ двухъ вещицъ, мы радостно пользуемся удобнымъ случаемъ спустить рукава, благо наша изба съ краю. Оно и дѣло: если онъ великій человѣкъ, то ему книги въ руки; пусть онъ одинъ и дѣлаетъ: и землю пашетъ, и сѣетъ, и жнетъ, и міръ кормитъ, и дѣтей въ люлькѣ качаетъ;—на что ему подмога? На то онъ великій человѣкъ. Такъ длится нѣкоторое время. Наступаетъ третій періодъ, который бываетъ двоякій: или великій человѣкъ избалуется, и великое дѣло заплеснѣ-

(*) Отечество есть ничто иное какъ выраженіе географическое. Австрійская имперія есть ничто иное какъ выраженіе географическое.

вѣетъ; тутъ появляются слѣдующія многозначительныя восклицанія: смотрите— что жъ это такое? или: я вѣдь говорилъ — не послушались; это все *они* надѣлали. Или великій человѣкъ изнемогаетъ подъ бременемъ работы, не щадитъ себя, и дѣло идетъ изряднехонько. Тогда слѣдуетъ по нашему обычаю и то, и другое *охаять*. Надоѣли, право! Ну, что же въ самомъ дѣлѣ? Вы открыли Америку,—экая важность! Кто это тамъ у васъ? Песталоцци, Гумбольдтъ... Ну, ужъ убили бобра! Вотъ нашли генія,— да я его давно знаю, мы съ нимъ вмѣстѣ служили... И на что жъ эта Америка, эти пары да газы? Стало ли отъ того на рынкѣ дешевле? Право, по старому лучше было.

*

Правда, нѣтъ способнѣе Русскаго человѣка во всей Европѣ; но Нѣмцы опередили насъ просвѣщеніемъ, которое выработало изъ Нѣмца все, чѣмъ только можетъ быть Нѣмецъ; оттого Нѣмецъ всегда Русскаго за поясъ заткнетъ, не смотря на всѣ способности и ловкость Русскаго человѣка. Нѣмецъ ученьемъ беретъ, а у Русскаго ученья не хватаетъ. Народъ призналъ это, называя хорошую работу Нѣмецкою. Былъ тому лѣтъ тридцать споръ: какія лошади лучше, Англинскія или Донскія? Англичане поставили большое пари, Русскіе—также. Вопросъ былъ важный; отъ рѣшенія его зависѣла торговая цѣнность лошадей Англинскихъ и Донскихъ въ Европѣ. Англичане выписали нарочно изъ Англіи стараго, опытнаго жокея-доку. Русскіе достали молодаго парня. Англичанинъ выдержалъ выведенную изъ долговременной практики діэту; Русскій парень предъ скачкою напился молока вдоволь. Сколько помнится, на пари была положена 20-ти или 30-ти верстная дистанція. Жокей поѣхалъ шагомъ; парень поскакалъ съ первой минуты, но чрезъ нѣсколько минутъ долженъ былъ остановиться: молоко подѣйствовало; такихъ остановокъ было нѣсколько. Да на бѣду посадили парня на непривычное сѣдло: на половинѣ дороги онъ его сбросилъ, увѣряя, что безъ сѣдла лошади легче. Между тѣмъ скачка продолжалась; жокей прибавилъ, когда уже Русская лошадь начинала уставать. На дорогѣ Англичане поставили своихъ агентовъ, верхомъ, съ губками, намоченными въ уксусѣ и спиртѣ; они приставали къ своей лошади и прыскали ей въ ноздри изъ губки: лошадь освѣжалась, чихала. Русскимъ и въ голову не пришло это освѣжительное средство. У флага, голова Англійской лошади на нѣсколько линій опередила Донскую. Русское пари было проиграно. Тутъ-то Русскіе охотники догадались, что не такъ они распорядились, какъ слѣдуетъ; но уже поздно. Предлагали повторить пари; Англичане не согласились, а жокей объявилъ, что онъ ни за какіе фунты стерлинговъ не пойдетъ другой разъ въ такую пытку.

Въ этомъ анекдотѣ вся исторія нашей борьбы съ иноземцами. Наши неудачи просто слѣдствіе нашего незнанія и рукавоспустія. А что толкуютъ гг. Славянофилы о какомъ-то допотопномъ Славяно-татарскомъ у насъ просвѣщеніи, то оно пусть при нихъ и остается, пока они не покажутъ намъ Русской науки, Русской живописи, Русской архитектуры—въ допетровское время; а какъ по ихъ мнѣнію вся эта допотопная *сушь* сохранилась лишь у крестьянъ, т. е. крестьянъ, неиспорченныхъ такъ называемыми балуй-городами, какъ напр. Петербургъ, Москва, Ярославль и пр. т. п., то мы можемъ легко увидѣть сущность этого допотопнаго просвѣщенія въ той безобразной кривулѣ, которою нашъ крестьянинъ царапаетъ землю, на его едва взбороненной нивѣ, въ его

посѣвахъ кустами, въ неумѣніи содержать домашній скотъ, на который, изволите видѣть, ни съ того ни съ сего находитъ чума, такъ—съ потолка, а не отъ дурнаго ухода; въ его курной избѣ, въ его потасовкѣ женѣ и дѣтямъ, въ особой привязанности свёкровъ къ молодымъ невѣсткамъ, въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ и наконецъ въ безграмотности. Довольно! Допотопное просвѣщеніе во всей красѣ своей. А между тѣмъ Русскій человѣкъ все таки первый въ Европѣ. Не только по способностямъ, которыя ему дала природа даромъ, но и по чувству любви, которое чуднымъ образомъ въ немъ сохранилось, не смотря на недостатокъ просвѣщенія, не смотря на превратное преподаваніе религіозныхъ началъ, обращенное лишь на обрядность, а не на внутреннее улучшеніе. Ужъ если Русскій человѣкъ прошелъ сквозь такую передѣлку и не забылъ христіанской любви, то стало быть въ немъ будетъ прокъ; но это еще впереди, а не назади.

—

Совершенство возможное человѣку! Кто назоветъ совершенство невозможнымъ? Новый міръ вырабатывается изъ разумѣнія человѣческаго, но дѣло идетъ медленно; еще на насъ куколка, мы не расправили еще крыльевъ. Въ природѣ одно живетъ на счетъ другаго, и мы тоже: у насъ еще война, дуэли; намъ некогда бороться за права съ природой. Глупый вопросъ: а все таки постарѣешь, все таки умрешь? Отвѣтъ: а не знаю, старуха (наука) на двое сказала.— Это уже невозможное. Когда, указывая на тѣни камеръ-обскуры толковали о возможности прикрѣпить ихъ къ бумагѣ, тогда говорили: камеръ-обскура—возможное, прикрѣпить (фотографія) невозможное. Биша сказалъ: жизнь есть система силъ, противящихся разрушенію. Кто рѣшитъ, *какъ долго* эта система можетъ противиться разрушенію?

Всякій организмъ можетъ переносить многое кромѣ отсутствія движенія. Уклоненіе отъ діеты, безсонная ночь, даже вывихъ, переломъ кости, потеря одного изъ членовъ, всѣ эти отступленія отъ нормальнаго состоянія въ извѣстной степени не разрушаютъ въ конецъ организма. Иное дѣло, когда кровь перестаетъ обращаться, когда прекращается дыханіе, когда въ желудкѣ параличъ—смерть неминуема. Что въ человѣческомъ организмѣ, то и въ общественномъ. Назидательные примѣры Китая, Австріи.

*

Сцена у губернатора по юридической тяжбѣ—не мое дѣло, по дорогамъ—не мое дѣло; разбили окошко ночью проѣзжавшие на извощикѣ—запрещеніе ночныхъ извощиковъ.

*

Въ сновидѣніяхъ индивидуальность человѣка, его физіологическія потребности, голодъ, жажда, его собственныя желанія и опасенія сливаются съ происшествіями дня, своими и чужими. Человѣкъ какъ-бы теряетъ регуляторъ, коимъ всѣ его силы направляются равномѣрно; въ сновидѣніяхъ человѣкъ—почти сумасшедшій.

*

Относительно таланта стола—мы не знаемъ, какъ варится кострюлка вдохновенія. Зарожденіе идей во снѣ—сопряженіе разныхъ системъ силъ души. Если каждая ячейка одарена жизненною силою, то жизнь и ея выраженіе есть сопряженіе: такъ бо̀льшій или меньшій паровикъ, бо̀льшее или меньшее треніе между частями, способъ устройства параллелограмма силъ условливаютъ характеръ машины.

*

Мы не видимъ многихъ явленій, которыхъ дѣйствительность несомнѣнна: внѣ себя—движенія часовой стрѣлки на часахъ, роста растеній; въ нашемъ организмѣ—мы не можемъ разпознать всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для того, чтобы написать строку: какимъ образомъ мы въ одно и тоже время думаемъ и о построеніи выраженной мысли, и о способѣ ея выраженія, и о соблюденіи законовъ того языка, на которомъ пишемъ, и объ очертаніи буквъ. Въ быстрой трели фортепьянистъ не видитъ движенія собственныхъ пальцевъ. Видѣть внутренее движеніе еще труднѣе. Такъ напр., какъ растолковать себѣ явленіе, носящее названіе смѣтливости (*)? Человѣкъ входитъ въ комнату и разомъ смекаетъ всѣ отношенія между лицами, въ ней находящимися; кажется, для этого необходимъ строгій анализъ всѣхъ подробностей. Таковъ медицинскій глазъ, глазъ полководца. Говорятъ: онъ разомъ разсчелъ. Правда, что разомъ, но не разсчелъ; умъ его съ неимовѣрною быстротою пробѣжалъ всѣ эти разсчеты безсознательно. Меня могутъ остановить на этомъ словѣ, но у меня есть неотразимый аргументъ: математики-автодидакты, которые мгновенно произносятъ результатъ самыхъ огромныхъ вычисленій. До сихъ поръ еще не удалось выпытать, какою методою они мгновенно сосчитываютъ напр. число секундъ въ цѣлой жизни человѣка, не забывая и високосныхъ годовъ! Они сами не знаютъ, какъ это вычисленіе въ нихъ сдѣлалось (Тщетныя попытки Жакоба надъ Mondeux). Точно также мы не можемъ себѣ отдать отчета въ такъ называемыхъ предчувствіяхъ, въ писаніи, въ рисованіи посредствомъ вертящагося стола.

*

Привидѣнія и сомнамбулическія явленія. Выраженіе безсознательность, если принять его въ безусловномъ смыслѣ, есть выраженіе невѣрное. Полную безсознательность можно предположить лишь въ явленіи смерти. Пока человѣкъ живъ, нѣкоторыя изъ душевныхъ его силъ продолжаютъ дѣйствовать. Пьяный сохраняетъ столько сознательности, что доходитъ до̀ дома, если не измѣнятъ ноги; даже и въ такомъ случаѣ онъ движеніями, рѣчами показываетъ, что онъ не въ полной безсознательности. Во снѣ я часто закрываю рукою раззвенѣвшійся будильникъ. Что̀ значитъ это явленіе? Одна изъ душевныхъ моихъ силъ, пекущихся о моемъ самохраненіи, дѣйствуетъ весьма сознательно, устраняя препятствіе сну, необходимому для организма; засыпаетъ лишь другая душевная сила, заставившая меня вчера поставить будильникъ на тотъ или другой часъ.—Такъ и въ вертящихся столахъ, въ рисованіи и писаніи спиритовъ: нѣкоторыя изъ душевныхъ силъ погружены въ сонъ, угнетены, но не всѣ; точно также, какъ могутъ быть угнетены нервы чувствительности, при бодрствованіи нервъ движенія, и наоборотъ.

—

Попъ, котораго хотятъ заставить кататься по полю. Дьячекъ, который говоритъ, что батька въ вѣрѣ некрѣпокъ: не понедѣльничаетъ и матушки-пятницы не чествуетъ (*).

*

(*) Намъ Русскимъ приписываютъ эту способность, и слово это существуетъ въ одномъ нашемъ языкѣ.

Павлова (въ повѣсти „За чайнымъ столомъ“) справедливо и глубоко замѣтила, что для самаго существеннаго недостатка въ народѣ у него нѣтъ слова (народъ этого недостатка не чувствуетъ); такъ у Французовъ нѣтъ слова einseitig пристрастный, (односторонній); у насъ нѣтъ слова для выраженія того кровнаго нашего недостатка, который лишь приблизительно выражается словами: авось живетъ и какъ-нибудь; у насъ нѣтъ слова inconséquence (непослѣдовательность).

(*) Принадлежитъ къ существующему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суевѣрному обычаю простонародья катать духовное лице по полю передъ посѣвомъ. Мѣсто это по смыслу относится нѣсколько выше. Оно случайно написано авторомъ посреди другаго изложенія. *П. Б.*

Сокрытіе истины рѣдко на что нибудь бываетъ полезно и всегда задерживаетъ исправленіе зла, дѣйствительно существующаго.

*

Есть минута вялости души, когда отъ усталости ли, отъ растройства ли нервъ, вся жизнь кажется сѣренькою; вспоминается, что она должна рано или поздно кончиться, что слѣдственно все равно— хлопоталъ ли въ жизни, сидѣлъ ли сиднемъ. Обыкновенно это выражается словами: ни за что не хочется приняться. Все это сложное явленіе въ собственномъ смыслѣ есть пробужденіе нашей кровной, Славянской лѣни ума, которая хитро подыскиваетъ разные софизмы для поддержанія своихъ правъ на существованіе. Нѣсколько разъ мнѣ случалось, когда, желая раньше встать (просидѣвъ долго ночью), я ставилъ будильникъ такъ, чтобы спать менѣе 8 часовъ (необходимыхъ для моего организма): рука моя во снѣ протягивалась къ ручкѣ, прекращающей звонъ будильника, и я заставлялъ его молчать совершенно инстинктивно, въ полуснѣ. Чтобы отдѣлаться отъ такого сомнамбулическаго дѣйствія, я принужденъ былъ отставлять будильникъ отъ кровати, чтобы рука не могла достать до него.

*

Видѣнія (статья въ 1 № Совр. 1860) происходятъ въ насъ, а неизвнѣ. Видѣніе жертвъ своему мучителю есть автодидактическое движеніе совѣсти и— слава Богу—по крайней мѣрѣ есть острастка на негодяевъ. Должно замѣтить, что видѣнія чаще являются ночью, нежели днемъ; это понятно, ибо ночью и субъективное состояніе человѣка тому помогаетъ. Но отчего они чаще являются въ жилищахъ людей, нежели на чистомъ воздухѣ? Отлагая въ сторону возможное образованіе нѣкоторыхъ наркотическихъ газовъ въ жилищѣ человѣка (предметъ весьма сложный и еще мало обработанный) вспомнимъ напр. дѣйствіе, производимое встрѣчею двухъ разныхъ температуръ. Мы знаемъ весьма явный результатъ такой встрѣчи при отворенной наружу двери зимою; водяные пары воздуха являются въ видѣ тумана,—это всѣмъ извѣстно; но по моимъ наблюденіямъ это явленіе повторяется, хоть не столь явно, и между внутренними комнатами. Обращаю на это особенное вниманіе, ибо всякому легко повѣрить это наблюденіе. Весьма незначительнаго различія между температурами достаточно для осажденія водяныхъ паровъ и слѣдоват. для образованія тумана. Мы не замѣчаемъ его въ жилыхъ комнатахъ, въ коихъ происходитъ движеніе живущихъ: воздухъ, безпрестанно перемѣшиваясь, уравнивается въ температурѣ. Но иное происходитъ, если вы изъ комнаты гдѣ $+15^{0}R$ отворите дверь въ запертую до того комнату, гдѣ напр. хоть $+13^{0}$,—небольшой туманъ образуется непремѣнно. Это явленіе весьма скоротечно, ибо температуры уравновѣшиваются весьма быстро. Всего явственнѣе можно замѣтить это явленіе, выходя изъ нагрѣтой комнаты въ холодноватый корридоръ и, чѣмъ длиннѣе корридоръ, тѣмъ образованіе тумана будетъ для зрѣнія явственнѣе. Свѣтъ отъ свѣчи ложится иначе по корридору, нежели какъ бываетъ обыкновенно. Этотъ туманъ, какъ и всякій другой, волнуется, и отъ соединенія очертаній, производимыхъ сими волнами тумана, съ архитектурными линіями происходитъ нѣчто подобное человѣческимъ фигурамъ. Человѣкъ, предрасположенный къ вѣрѣ въ видѣнія или находящійся въ патологическомъ состояніи, составитъ себѣ полную человѣческую или иную фигуру пополамъ изъ этихъ линій, особливо при слабомъ освѣщеніи. Мы имѣемъ въ себѣ чудную способность придавать какой-то

смыслъ агломераціи разныхъ линій; въ этомъ всякій убѣдится, если посмотритъ пристально въ продолженіи двухъ-трехъ минутъ наприм. на заплесневѣлую или истрескавшуюся стѣну: изъ случайно встрѣтившихся линій наше зрѣніе тотчасъ образуетъ подобіе человѣческихъ фигуръ, цвѣтовъ, зданій и пр. На этомъ, мимоходомъ сказать, основано и гаданіе на кофіи.

Когда духовидцамъ говорятъ: то, что вы видѣли, не согласно съ установленными законами природы, они отвѣчаютъ: всѣ ли законы природы намъ извѣстны? И вслѣдъ ссылаются на слабость человѣческаго разума. Конечно, еще не всѣ законы природы открыты наукою, и тому доказательство то, что она каждый день открываетъ новые и, съ Божіею помощью откроетъ ихъ и еще больше. Конечно и разумъ насъ иногда обманываетъ, и доказательство тому то, что онъ въ наукѣ самъ на себя подаетъ аппеляцію. Все такъ, но дѣло въ томъ, что донынѣ всѣ извѣстные случаи духовидѣній нисколько не выходятъ изъ границъ человѣческаго разумѣнія,—прибавимъ: здороваго. Нѣтъ ни одного изъ этихъ видѣній, которое бы не могло быть объяснено извѣстными естественными законами, изложенными въ любомъ учебникѣ физики или физіологіи. Гораздо необъяснимѣе бываютъ и для самаго опытнаго физика разные фокусъ-покусы, производимые на публичныхъ представленіяхъ такъ называемой бѣлой магіи; и чѣмъ глупѣе штука, т. е. чѣмъ ничтожнѣе средство, употребленное для фокусъ-покуса, тѣмъ самый фокусъ-покусъ непонятнѣе. Я по крайней мѣрѣ до сихъ поръ никакъ не могъ понять—какимъ образомъ изъ одной и тойже бутылки наливаются разные ликеры.—Случай съ вещами на башнѣ Думы въ С.-Петербургѣ.—Акустическіе обманы: трескъ отъ мороза, звонъ въ стекла, Эолова арфа.—Оптическіе обманы: предметъ освѣщенный кажется выпуклымъ, въ тѣни—вогнутымъ, точно по той же причинѣ, почему живописецъ кладетъ блики на выпуклость и тѣнь на вогнутыя части.

*

Сѣверцовъ на лекціи 28 Февраля 1860 говорилъ между прочимъ, что зоологія не можетъ предугадывать, какъ напр. астрономія, и что зоологическій фактъ отнюдь не имѣетъ такого значенія, какъ астрономическій. Астрономъ, исчисливъ разъ затмѣніе, можетъ исчислить его и за тысячу лѣтъ. Не то въ зоологіи: зоологъ, опредѣливъ признаки, видъ животнаго по нѣсколькимъ экземплярамъ, никакъ не можетъ ручаться, что не представятся экземпляры, которые заставятъ его присовокупить новые признаки къ общему виду, или составить под-видъ, или даже и новый видъ. Есть, продолжалъ онъ, однакоже признаки постоянные; такъ напр. никто не станетъ отвергать, что зрѣніе есть общая принадлежность человѣка, хотя никто еще не видалъ всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ. Наоборотъ, признакъ, который казался столь общимъ для водяныхъ птицъ, а именно существованіе перепонки между пальцами, оказывается несостоятельнымъ, ибо найденъ видъ водяныхъ куръ, у которыхъ нѣтъ перепонки и которыя даже должны не распростирать, но сжимать пальцы при плаваніи; наоборотъ, найдены перепончатыя птицы, никогда не плавающія.

Виною этой неопредѣлительности столь важной науки—недостатокъ фактовъ для наблюденій, или, лучше сказать, малое число людей, занимающихся такими наблюденіями. Это прискорбное явленіе замѣчается не въ одной зоологіи. Точно такъ самый трудолюбивый геологъ, минералогъ, ботаникъ въ своихъ поѣздкахъ можетъ изслѣдовать только ту линію, по которой онъ ѣдетъ,—а остальное, осо-

бливо въ огромномъ пространствѣ Россіи? Вотъ почему нигдѣ такъ не могутъ быть необходимы второстепенные наблюдатели, какъ у насъ. Сколько сокровищъ у насъ подъ рукою, а мы не знаемъ гдѣ они? Мы знаемъ изъ географіи о нашихъ минералахъ, нашей флорѣ, нашей фаунѣ лишь то, что встрѣтилось на *линіи наблюденій* Палласа, Гмелина, Мурчисона, Гумбольдта, Бера, Сѣверцова и др. немногихъ. Между тѣмъ, отлагая въ сторону интересы собственно науки, не забудемъ, что напр. свинецъ и сѣра играютъ даже политическую роль, каменный уголь нуженъ намъ какъ хлѣбъ насущный, что вообще малая добывка нашихъ естественныхъ произведеній заставляетъ насъ между прочимъ для настоятельныхъ нуждъ государственныхъ усиливать привозъ необходимыхъ предметовъ изъ чужихъ краевъ, нарушать балансъ между привозомъ и отпускомъ и, мимоходомъ, умножая наши заграничные платежи, увеличивать внутреннюю дороговизну, т. е. понижать цѣну нашихъ ассигнацій, что отражается на всѣхъ классахъ безъ исключенія. Исчислено, что намъ нужно до 300 тысячъ школьныхъ учителей (Сѣв. Пчела, 1860, 29 Февраля). Сколько же намъ нужно наблюдателей, такъ сказать, чернорабочихъ, которые бы могли указать свои находки другимъ наблюдателямъ болѣе ученымъ, а эти въ свою очередь сообщили бы собранные ими, при такомъ содѣйствіи, матеріалы настоящимъ ученымъ и правительству! Достовѣрно можно утвердить, что не возвысятся наши государственные доходы, не возвысится цѣна нашихъ ассигнацій, не будутъ успѣшны въ полномъ смыслѣ слова всѣ наши промышленныя предпріятія до тѣхъ поръ, пока тотъ классъ народа, который ежедневно имѣетъ дѣло съ землею, будетъ не только грамотнымъ, но и не получитъ, въ мѣру возможности, такихъ свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ, которыя бы дали ему способъ отличать минералъ отъ минерала, растеніе отъ растенія. Не говорю уже о томъ, какъ бы возвысилось самое земледѣліе, эта основа нашего богатства, которое день отъ дня будетъ важнѣе и важнѣе, по мѣрѣ того, какъ земледѣліе въ остальной Европѣ будетъ болѣе и болѣе склоняться, по естественному ходу вещей, къ произведенію болѣе масляничныхъ, красильныхъ, медицинскихъ, вообще мануфактурныхъ, но не съѣдобныхъ произрастеній. Даже во Франціи дальновидные наблюдатели съ ужасомъ указываютъ на поля, которыя съ каждымъ днемъ вмѣсто хлѣбныхъ растеній засѣеваются гарансомъ, кользою и другими подобными, выгодно продающимися продуктами.

А наши умники: кто вовсе считаетъ и грамоту дѣломъ безполезнымъ, кто хочетъ держать нашихъ умныхъ, но вполнѣ невѣжественныхъ поселянъ на Часовникѣ! Какой нехристь будетъ отвергать и религіозную и нравственную пользу Часослова и Псалтири? Но какой неучъ будетъ считать ихъ достаточными не только для геологическихъ, минералогическихъ, ботаническихъ, вообще для физическихъ свѣдѣній, но даже для содѣйствія ихъ къ наблюденію природы, къ уразумѣнію промышленныхъ выгодъ, къ предметамъ, отъ коихъ, какъ мы выше видѣли, зависитъ благосостояніе, даже безопасность страны.—Понятіе о промышленности въ нашемъ народѣ можно оцѣнить по тысячѣ разныхъ фактовъ. Въ числѣ ихъ упомянемъ хоть слѣдующій, напечатанный въ Иркутскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1860 года, отд. 2-й, неоффиціальная часть № 5.

„Ежели состояніе Амурскаго казака не такъ хорошо, какъ бы оно должно быть, то вину этого надлежитъ искать

не въ ошибочныхъ распоряженіяхъ начальства, не въ безнравственности началъ, но въ природной лѣности Сибиряка вообще и Забайкальскаго казака въ особенности. Проѣзжая по селеніямъ Пріамурья, я немало удивлялся тому, что на столахъ казаковъ не являлась никогда рыба, хотя она водится въ несмѣтномъ количествѣ во всякой рѣчушкѣ, не говоря уже о самомъ Амурѣ. Я спросилъ однажды у казаковъ—почему они до сихъ поръ не ловятъ рыбы?

— Некогда, былъ отвѣтъ.

— Что же вы дѣлаете? спросилъ я.

— Да все недосугъ, вишь ты: гоненія страшныя!

— Какія же это гоненія?

— Да подводами вовсе насъ, то есть, замаяли!

„Предо мною лежала въ это время книга, въ которой записывается разгонъ лошадей; изъ нея видно, что въ Сентябрѣ вышло всего 8 подводъ. Я сказалъ объ этомъ казакамъ и спросилъ ихъ: много ли въ здѣшней станицѣ живетъ семействъ?"

— Шестнадцать, былъ отвѣтъ.

— Слѣдовательно, сказалъ я, одному семейству достается одна подвода въ два мѣсяца; какже вы говорите, что вамъ недосугъ ловить рыбу?—Казаки возразили, что въ прошломъ Сентябрѣ было дѣйствительно мало подводъ, но что иногда бываетъ ихъ гораздо болѣе.

— Согласенъ съ тѣмъ, что иногда бываетъ ихъ больше; положимъ, что иной разъ вмѣсто 8 выйдетъ 16; въ такомъ случаѣ на семейство приходится подвода въ мѣсяцъ. Ежели даже случится, что вмѣсто 8 выйдетъ 32 подводы, то и тогда одному человѣку прійдется съѣздить только разъ въ 15 дней; поэтому гоньба подводъ ни въ какомъ случаѣ не должна лишать васъ возможности заниматься рыбнымъ промысломъ.

— Да вишь ты, невода-то у насъ нѣтъ (*): казна-то было и обѣщала намъ неводъ, да и не дала; и рады бы ловить рыбу, но, вишь ты, нечѣмъ.

— Не стыдно ли вамъ разчитывать вездѣ и всегда на казну: развѣ вы сами не можете цѣлымъ селеніемъ купить хотя бы одинъ неводъ у Манчуровъ?

— Мы бы, конечно, купили у нихъ неводъ да, вишь ты, проклятые дорого больно просятъ. Сами мы сглупили и дали маху: намъ бы надо было купить у нихъ неводъ сперва, какъ только-что здѣсь поселились; тогда Манчуры были ужасно глупы и все дешево продавали; а теперь они даромъ что тварь, а ужъ *обрусѣли* и хитры проклятые стали: за все дорого просятъ, дешево ничего не отдаютъ.

— Ежели у васъ нѣтъ невода, то почему же не ловите рыбу крючками?

— Стоитъ ли хлопотъ! Многоли попадется рыбы на крючки?

— Почему вы не займетесь хотя звѣринымъ промысломъ? У васъ здѣсь множество дикихъ козъ, изюбровъ, сохатыхъ (лосей); я видѣлъ цѣлыя стада этихъ животныхъ.

— Вѣдь они здѣсь, сударь, ужасно хитры, не то, что у насъ въ Забайкальѣ: ни за что не скрадетъ, ни за что не подпуститъ близко. Притомъ нужды-то намъ нѣтъ большой, потому что казна даетъ намъ мяско.

„Извольте съ ними разсуждать? Рыбы не ловятъ потому, что невода нѣтъ; невода нѣтъ потому, что Манчуры уже *обрусѣли* и дорого просятъ; крючковъ не ставятъ потому, что на нихъ мало попадаетъ рыбы; козъ не стрѣляютъ потому, что онѣ хитры. Но истинная причина всего этого заключается въ ихъ

(*) Намъ достовѣрно извѣстно, что въ числѣ различныхъ хозяйственныхъ снабженій отъ казны вновь устраиваемыя на Амурѣ казачьи станицы получаютъ неводъ.

лѣности и въ томъ, что казна даетъ имъ „мяско". Въ 1-й сотнѣ Амурскаго полка казна не содержитъ казаковъ на свой счетъ, а потому они промышляютъ рыбу и дикихъ звѣрей и живутъ гораздо лучше тѣхъ, которые получаютъ казенное содержаніе. Казаки станицы Бейтоновой сказывали мнѣ, что они поймали нынѣшней осенью на Усть-Панчи до 1000 пудъ рыбы. Ежели вы, г. Завалишинъ, хотите непремѣнно винить начальство, то вините его въ томъ, въ чемъ оно дѣйствительно виновато, а именно: въ излишней заботливости объ улучшеніи быта поселенныхъ на Амурѣ казаковъ, — заботливости, которая не приноситъ имъ существованной пользы, а только питаетъ природную ихъ лѣность, главный порокъ Сибиряка."

„Написавъ все, что̀ мнѣ было извѣстно о переселеніяхъ и переселенцахъ Амурскихъ, я снова прочиталъ съ великимъ вниманіемъ всѣ статьи г. Завалишина, желая въ нихъ найдти что нибудь такое, что̀ хотя бы въ части могло подтвердить мнѣніе автора о „невозможности заселенія Амура," „объ убійствѣ зачатковъ вольнаго переселенія" и т. п.,—и не нашелъ опять ровно ничего. Между тѣмъ, въ бытность мою въ Благовѣщенскѣ нынѣшней осенью, я видѣлъ тамъ 3 депутатовъ отъ общины Таврическихъ колонистовъ, пріѣхавшихъ на Амуръ съ цѣлью познакомиться ближе съ климатомъ и мѣстными обстоятельствами новаго края. Депутаты эти сказали мнѣ, что по ихъ мнѣнію Пріамурье представляетъ для жительства и хозяйства гораздо болѣе благопріятныхъ условій во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ Таврическая губ., а поэтому они рѣшили: начиная съ 1861 г. переселять изъ Таврической губ. на Амуръ по сту семействъ Нѣмецкихъ колонистовъ ежегодно. Кромѣ этого, бывшій Американскій гражданинъ, нынѣ Русскій подданый, де-Фризъ отправился въ Калифорнію за 30 семействами тамошнихъ жителей, которые поселятся въ окрестностяхъ Благовѣщенска; изъ чего слѣдуетъ заключить, что де-Фризъ отдаетъ преимущество Пріамурью передъ самой Калифорніей, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и что ни онъ, ни депутаты отъ Таврическихъ колонистовъ не видали на Амурѣ никакихъ слѣдовъ „насилій," и „Аракчеевскихъ пріемовъ" и не слыхали вовсе объ „убійствѣ зачатковъ вольнаго переселенія." Это-факты, г. Завалишинъ, а не афоризмы!" (*)

„Что въ Пріамурьѣ въ настоящее время находится весьма мало жителей, это правда; но вопросъ: откуда взять ихъ болѣе? Отъ заселенныхъ мѣстъ Россіи Пріамурье отдѣлено огромными пространствами Сибири, которая можетъ помѣстить въ себѣ по крайней мѣрѣ въ тридцать разъ болѣе жителей, чѣмъ ихъ теперь вмѣщаетъ. Захочется ли Сибиряку, живущему въ такомъ раздольи, покинуть свою родину и переселиться въ новый край, знакомый ему только по слухамъ? Люди тогда только охотно

(*) Намъ извѣстно, что въ Главномъ Упр. Вост. Сиб. поступаютъ просьбы отъ государств. крестьянъ внутреннихъ губ. Россіи (напр. изъ Сарат. и Самар. губ. до 1500 д. обоего пола) о дозволеніи имъ переселиться на Амуръ, на собственномъ иждивеніи,— что̀ съ одной стороны не подтверждаетъ невозможности свободнаго заселенія Амура, а съ другой доказываетъ, что новые переселенцы сообщаютъ недурныя вѣсти о своемъ житьѣ-бытьѣ. Вотъ еще факты въ доказательство того, что вѣроятно бытъ казаковъ Вост. Сибири не такъ дуренъ, какъ думаетъ г. Завалишинъ и его послѣдователи: а) Гос. крест. изъ внутреннихъ губ. Россіи подаютъ просьбы въ Гл. Упр. В. Сиб. о дозволеніи имъ переселяться въ Забайк. Область, съ зачисленіемъ въ казачье Заб. войско; б) Не проходитъ недѣли, чтобы въ Главн. Упр. не получали просьбъ разныхъ мѣстныхъ жителей В. Сибири о зачисленіи въ казач. сословіе, и со времени преобразованія здѣшняго казач. войска, т. е. съ 1851 г. таковыхъ зачисленій совершено немало; в) Въ Минусинск. округѣ казенные крестьяне подаютъ просьбы о зачисленіи въ казачье сословіе и зачисляются цѣлыми десятками семействъ въ Енисейскій казачій конный полкъ.

переселяются въ чужія стороны, когда ихъ родина до того наполнится жителями, что уже не въ состояніи прокормить ихъ всѣхъ своими средствами. Поэтому Сибирь немного удѣлитъ переселенцевъ Пріамурью, до Россіи очень далеко, а Пріамурье другой только годъ стало Русской землей.“

„Вотъ причины малолюдства Пріамурья.“

*

Христіанство должно было возбудить гоненія и общее негодованіе; оно вошло въ противорѣчіе съ основнымъ элементомъ древняго міра: неравенствомъ между людьми. Увѣрять гордаго Римлянина, что его плѣнникъ, рабъ и онъ, гражданинъ Римскій, патрицій, равны предъ Богомъ—было ниспроверженіемъ всего общественнаго порядка. Съ какимъ умиленіемъ рабъ-варваръ долженъ былъ слушать рѣчи о свободѣ во Христѣ, о томъ, что Христосъ пришелъ освободить всѣхъ безъ различія, разумѣется принимая это выраженіе не въ высоко-духовномъ, но въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. „Первые будутъ послѣдними, послѣдніе—первыми,“ было тяжкимъ ударомъ для Римскаго патриція. Безусловный гнетъ человѣка человѣкомъ, какъ всякое давленіе, есть явленіе неестественное, которое можетъ быть поддерживаемо лишь матеріальною силою; этотъ гнетъ чуяли всѣ народы до Р. Хр., но никто до Христа не выговорилъ слова объ общей взаимной любви между всѣми людьми безъ различія. Вспомнимъ Вара, который отъ Рейна до Везера ввелъ Римское (4 и 9 годъ по Р. Хр.) наказаніе розгами за маловажные проступки, когда тѣлесное наказаніе у Германцевъ безчестило на всю жизнь. (Битва Вара съ Арминіемъ была въ Тевтобургскомъ лѣсу, что нынѣ Липпе-Детмольдъ).

Достойно замѣчанія, что разрушеніе Іерусалима Титомъ (70 л. по Р. Хр.) не повредило ученію христіанскому, а скорѣе подкрѣпило его.

На рубежѣ двухъ міровъ, языческаго и христіанскаго, является величественный, огнемечущій обликъ апостола Павла. Не въ числѣ 12 избранныхъ, онъ призваніемъ Божіимъ сталъ ничѣмъ не меньше ихъ, по собственному его выраженію. А между тѣмъ трудно было его служеніе; тѣ, къ коимъ онъ обращался съ пылкою любовью, сомнѣвались—Христосъ ли въ немъ говоритъ (Вт. Корин. XIII, 3). Ему предстояло: 1-е, увѣрить, что онъ дѣйствительно апостолъ; 2-е, побороть убѣжденіе Іерусалимскихъ Христіанъ, требовавшихъ отъ язычниковъ обрѣзанія; и 3-е, наконецъ, уже проповѣдывать язычникамъ.

*

. . . . Къ числу признаковъ, отличающихъ человѣка отъ животныхъ, принадлежитъ то, что животное разрушаетъ, чтобы разрушить, а человѣкъ разрушаетъ для того, чтобы построить. Скотство революціонеровъ.

*

Цѣль природы объясняется довольно трудно: съ одной стороны мы видимъ чрезвычайную заботливость о сохраненіи породъ, о поддержаніи существованія каждаго индивидуума, съ другой такую же заботливость о томъ, чтобы это существованіе было связано съ страданіемъ, смертью, вообще истребленіемъ другихъ породъ. Одни животныя снабжены наступательными орудіями для умерщвленія другихъ (челюсти, зубы, клыки, языкъ, какъ напр. у муравьѣда); другимъ, менѣе сильнымъ, дано чутье (напр. у крота, отыскивающаго подъ землею личинки насѣкомыхъ); въ числѣ рыбъ есть свѣтящіяся. Squalus Fulgens (Гартингъ, Оч. Прир. 145) имѣетъ слабые плавники и потому не можетъ быстро гоняться за рыбами, но за то весь свѣтится. Калинов-

скій (въ примѣч.) полагаетъ, что этотъ свѣтъ помогаетъ сквалу видѣть во тьмѣ рыбу. Это такъ, но тутъ и другое: свѣтъ привлекаетъ рыбу—это хорошо знаютъ Финскіе рыбаки, которые ловятъ рыбу преимущественно *на огонь*, разложенный на камняхъ, или на фонарь, или свѣтецъ при лодкѣ. Слѣд. природа, давъ сквалу медленность движеній, позаботилась помочь этой медленности дивнымъ разсчетомъ на привлекательность свѣта. Природа какъ бы обманываетъ бѣдныхъ рыбокъ для того, чтобы подвести ихъ подъ челюсти сквала. Какъ объяснить это явное противорѣчіе между дѣйствіями природы? Поборники конечныхъ цѣлей отвѣчаютъ: что еслибы животныя не истребляли другъ друга, то они бы сжили человѣка съ земнаго шара. Довольно любопытно, что въ одной мистической книгѣ „Истина религій" (переведенной и порусски въ 20 годахъ. 2 ч.) это противорѣчіе употреблено какъ способъ для доказательства несостоятельности человѣческой логики. Выведенъ слѣдующій, основанный на схоластической игрѣ словами силлогизмъ: Богъ благъ, страданіе противно благости. Богъ всемогущъ, слѣдств. не можетъ допустить того, что противно Его благости. Животныя, умерщвляя и пожирая другъ друга, порождаютъ страданія; а какъ страданіе противно Божіей благости и всемогуществу, то ergo: животныя не умерщвляютъ и не пожираютъ другъ друга.—Наоборотъ, это же самое противорѣчіе дало поводъ нашему современнику Максу Штирнеру утверждать, что на основаніи этого общаго закона природы человѣкъ безгрѣшно можетъ и присвоивать себѣ чужую собственность и даже убивать другаго, когда это ему полезно, и онъ можетъ позабавиться такими продѣлками безопасно.

Справедливо, но не было ли бы простѣе и, такъ сказать, снисходительнѣе не усиливать способности размноженія въ животныхъ, питать ихъ не живыми системами чувствительныхъ и слѣд. страждущихъ нервъ, а образовать для нихъ пищу, если угодно, изъ тѣхъ же газовъ, но прямо, не проводя ихъ чрезъ лабораторію живаго тѣла. Эти вопросы идутъ въ безконечность и приводятъ къ безднѣ: *не знаю*! Да умѣрится же наше нетерпѣніе, пока наука не разработаетъ подробнѣе этихъ вопросовъ. За подобными, признаться, весьма досадными выводами обыкновенно слѣдуютъ разглагольствія о тщетѣ науки, объ ограниченности человѣческаго разума. Мы уже говорили, сколько игры словами въ такихъ разсужденіяхъ, гдѣ силятся неизвѣстное выразить неизвѣстнымъ же. Въ настоящемъ случаѣ можно придти къ другому, болѣе благочестивому заключенію,—а именно, что разумъ, эта высокая и многосторонняя сила, дарованная человѣку Зиждителемъ, идетъ далѣе того, что выговаривается явленіями грубой природы. Природа доставляетъ намъ ощущенія, человѣкъ сводитъ ихъ въ понятія и работою надъ сими понятіями достигаетъ выводовъ, коихъ непосредственно не доставляютъ ощущенія. Слѣдственно, въ законахъ человѣческаго духа таится не только стремленіе, но и возможность истолкованія всѣхъ мнимыхъ противорѣчій, открываемыхъ въ природѣ простымъ ощущеніемъ,—возможность, конечно, еще невыясненная и ожидающая еще новыхъ трудовъ, наведеній и изысканій человѣка; но здѣсь—дѣло времени.. Не будемъ залетать въ область фантазіи, не имѣя подъ рукою надежныхъ наблюденій, но не будемъ и малодушно ссылаться на ограниченность человѣческаго разума, чтобы имѣть право сложить руки. Какъ мы не пугаемся болѣе затмѣній и не считаемъ ихъ за явленія, недоступныя разуму, такъ наши потомки, изучивъ

ближе экономію природы, найдутъ способъ помирить мнимыя противорѣчія и найдутъ въ нихъ самихъ новое подкрѣпленіе благочестію, которое развивается и выясняется день ото дня болѣе, по мѣрѣ развитія человѣческаго знанія.

Отрывки изъ записокъ (*) 1855—1856.

6 Октября. Извѣстіе о неудачной попыткѣ на Карсъ и взятіи Кинбурна производитъ дѣйствительное уныніе, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ общества. Вѣсти о дурномъ урожаѣ въ Пензѣ, Симбирскѣ, Тамбовѣ умножаютъ безпокойство. Разсказы и толки множатся. Разсказываютъ, что N N, не умѣвшій управиться съ аванпостами, просто глупецъ, который, не смотря на строгую фрунтовку, надоѣлъ наконецъ и Михаилу Павловичу. Чтобы избавиться отъ него въ полку, ему дали дивизію и послали въ бой съ искуснымъ врагомъ.

*

Жалуются на недостатки раненыхъ въ Крыму; транспортъ иногда тянется на цѣлую версту; сзади ѣдетъ докторъ, спереди—офицеръ. Некому дать напиться въ теченіи долгихъ часовъ. Пироговъ проситъ какъ можно болѣе войлоковъ на тряскія телеги, проситъ наушниковъ, ибо страждутъ отъ холода и вѣтра и пр. и пр.

*

Князь Анатолій Барятинскій весьма защищаетъ Горчакова; онъ видѣлъ диспозицію сраженія, котораго тотъ впрочемъ не хотѣлъ дать, но уступилъ лишь настоянію Вревскаго и Сакена, который увѣрялъ, что Севастопольскій гарнизонъ скучаетъ, что необходимы диверсіи. Горчаковъ хотѣлъ дать сраженіе и перейти Черную, если только непріятель, не смотря на выстрѣлы артиллеріи, не спустится отъ Сапунъ-Горы. Горчаковъ послалъ адъютанта Сталыпина, сказать Реаду, что пора начинать, т. е. по диспозиціи начать артилерійскую стрѣльбу. Реадъ понялъ иначе, толковалъ, что пора перейти рѣчку. Начальникъ штаба Веймарнъ настаивалъ, что приказаніе Горчакова онъ не такъ понялъ. Реадъ не послушался. Вылазка не входила въ планъ сраженія, и хотя телеграфъ въ эту минуту испортился и Сакенъ не зналъ, что̀ дѣлается, но это не могло имѣть вліянія на сраженіе.

—

Нѣмецкая партія торжествуетъ; вотъ, говоритъ она, хотѣли Русскихъ именъ; вотъ трое: Менщиковъ, Горчаковъ, Муравьевъ—и всѣ лишь въ неудачѣ.

—

Ходитъ по городу какая-то фраза, которой смыслъ тотъ, что мудрая предусмотрительность не дозволила Англійской компаніи тому четыре года сдѣлать желѣзную дорогу отъ Москвы до Крыма.

—

Замѣчаютъ, что первое дѣло, за которое принялись Французы въ Камышѣ,—это устройство шоссе.

—

Общее убѣжденіе, что отнятой части намъ не воротить.

—

Обращаетъ вниманіе рѣчь Пальмерстона въ Рамзаѣ, въ Journal des Débats 10-го Окт. н. с., гдѣ онъ, оправдывая дѣйствія своего министерства, говоритъ, что экспедиція въ Крымъ была предпринята не на обумъ: ибо оно имѣло въ виду, что Россія не имѣетъ тѣхъ путей

(*) Въ тетради князя В. Ѳ. Одоевскаго эти отрывки перемѣшаны съ другими; очевидно, что онъ заносилъ въ одну и туже тетрадь все что̀ приходило ему на мысль или казалось заслуживающимъ отмѣтки. Тутъ же занесены извѣстія, разсказы и отзывы, не имѣющіе отнюдь значенія непреложнаго. *П. Б.*

и средствъ сообщенія, которыя наука доставила союзнымъ войскамъ.

—

Замѣчаютъ также мѣсто въ Indépendance Belge, 10 Octobre, гдѣ этотъ господинъ говоритъ, вопреки Горчакову, что мортиры были совсѣмъ невиданнаго калибра, что онѣ не были отлиты нарочно для Севастополя, что, правда, онѣ большаго калибра, но составляли le matériel ordinaire des sièges [1]) съ давняго времени.

—

Есть люди, которые ропщутъ, зачѣмъ въ реляціи о Карсѣ сказано: que notre perte était très considérable [2]). Они забываютъ, что истина нашихъ реляцій имѣетъ то дѣйствіе, что не Французскими бюллетенями, а нашими реляціями управляется биржа [3]).

—

Ноябрь 1855.

Въ продолженіи 30 лѣтъ такъ вошло въ обычай роптать на всякую мѣру, видѣть въ каждой скрытое притѣсненіе и встрѣчать или жалобой, или насмѣшкой, что отъ этой привычки до сихъ поръ не могутъ освободиться, и это составляетъ немалое затрудненіе для нынѣшняго правительства. Этимъ лишь можно объяснить толки о новой формѣ мундировъ, которая есть между тѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ умное и полезное дѣло. Есть люди, которые недовольны даже тѣмъ, что университеты снова открыты. Впрочемъ эти люди принадлежатъ къ тому заговору, который бы хотѣлъ распространить тьму и держать правительство въ страхѣ, поселяя между нимъ и народомъ недовѣрчивость, — для того, что въ потемкахъ легче и воровать, и лѣниться.

Декабрь 1855.

Въ городѣ ходятъ сильные толки о циркулярѣ * * Я никакъ не могъ достать его, но вотъ какъ разсказываютъ его содержаніе. * * цитуетъ одно рукописное письмо, въ которомъ говорится, что многосложность формъ и привычная въ отчетахъ ложь привела насъ къ настоящему бѣдственному положенію; что судя по отчетамъ все, хотя постепенно, но идетъ къ совершенству, тогда какъ на дѣлѣ совершенно противное: подъ блистательною наружностью—гниль; что для того, чтобы угадать истину подъ канцелярскимъ многословіемъ, надобно читать между строкъ, но что немногіе на это способны. За симъ * * рекомендуетъ это замѣчаніе своимъ подчиненнымъ, прибавляя, что требуетъ правды, даже непріятной, и если получитъ отчетъ съ междустрочіемъ, то возвратитъ его съ гласностью.

Этотъ циркуляръ былъ нѣкоторыми людьми показанъ постороннимъ, *говорятъ* — читанъ въ Англійскомъ клубѣ, *говорятъ* — тамъ при прочтеніи закричали: ура! По городу пошелъ говоръ, который весьма огорчаетъ * * Жаль, если эта болтовня смутитъ его на правдивомъ пути. Ложь, многословіе и взятки,—вотъ тѣ три піявицы, которыя сосутъ Россію; взятки и воровство покрываются эттю ложью, а ложь—многословіемъ. Этотъ циркуляръ есть истинный подвигъ, больше полезный для Государя и Отечества, нежели взятіе Карса. Всякій благонамѣренный человѣкъ душею пристрастится къ правительству, которое наконецъ положитъ предѣлъ канцелярской лжи. Можно отличить человѣка честнаго отъ негодяя потому только, pro онъ или contra циркуляра. Правда, послѣдніе нападаютъ на него лишь стороною, говоря наприм.: какъ можно назвать наше положеніе бѣдственнымъ? Это неполитично: что скажутъ иностран-

---

[1]) Обыкновенный матеріалъ осадъ.

[2]) Что наша потеря была весьма значительна.

[3]) Князь В. Ѳ. Одоевскій не преминулъ оцѣнить высокую прямоту Н. Н. Муравьева-Карсскаго. *П. Б.*

цы?—Какъ будто иностранцы не знаютъ всю суть лучше нашего! Напротивъ, признать опасность своего положенія есть дѣло ума и силы. Кто знаетъ свою рану, тотъ ее залечитъ, если можно, а бѣлилами ее не замажешь.[1]) — Между тѣмъ вотъ разсказъ о подвигахъ лжи: Пироговъ не разъ доносилъ кн. Горчакову о томъ, что нашъ сухопутный гошпиталь въ Крыму грязенъ, не имѣетъ ничего нужнаго, больные безъ призрѣнія. Какъ скоро князь Горчаковъ выбиралъ время, чтобы осмотрѣть лично гошпиталь, Ш.... узнавалъ объ этомъ и, пагнавъ сотни людей, приводилъ все въ порядокъ на минуту [2]).

До сихъ поръ, кажется, въ корпусахъ съ 12 до 4-хъ ч. надѣваютъ новую аммуницію, на случай пріѣзда начальника, а потомъ надѣваютъ старую. Какое вліяніе это можетъ имѣть на нравственность молодыхъ людей?

*

При окончаніи сраженія подъ Черною, Князь Горчаковъ спустился съ возвышенія и поѣхалъ тихимъ шагомъ по равнинѣ подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля,—со всею свитою, совершенно на виду непріятеля, какъ полагаютъ—съ намѣреніемъ быть убитымъ. Начальникъ штаба Коцебу замѣтилъ ему, что тутъ не мѣсто главнокомандующаго, и что всю его свиту (человѣкъ до 150) перестрѣляютъ задаромъ. Тогда князь Горчаковъ велѣлъ свитѣ взять вправо, а самъ одинъ поѣхалъ еще далѣе и, пробывъ нѣсколько времени подъ сильнѣйшимъ огнемъ, возвратился тѣмъ же тихимъ шагомъ на прежнее мѣсто невредимымъ. Тутъ былъ убитъ генералъ Вревскій.

Въ немъ сильно развито чувство чести; онъ славный администраторъ, заботливъ о солдатахъ, самъ ходитъ по кухнямъ и повѣряетъ солдатскія порціи. Состояніе здоровья солдатъ удивительное. Военныя соображенія его остроумны и основательны, но въ минуты самаго дѣла онъ ненаходчивъ; неудача его плана приводитъ его въ нервическое состояніе, и онъ теряется. Можетъ быть, эту ненаходчивость должно приписать его весьма значительной близорукости.

Вздумалось ему, за недостаткомъ людей, поручить дивизію генералу ....ну, сыну гофъ-фурьера. Когда, объявивъ объ этомъ, князь Горчаковъ ожидалъ выраженія радости и благодарности, тотъ объявилъ о своемъ желаніи ѣхать въ отпускъ. Горчаковъ взбѣсился, уставилъ глаза на .... и спросилъ: „Знаете ли, кто передъ вами въ эту минуту?“ — Главнокомандующій. — „Я знаю, что это вы понимаете; а кто передо мною и передъ вами?“ — Непріятель.— „Непріятель! И вы въ эту минуту, когда вамъ дѣлаю честь, поручая вамъ дивизію,—и какую дивизію? Севастопольскую—вы думаете только объ отпускѣ... Въ тебѣ нѣтъ чести, ты прямой фурьерскій сынъ, холопъ, холопово отродье!... Вонъ, прочь съ глазъ моихъ!“....

—

1856 г. Январь.

Въ Александринскомъ театрѣ 9 Января давали въ бенефисъ Орловой (той самой, которая ѣздила въ Крымъ въ качествѣ сестры милосердія и дѣйствовала съ большимъ самоотверженіемъ) піесу: Предпослѣдняя репитиція Димитрія Донскаго. Когда актеръ произнесъ стихи:

Нѣтъ! Лучше смерть, чѣмъ миръ постыдный!
Такъ предки думали, такъ будемъ думать мы,—

[1]) Это напоминаетъ относящуюся къ томуже времени записку М. П. Погодина, въ которой выражалось требованіе свѣта и правды. Одно духовное лицо обидѣлось: развѣ намъ не даютъ свѣта?—Мы ежедневно молимся: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, возразилъ М. П. Погодинъ. *П. Б.*

[2]) Ш.... получилъ 1-го Станислава прежде Пирогова.

раздались рукоплесканія оглушительныя. Заставили актера повторить эти стихи нѣсколько разъ. Представленіе на время прекратилось.

—

Разсказываютъ, что подъ Кинбурномъ замерзли Англійскіе суда — и безъ снарядовъ. Начальникъ береговаго отряда не осмѣлился ихъ атаковать безъ позволенія корпуснаго, потому что ему въ инструкціи предписано было защищать лишь берегъ. Корпусный нашелъ нужнымъ спросить дозволенія главнокомандующаго;—между тѣмъ Англичане обрубили вокругъ судовъ ледъ, сдѣлали каналъ до своихъ припасовъ, окружили суда брустверомъ и—сдѣлались неприступными. Этотъ анекдотъ, вѣрный или невѣрный, возбуждаетъ сильное негодованіе. Указываютъ на него какъ на примѣръ вреда бывшаго устройства администраціи; говорятъ про начальника береговаго отряда, на Французскомъ діалектѣ: il n'est pas coupable; il a été stylé pour n'être qu'une machine sans intelligence (*). Все идетъ въ дѣло; повторяютъ слова изъ оперы „Сѣверная звѣзда": non parlar e non pensar. Говорятъ на Русскомъ діалектѣ: Что мудренаго! Онъ видно человѣкъ

Временъ К....я и покоренья Крыма!

*

Предисловіе князя В. Ѳ. Одоевскаго къ предположенному имъ новому изданію его сочиненій (**).

Самое затруднительное для писателя дѣло: говорить о самомъ себѣ. Тутъ напрасны всѣ оговорки и всѣ возможныя риторическія предосторожности; его непремѣнно обвинятъ или въ самолюбіи, или, что еще хуже, въ ложномъ смиреніи; нѣтъ опредѣленной черты между тѣмъ и другимъ, или по крайней мѣрѣ трудно отыскать ее. Остается послѣдовать примѣру Сервантеса, который началъ одну изъ своихъ книгъ слѣдующими словами: „Я знаю, любезный читатель, что тебѣ нѣтъ никакой нужды читать мое предисловіе; но мнѣ очень нужно, чтобы ты прочелъ его."—Такое откровенное объясненіе, кажется, миритъ всѣ противорѣчія.

Мои сочиненія въ первый разъ были собраны и изданы въ 1842 году. Въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ, какъ извѣстно, ихъ уже не было въ книжной торговлѣ, и скоро они сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Меня часто спрашивали: Отчего я не приступаю къ новому изданію? Отчего я не пишу, или по крайней мѣрѣ, ничего не печатаю? и проч. т. п. Спрашивать у сочинителя о такихъ *домашнихъ* обстоятельствахъ почти тоже, что спрашивать у Мусульманина о здоровьи его жены. Но хорошо, когда дѣло ограничивается одними вопросами; худо, когда появляются отвѣты помимо настоящаго отвѣтчика; хорошо и то, когда эти отвѣты только нелѣпы; худо, когда подчасъ эти отвѣты несообразны ни съ вашимъ взглядомъ на вещи, ни съ вашими правилами.

Покусившійся хоть разъ, какъ говорилось въ старину, *предать* себя тисненію, съ той самой минуты становится публичною собственностью, которую всякій можетъ *трактовать*, какъ ему угодно. Но этотъ *трактаментъ* не только даетъ право публичному человѣку, но даже налагаетъ на него обязанность когда нибудь публично же и объясниться.

Дѣло очень простое: въ 1845 году я намѣренъ былъ предпринять новое изда-

(*) Онъ не виноватъ; онъ пріученъ быть машиною, безъ разумѣнія.

(**) Какъ извѣстно, изданіе это не состоялось. Мы видѣли у покойнаго князя печатный экземпляръ изданія 1842 года съ проложенными бѣлыми листами, на которыхъ авторъ началъ было дѣлать дополненія и поправки. *П. Б.*

ніе моихъ сочиненій, исправить ихъ, пополнить и пр. т. п., какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Но въ началѣ слѣдующаго года (1846) на меня пало одно дѣло; друзья мои знаютъ—какое (говорить о немъ для публики было бы еще рано); они также хорошо знаютъ, какого рода занятій и какой упорной борьбы оно требовало *). Этому дѣлу, въ теченіи девяти лѣтъ, я принесъ въ жертву все, что̀ я могъ принести: трудъ и любовь; эти девять лѣтъ поглотили мою литературную дѣятельность всю безъ остатка. Признаюсь, я объ этомъ не жалѣю; но естественно не могу быть равнодушенъ, если другіе о томъ жалѣютъ.

Затѣмъ, нелегко,—всякій это знаетъ,—послѣ долгаго отсутствія, воротясь на прежнее пепелище, связать настоящее съ давнопрошедшимъ, концы съ концами. Въ эту минуту нѣкоторое раздумье неизбѣжно.

Между тѣмъ, пока я былъ *на сторонѣ*, добрые люди воспользовались тѣмъ, что моя книга сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, и въ тихомолку принялись таскать изъ нея, что̀ кому пришлось по его художеству; иные — на основаніи литературнаго обычая, т. е. заимствовались съ большою тонкостію и съ разными прикрытіями; иные, съ меньшими церемоніями, прямо вставляли въ мои сочиненія другія имена дѣйствующихъ лицъ, измѣняли время и мѣсто дѣйствія и выдавали за свое; нашлись и такіе, которые, безъ дальнѣйшихъ околичностей, брали наприм. мою повѣсть всю цѣликомъ, называли ее наприм. біографіею и подшивали подъ нею свое имя. Такихъ курьезныхъ произведеній довольно бродитъ по свѣту.—Я долго не протестовалъ противъ подобныхъ *заимствованій*, частію потому, что я просто не зналъ иныхъ изъ нихъ, а частію потому, что мнѣ казался довольно забавнымъ этотъ особый родъ новаго изданія моихъ сочиненій. Лишь въ 1859 году я счелъ нужнымъ предостеречь нѣкоторыхъ господъ о возможномъ послѣдствіи ихъ безцеремонныхъ продѣлокъ *).

Есть наконецъ люди, которые къ ремеслу невиннаго заимствованія присоединяютъ и другое: приписывать извѣстному лицу, называя его по имени, нелѣпости собственнаго издѣлія, даже обставляя ихъ рачительно, во избѣжаніе всякаго сомнѣнія, вводными знаками. Такую продѣлку позволило себѣ одно изданіе..., о которомъ не позволю себѣ теперь говорить, ибо оно прекратилось; да и самъ издатель, человѣкъ, имѣвшій довольно странное понятіе о житейскихъ условіяхъ, но человѣкъ не безъ дарованій, уже не существуетъ. De mortuis seu bene, seu nihil. Но тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ огласить въ общемъ видѣ такое ребяческое забвеніе и подтвердить наше оглашеніе прямыми указаніями.

И такъ, участь моей книги была слѣдующая: изъ нея таскали, взятое уродовали и на нее клепали; а для большинства повѣрить эти продѣлки было не на чемъ.

Сопряженіе всѣхъ этихъ причинъ, имѣющихъ важное значеніе для человѣка, свято сознающаго права и обязанности литератора, заставило меня приступить къ новому изданію моихъ сочиненій.

(*) Предсѣдательство въ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ просителей. *И. Б.*

*) Въ Спб. Вѣдомостяхъ. При семъ случаѣ я не могу не выразить моей благодарности гг. издателямъ, которые въ Спб. Вѣдомостяхъ обличили одинъ изъ такихъ подлоговъ, безъ чего, можетъ быть, я его бы и не замѣтилъ. Въ такихъ случаяхъ всѣ добросовѣстные литераторы должны помогать другъ другу; здѣсь—дѣло общей литературной безопасности. Какое бы дитя ни было, оно мое; нѣтъ ничего утѣшительнаго видѣть, что его уродуютъ. Такими поступками, независимо отъ ихъ житейскаго значенія, оскорбляется художественное чувство, лучшее достояніе писателя.

Я полагалъ въ нихъ многое исправить, многое передѣлать, но вскорѣ убѣдился, что такое дѣло невозможно. Семнадцать лѣтъ есть почти половина дѣятельной жизни. Въ такой періодъ времени многое передумалось, многое забылось, многое наплыло вновь,—нѣтъ возможности попасть въ тотъ ладъ, съ котораго началъ; каммертонъ измѣнился, и внутренняя жизнь и внѣшняя среда—другія; всякая передѣлка будетъ не живымъ органическимъ произведеніемъ, но механическою приставкою. И сверхъ того: наши ли точно мысли въ минуту ихъ зарожденія? Не суть ли онѣ въ насъ живая химическая переработка началъ внѣшнихъ и разносложныхъ: духа эпохи вообще и среды, въ которой живемъ, впечатлѣній дѣтства, бесѣды съ современниками, историческихъ событій,—словомъ всего, что̀ насъ окружаетъ?... Трудно отдѣлиться отъ семьи; отъ народа еще труднѣе; отъ человѣчества—вовсе невозможно; каждый человѣкъ волею или неволею—его представитель, особенно человѣкъ пишущій; большой или малый талантъ—все равно. Между нимъ и человѣчествомъ установляется электрическій токъ,—слабый или сильный, смотря по представителю, но безпрерывный, неутомимый. Съ этой точки зрѣнія человѣческое слово, при его проявленіи въ данномъ народѣ и въ извѣстный моментъ, есть историческій фактъ, болѣе или менѣе важный, но уже не принадлежащій такъ называемому сочинителю; если въ немъ это слово тогда неудачно выговорилось, если онъ не сознавалъ опредѣлительно своего представительства, то виноватъ онъ самъ и долженъ нести за то отвѣтственность; послѣ договаривать уже поздно: стрѣлка двинулась на часахъ міра,—два раза рожденія не бываетъ.

Эта книга является въ томъ самомъ видѣ, какъ она была издана въ 1842 году; я позволилъ себѣ исправить лишь нѣкоторые, слишкомъ явные промахи (не всѣ!), пополнить вольные и невольные пропуски, ввести нѣкоторыя статьи, при первомъ изданіи забытыя, нѣкоторыя новыя, и наконецъ присоединить особо примѣчанія, которыя, сколько мнѣ кажется, могутъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе. Dixi.

—

P. S. Публика—такое существо, съ которымъ никогда нельзя вдоволь наговориться. Особенно эта невольная болтливость является послѣ долгой жизни, въ продолженіе которой накопилось на голову дюжины съ двѣ всякой напраслины. Оправдать себя отъ напраслины есть право всякаго; но для публичнаго человѣка, литератора, такое оправданіе есть даже обязанность. Меня вообще обвиняютъ въ какомъ-то энциклопедизмѣ, хотя я никогда еще не могъ хорошенько выразумѣть, что̀ это за звѣрь! Это слово можно понимать въ разныхъ смыслахъ. Если человѣкъ хватается то за то, то за другое, такъ, зря, на авось, когда его дѣятельность разорвана и чрезъ нее не прошло живой, органической связи—должно ли называть его энциклопедистомъ?—Наоборотъ, если одно дѣло выростаетъ изъ другаго органическимъ путемъ, какъ изъ корня выростаетъ листъ, изъ листа—цвѣтокъ, изъ цвѣтка—плодъ, будетъ ли такая исторія также энциклопедизмомъ?—Въ первомъ, что̀ бы ни говорили, я не грѣшенъ; я *хватаюсь* за весьма немногое, но, правда, *придерживаюсь* за все, что̀ попадется подъ руку. Этому искусству научила меня жизнь; разсказъ объ этомъ процессѣ, можетъ быть, не останется безъ пользы для новаго поколѣнія.

Моя юность протекла въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, какъ нынѣ политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ кото-

рой возможно было бы построить (мы говорили—конструировать) всѣ явленія природы, точно такъ, какъ теперь вѣрятъ въ возможность такой соціальной жизни, которая бы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка. Можетъ быть дѣйствительно и такая теорія, и такая форма и будутъ когда нибудь найдены, но ab posse ad esse consequentia non valet. Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ, которые рылись въ *грубой матеріи*. Изъ естественныхъ наукъ лишь одна намъ казалась достойною вниманія любомудра—анатомія, какъ наука человѣка, и въ особенности анатомія мозга. Мы принялись за анатомію практически, подъ руководствомъ знаменитаго Лодера (*), у котораго многіе изъ насъ были любимыми учениками. Не одинъ *кадаверъ* мы искрошили; но анатомія естественно натолкнула насъ на физіологію, науку тогда только что начинавшуюся и которой первый плодовитый зародышъ появился, должно признаться, у Шеллинга, впослѣдствіи у Океана и Каруса. Но въ физіологіи естественно встрѣтились намъ на каждомъ шагу вопросы, необъяснимые безъ физики и химіи; да и многія мѣста въ Шеллингѣ (особенно въ его „Weltseele“) были темны безъ естественныхъ знаній. Вотъ какимъ образомъ гордые метафизики, даже для того, чтобы остаться вѣрными своему званію, были приведены къ необходимости завестись колбами, реципіентами и тому подобными снадобьями, нужными для грубой матеріи.

Въ собственномъ смыслѣ именно Шеллингъ, можетъ быть неожиданно для него самаго, былъ истиннымъ творцомъ положительнаго направленія въ нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Германіи и въ Россіи. Въ этихъ земляхъ лишь по милости Шеллинга и Гете сдѣлались по снисходительнѣй къ Французской и Англійской наукѣ, о которой прежде, какъ о грубомъ эмпиризмѣ, мы и слышать не хотѣли.

Какъ видите, эти разнообразныя занятія не были безотчетнымъ энциклопедизмомъ, но стройно примыкали къ нашимъ прежнимъ работамъ. Я оцѣнилъ вполнѣ важность моей разносторонности знаній, когда, по обстоятельствамъ жизни, мнѣ пришлось заниматься дѣтьми (**). Дѣти были лучшими моими учителями, и за то до сихъ поръ сохранилъ я къ нимъ глубокую привязанность и благодарность. Дѣти показали мнѣ всю скудость моей науки. Стоило поговорить съ ними нѣсколько дней сряду, вызвать ихъ вопросы, чтобы убѣдиться, какъ часто мы вовсе не знаемъ того, чему, какъ намъ кажется, мы выучились превосходно. Это наблюденіе поразило меня и заставило глубже вникнуть въ разныя отрасли наукъ, которыми, казалось, я обладалъ вполнѣ. Это наблюденіе убѣдило меня въ новости тогда неожиданной, а именно—какъ искусственно, какъ произвольно, какъ ложно дѣленіе человѣческихъ знаній на такъ называемыя науки. Въ обширномъ каталогѣ наукъ собственно нѣтъ ни одной, которая бы давала намъ опредѣлительное понятіе о *цѣльности* предмета. Возьмите человѣка, животное, растеніе, малѣйшую пылинку; науки разорвали ихъ на части: кому досталось ихъ химическое значеніе, кому—идеальное, кому—математическое и пр., и эти искусственно разорванные члены назва-

(*) Направленіе Лодера между прочимъ выразилось въ надписи, по его мысли сдѣланной на одной изъ стѣнъ анатомической залы Московскаго университета: „Руцѣ твои сотвориста мя и создаста мя.“ *П. Б.*

(**) Своихъ дѣтей покойный князь не имѣлъ. *П. Б.*

ны спеціальностями. Говорятъ, что у насъ были когда-то, въ незапамятныя времена, профессоры перваго тома, втораго. Для того, чтобы составить цѣльное понятіе о каждомъ изъ сихъ предметовъ, необходимо собрать ихъ всѣ разорванныя части, доставшіяся на долю разнымъ наукамъ. Для свѣжаго, неиспорченнаго никакою схоластикою дѣтскаго ума нѣтъ отдѣльно ни физики, ни химіи, ни антропологіи, ни грамматики, ни исторіи и пр. и пр. Ребенокъ не будетъ васъ слушать, если вы заговорите самымъ систематическимъ путемъ отдѣльно объ анатоміи лошади, о механизмѣ ея мускуловъ, о химическомъ превращеніи сѣна въ кровь и тѣло, о лошади, какъ движущей силѣ, о лошади, какъ эстетическомъ предметѣ. Дитя—отъявленный энциклопедистъ (*); подавайте ему лошадь всю, какъ она есть, не дробя предмета искусственно, но представляя его въ живой цѣльности,—въ томъ вся задача педагогіи.... Чтобы удовлетворить этому строгому, неумолимому требованію, мало отрывочныхъ, такъ сказать, литературныхъ, или неправильно называемыхъ *общихъ* знаній, а надобно, какъ говорятъ Французы, mettre la main à la pâte, и только тогда можно говорить съ дѣтьми языкомъ, для нихъ понятнымъ. Вотъ вся разгадка моего мнимаго энциклопедизма, который можетъ быть невольно отразился въ моихъ сочиненіяхъ; но здѣсь не моя вина, здѣсь вина вѣка, въ которомъ мы живемъ и который если не нашелъ, то по крайней мѣрѣ ищетъ возсоединенія всѣхъ разорванныхъ частей знанія. Если съ такимъ самоотверженіемъ нисходить въ подробности, творить особыя науки подъ названіемъ: энтомологія, ихтіологія, то лишь для того, чтобы найдти точку соединенія между венами и артеріями человѣческаго разумѣнія.—Пока еще не образовалась наука общечеловѣческая, необходимо, чтобы каждый человѣкъ, отбросивъ схоластическія пеленки, образовалъ для себя, для круга своей дѣятельности, соразмѣрно пространству своего разумѣнія, свою особую науку,—науку безъименную, которую нельзя подвести ни подъ какую условную рубрику. Объ этой наукѣ, признаюсь, я позаботился; кто мнѣ эту заботу поставитъ въ укоръ, тому я не дамъ другаго отвѣта, кромѣ: „mea culpa!"

(*) Друзья князя Одоевскаго, читая эти строки, съ умиленіемъ припомнятъ, какъ много въ немъ самомъ было этой святой дѣтской цѣльности и чистоты. *П. Б.*

—

Дом. Бес. № *0.* Въ Музей собраны разныя модели машинъ, земледѣльческихъ орудій, разныхъ растеній и пр. т. п. Толпа приходитъ смотрѣть на эти собранія. Полу-человѣкъ, начитавшійся Домашней Бесѣды, спрашиваетъ: Зачѣмъ эта огромная издержка? Зачѣмъ это удовлетвореніе праздному любопытству? Какое тутъ можно извлечь душеполезное поученіе? Не лучше ли было бы на эти деньги учредить пустынь, а при ней столы для корма нищихъ?—Между тѣмъ, если изъ тысячи человѣкъ проходящихъ лишь одному прійдетъ въ голову перенять и примѣнить къ жизни одно изъ улучшеній; если хоть одинъ изъ толпы устыдится своего скотскаго незнанія и безучастія въ трудѣ общечеловѣческомъ, и въ немъ возбудится охота изучить всѣ эти чудеса науки, хоть малѣйшую ихъ отрасль: то отъ одного этого лица произойдетъ больше пользы для самихъ тѣхъ нищихъ, которые столпились на паперти; можетъ быть, три четверти изъ этихъ позорныхъ промышленниковъ обратятся въ честныхъ промышленниковъ, возвысится благосостояніе ихъ семействъ, а слѣдственно и ихъ нравственность.

*

Статья о Фенеллѣ Сѣрова въ Nord, 1858, Juillet, 6 et 7.—Но что я вижу? Мой строгій критикъ обрѣтается въ блаженномъ незнаніи первыхъ основаній физики.

*

Кто-то сказалъ про князя N. N.: C'est un crétin qui a l'intelligence du mal. (1)

—

Ideen-Magasin.

Jacques Le Fataliste Дидерота: „Je ne sais ce que c'est que les *principes*, sinon des *régles qu'on prescrit aux aut res pour soi.* (**)“ Выраженіе, весьма характеристическое для *теоріи* Дидерота.

*

Хорошо бы написать исторію божества, т. е. всѣ тѣ виды, въ которыхъ человѣкъ представлялъ себѣ Провидѣніе и его сношенія съ Нимъ, и тѣмъ очистить идею объ истинномъ Богѣ отъ всякихъ басней, по словамъ Гримма: „несотворенное не можетъ имѣть исторіи и должно оставаться всегда тождественнымъ самому себѣ.“

*

Ученый не тотъ, кто все знаетъ—такого нѣтъ; не тотъ, кто и много знаетъ—тутъ нѣтъ границъ; ученый тотъ, кто знаетъ: *что* можно знать и *чего* не знать въ наукѣ *въ данную минуту;* другими словами—который знаетъ, до какихъ предѣловъ онъ знаетъ. Немногіе знаютъ пространство своего незнанія.

*

Жизнь каждаго человѣка есть діагональ между его характеромъ и внѣшними обстоятельствами. Оттого несправедливо полагаютъ, что геній непремѣнно долженъ проложить себѣ дорогу, или наоборотъ, что противъ обстоятельствъ нельзя ратовать. Въ этомъ смыслѣ можно понимать слова Наполеона: Le génie consiste à savoir distinguer le difficile de l'impossible. (1)

(1) Это кретинъ, одаренный пониманіемъ зла.

(2) Я не знаю другихъ началъ кромѣ правилъ, которыя предписываешь самъ другимъ.

*

Собственно лишь эстетическій элементъ отличаетъ человѣка отъ животныхъ. Человѣкъ, не понимающій ни музыки, ни живописи—*скотится* нечувствительно.

*

Наполеонъ. Napoleon a marqué une nouvelle ère; il a été le produit définitif de l'explosion qui se préparait le long du XVIII siècle. Mais par lui-même, *comme individu*, il n'a pas compris sa mission; aussi il n'a fait aucun bien positif. Il n'a été utile que négativement, comme une bûche à feu. (2)

*

Абсолютъ. Только тотъ, кто имѣетъ поверхностное понятіе о природѣ и ея явленіяхъ, легко принимаетъ за нелѣпое и невозможное все, что не согласуется съ тѣмъ, что онъ привыкъ почитать неизмѣннымъ и непреложнымъ закономъ природы (3). Но кто серьезно смотритъ на окружающую природу; кто знаетъ, какъ мало еще мы знакомы съ тѣмъ великимъ цѣлымъ, которое подлежитъ изученію; кто, будучи знакомъ съ исторіею естественныхъ наукъ, знаетъ, какъ непостоянно понятіе о такъ называемомъ законѣ природы, потому что послѣдній выражаетъ только *окончательный выводъ опытовъ, произведенный* (произведенныхъ?) *до извѣстнаго времени*,—тотъ не скоро рѣшится считать невозможнымъ

(1) Геній состоитъ въ умѣніи отличать трудное отъ невозможнаго.

(2) Наполеонъ ознаменовалъ собою эру. Онъ былъ окончательнымъ плодомъ взрыва, готовившагося въ продолженіе XVIII столѣтія. Но самъ онъ, какъ лицо, не понялъ своего призванія. Оттого онъ не принесъ никакого положительнаго добра; онъ былъ полезенъ лишь отрицательно, какъ полѣно огню.

(3) Здѣсь кстати указать на опроверженія, кои были сдѣланы Галилею при открытіи имъ Юпитеровыхъ спутниковъ. Примѣч. автора.

и положительно отвергнуть справедливость какого-нибудь *факта*, какъ бы онъ ни казался страннымъ. Свободный, какъ отъ легковѣрія, ведущаго къ суевѣрію, такъ и отъ невѣрія, вытекающаго изъ слишкомъ высокаго мнѣнія о собственномъ знаніи, онъ хотя и убѣжденъ, что природа управляется непреложными законами, но, стремясь ближе и ближе познать эти законы, онъ не забываетъ ни собственной ограниченности и слабости, ни величія и всемогущества Законодателя (Гартинга, Очерки Природы, въ Русск. перев. г. Похвиснева. М. 1860, стр. 112—113).

Найти абсолютъ въ наукѣ и искусствѣ, т. е. абсолютную красоту, абсолютное равенство, абсолютное правосудіе, абсолютную истину и пр. т. п., долго занимало умы людей, которыхъ духъ не могъ успокоиться, не имѣя въ своей власти абсолютной аксіомы, аксіомы аксіомъ. Языкъ математическій и такъ называемыя математическія аксіомы были въ этомъ случаѣ весьма обольстительны. Разсуждали: изъ того, что 2×2—четыре, можно вывести всю математику (*); если въ математикѣ есть такая общая аксіома, то почему ей не быть во всѣхъ наукахъ? Это логически вѣрно, но позабыто одно, что аксіома $2 \times 2 = 4$ отнюдь не упала съ потолка, и что эта аксіома есть не иное что, какъ сокращенная формула опытнаго наблюденія надъ тѣмъ, какъ образуется число четыре. Человѣкъ соединилъ два предмета по нуждамъ своего организма и это явленіе назвалъ числомъ *два*; повторилъ это соединеніе и полученный имъ результатъ назвалъ числомъ *четыре*; наконецъ весь произведенный имъ опытъ выразилъ сокращенною формулою, напр $1+1+1+1=4$, $2 \times 2=4$, если угодно $a+a+a+a = 4a$, или, $a \times a = a,^2$ или $\sqrt{4}+\sqrt{4}=\sqrt[3]{64}=\sqrt{16}$, —такъ что эта знаменитая аксіома и всѣ выведенныя изъ нея слѣдствія суть не иное что, какъ родъ микроскопической фотографіи сдѣланнаго наблюденія, условное означеніе результата опыта, мнемотехническій знакъ, собирательное слово. — Собирательныя слова играли и играютъ удивительную роль въ мірѣ. Весь Гегель состоитъ въ игрѣ такими словами. Такъ наприм., явленіе пересѣченія линій (мы видимъ въ кристаллахъ такое пересѣченіе при встрѣчѣ конусообразныхъ вершинъ) люди назвали точкою, которая, *по условію задачи*, должна быть безтѣлесною: ибо какъ скоро мы придадимъ точкѣ какое либо пространство, она уже сдѣлается тѣломъ, а не мѣстомъ пересѣченія линій. Гегель же утверждаетъ, что математикою въ существованіи точки убѣдиться нельзя; что точка есть идея, которая осуществляется пересѣченіемъ линій; что математика не даетъ никакого понятія о сущности центра. Въ примѣръ Вера̀, послѣдователь Гегеля (Logique, p. 120), приводитъ то, что отъ относительнаго положенія Юпитера и Сатурна центръ тяготѣнія въ солнцѣ то находится внутри солнца, то внѣ его. Но что̀ доказывается этимъ явленіемъ? Что слово центръ не есть что-либо дѣйствительно существующее, какъ напр. само солнце, но лишь условное выраженіе явленія, происходящаго въ данный моментъ, не болѣе. (Порокъ не есть нѣчто самобытное, какъ и болѣзнь, но повтореніе преступленій или проступковъ, происходящее отъ ненормальнаго состоянія духовнаго или тѣлеснаго организма, состояніе отрицательное). Утвержденіе Канта о томъ, что идеи не имѣютъ реальной объективности, ибо не могутъ быть доказаны вполнѣ опытомъ, остается непоколебимымъ, не смотря на всѣ усилія Гегеля опровергнуть

(*) Стоитъ вспомнить знаменитую Океновую формулу:×. ×—=0.

его. Иначе и быть не можетъ: въ насъ нѣтъ идей самобытныхъ или, лучше сказать, онѣ находятся въ насъ лишь въ возможности, сокрытыми, какъ въ тѣлахъ скрытая теплота, какъ звукъ въ звучащемъ тѣлѣ. Нѣтъ толчка извнѣ—нѣтъ ни тепла, ни звука, ни идеи. То, что̀ мы называемъ идеей, есть выводъ изъ понятій, кои въ свою очередь суть выводъ (приведеніе къ одному знаменателю) изъ разныхъ ощущеній. Такимъ образомъ всякая идея есть общая формула нѣсколькихъ величинъ въ количествѣ ограниченномъ. Хотѣть, чтобы идея была вполнѣ доказана объективно, тоже, что̀ желать пуды измѣрять аршинами. Дѣло въ томъ, что здѣсь происходитъ родъ оптическаго или, лучше сказать, лингвистическаго обмана. Гегель говоритъ (Logique, § 196 et sqq): „истинный центръ есть абсолютная идея центра, по которой всѣ центры построены.“ Вера̀ (Logique, 114) прибавляетъ: „Что дѣлаетъ математикъ? Онъ сначала опредѣляетъ свою формулу, которая собственно есть ничто иное какъ идея въ ея отвлеченномъ и абсолютномъ значеніи, и потомъ прилагаетъ ее къ природѣ, къ планетной системѣ, къ силамъ механическимъ, химическимъ и органическимъ . . . Если этотъ процессъ имѣетъ смыслъ, то его значеніе слѣдующее: существуетъ начало всеобщее и безусловное (абсолютное), которое имѣетъ свое собственное и независимое значеніе (valeur) и которое абсолютно лишь подъ этимъ условіемъ.“

Вера̀ забываетъ одно: откуда беретъ математикъ свою абсолютную формулу, напр. хоть формулу безконечнаго? Зарождается ли она въ его головѣ, какъ Минерва въ головѣ Юпитера? Ничего не бывало. Сколько людей, для которыхъ *безконечное* вовсе немыслимо! Сколько тысячелѣтій люди принимали небо за твердый ограниченный сводъ надъ *тарелкой* земли! Мысль или, если угодно, идея безконечнаго выработалась лишь наукою, т. е. опытнымъ наблюденіемъ.

Осязаемое доказательство существованія центра, не нуждающееся ни въ какой a priori поставленной идеѣ, есть каждое въ пространствѣ вращающееся тѣло. Тонкости Гегеля по поводу центра напоминаютъ лишь софизмъ объ Ахиллесѣ и черепахѣ, которой онъ не можетъ догнать. (Надобно этотъ софизмъ разсказать понятнымъ образомъ).

Но можетъ ли сама математика ограничиться лишь счисленіями такого рода? $2 \times 2 = 4$ привело къ заключенію, что наоборотъ $2 = {}^4/_2$. Продолжая свои опыты, человѣкъ встрѣтился съ другими событіями математическаго міра, какъ напр. ${}^2/_3$; здѣсь одно развитіе полученной аксіомы сдѣлалось недостаточнымъ. Дѣйствительно, дѣленіе 2 на 3 дало въ результатѣ 0,6666. . . . ., т. е. такое явленіе, которому подобныя человѣкъ назвалъ величинами безконечными и несоизмѣримыми. Опять условное названіе, мнемотехническій знакъ.

Такъ и во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія: ряду наблюденій и опытовъ мы присвоиваемъ какое-либо имя. Часто люди забываютъ, что это имя есть ничто иное какъ условная формула замѣченнаго нами явленія, и этому имени придаютъ произвольно такое значеніе, котораго въ немъ просто нѣтъ, значеніе начала, принципа, того, что̀ схоластики называли субстанціей (οὐσία. οὐσιαρχία).

Все хорошо, пока мы не встрѣчаемся съ предметами несоизмѣримыми, безконечно-великими, безконечно-малыми,— здѣсь уже принятая нами за аксіому формула недостаточна: ${}^4/_2 = 2$, ибо $2 \times 2 = 4$; эти двѣ формулы служатъ другъ другу повѣркою. Но ${}^2/_3$ представляетъ нѣчто совсѣмъ иное. Сколько бы

мы ни дѣлили 2 на 3, всегда получимъ лишь 0,6666.... ∞; и наоборотъ, сколько бы мы ни множили 0,666... на 3, мы никогда не получимъ числа 2, а лишь приближеніе къ нему (0,1999.... ∞). Такъ что собственно мы не имѣемъ никакихъ средствъ повѣрить въ точности это дѣленіе умноженіемъ, ни умноженіе дѣленіемъ. Это явленіе мы назвали безконечностью, несоизмѣримостью.

Тоже самое встрѣчается во всемъ, гдѣ человѣкъ вмѣсто прямаго опытнаго наблюденія долженъ прибѣгать къ теоріи наведенія и сопряженной съ нею теоріи вѣроятности.

Въ семъ смыслѣ можно сказать, что абсолютная истина можетъ находиться лишь въ опытномъ наблюденіи, или, если угодно, въ формулѣ, которою это наблюденіе выражается. Все, что внѣ этой сферы, принадлежитъ къ явленію, которому мы дали имя приближенія, т. е. къ истинѣ неполной, на столь же приближающейся къ полной истинѣ, на сколько 0,666.... ∞ приближается къ формулѣ $^2/_3$. Мы бы назвали нелѣпымъ того, кто бы принялся отыскивать дѣйствительное частное, происходящее отъ дѣленія 2 на 3; а между тѣмъ сколько людей, которые требуютъ, чтобъ имъ показали конечную причину вещей, отчего лѣто слѣдуетъ за зимою и пр. т. п. Человѣчество сдѣлаетъ великій шагъ, когда увѣрится во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности, что формула $^2/_3$ есть лишь условный знакъ дѣленія 2 на 3, но не дѣйствительное искомое частное. Тогда, при убѣжденіи въ этой истинѣ, выведенной изъ разсмотрѣнія столь всѣмъ доступнаго явленія, рушатся безвозвратно всѣ схоластическія разглагольствованія объ абсолютныхъ идеяхъ, о врожденныхъ идеяхъ, а равно и ожиданія, что когда-либо, напр. при большемъ усовершенствованіи человѣчества, эти абсолютныя идеи упадутъ намъ съ потолка, и 0,666.... ∞ вполнѣ сольется съ $^2/_3$. Этого приближенія весьма достаточно во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго быта; но не должно забывать, что приближеніе есть только приближеніе, и формулу, выражающую это приближеніе, не почитать за выраженіе абсолютной истины. Вообразите, что бы случилось съ математикомъ, еслибы онъ убѣдился, принялъ на вѣру, что $^2/_3=0,6$ (т. е. $^2/_3=^6/_{10}$) и смѣло бы употребилъ эту формулу, забывая о ея невѣрности. Въ большихъ вычисленіяхъ (напр. въ астрономическихъ) разница между $^6/_9$ и $^6/_{10}$ весьма чувствительна. А такъ мы поступаемъ почти на каждомъ шагу въ наукѣ.

Въ томъ и ошибка схоластиковъ, что они несоизмѣримыя величины трактуютъ какъ будто онѣ были соизмѣримы.

*

Сопряженіемъ потребностей знанія и любви (оба слова приняты въ самомъ обширномъ ихъ значеніи) образуется то, что называется религіей, вѣрованіями данной эпохи. Религія, отвергающая знаніе, какъ Магометанская, и отвергающая чувство любви, какъ языческая, не достойны названія религій. Иное мы видимъ въ христіанствѣ. (Уклоненіе отъ христіанства—въ Іезуитахъ).

*

Смыслъ словъ: ratio scripta какъ выраженіе тождества между недобросовѣстностію и нелѣпостію.—Цѣль закона—изъяснить эту истину для тѣхъ, кто ея не понимаетъ, и воспрепятствовать тѣмъ, кто дѣйствуетъ на основаніи такого незнанія.

*

Иванъ Гавриловичъ Полудинъ (дядя) былъ человѣкъ богатый, чиновный, солидный, основательный хозяинъ, понималъ въ совершенствѣ теорію барщины и слылъ

оракуломъ по всей губерніи; къ нему и предводитель, и губернаторъ ѣзжали за совѣтомъ. Самъ онъ, прослуживъ три трехлѣтія, посвятилъ себя, какъ онъ говорилъ, патріархальной жизни. Слылъ онъ также за человѣка добраго и попечительнаго о крестьянахъ; помогалъ не только своимъ, но и чужимъ, и любилъ опредѣлять чиновниковъ. Одна за нимъ была бѣда: онъ любилъ пофилософствовать и часто на исповѣди приводилъ въ тупикъ отца Пимена, имъ облагодѣтельствованнаго, спрашивая у него объясненія—какимъ образомъ правила для всѣхъ людей могли примѣниться къ нему, человѣку богатому, заправляющему огромнымъ имѣніемъ. И когда добрый отецъ Пименъ со всею возможною осторожностію замѣчалъ, что собственно ни для кого нѣтъ исключенія, то Иванъ Гавриловичъ весьма почтительно поучалъ отца Пимена о необходимости глубже вникать въ Писаніе.

За обѣдомъ, закусивъ жирнымъ кускомъ кулебяки, онъ разсказывалъ, какъ предъ самымъ обѣдомъ онъ долженъ былъ произвести на конюшнѣ экзекуцію. Племянникъ-студентъ пересталъ ѣсть. Общее удивленіе. Отчего? — Подумалъ, каково теперь Гаврюшкѣ. Полудинъ смущается и хочетъ вразумить. „Скажи мнѣ, Петруша, какъ по твоему, что̀ такое обязанность?“ Студентъ отвѣчаетъ положеніемъ изъ Естественнаго Права: „не почитай человѣка за средство, а всегда за цѣль.“ Общій смѣхъ. Полудинъ берется вразумить: „Обязанность есть... долгъ; мы всѣ должны: родителямъ, даровавшимъ намъ жизнь, воспитателямъ о насъ пекущимся, добрымъ людямъ за ихъ любовь; мы должны высшимъ, мы должны....“ Тутъ Иванъ Гавриловичъ закашлялся, сказавъ было не то, что̀ хотѣлось.— „Должны тѣмъ, подхватилъ студентъ, кто насъ поитъ и кормитъ, т. е. нашимъ рабамъ...“—Рабамъ — что̀ за слово? Да мы всѣ рабы, во первыхъ—рабы нашихъ страстей...—„Да однакожъ быть рабомъ своихъ страстей или рабомъ страстей чужихъ—большая разница...“

—Ты говоришь такой вздоръ, что̀ къ стѣнѣ не прислонишь; лучше замолчи!

Послѣобѣденный разговоръ о развращеніи юношества.

*

Высшая степень: сообразовать свои желанія съ требованіями разума; согласить свою волю съ законами ума.

Неопредѣлительность выраженій: *сердце* и *умъ*. Нелѣпость выраженій: уменъ, да сердце дурное, и наоборотъ.

*

Математика показываетъ намъ возможность предвѣденія (астрономія). Слѣдственно, собственно умъ, вооруженный полнымъ знаніемъ, непогрѣшителенъ. Но знанія неполны, языкъ не имѣетъ опредѣлительности.

Физіологія намъ показываетъ, что мы *вдыхаемъ* и *выдыхаемъ* нашу вещественную жизнь. Что̀ происходитъ въ процессѣ дыханія—извѣстно: мы усвоиваемъ себѣ часть атмосфернаго воздуха и выдыхаемъ его въ измѣненномъ видѣ,—въ видѣ углекислоты. Тоже происходитъ и въ нашемъ духовномъ дыханіи; мы усвоиваемъ себѣ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, измѣняемъ ихъ сообразно устройству нашего духовнаго организма. Здѣсь постоянный размѣнъ. Наше духовное выдыханіе представляется въ формѣ поступка, слова и пр. т. п.

Подъ условнымъ словомъ *здоровье* мы разумѣемъ рядъ такихъ выдыханій и другихъ подобныхъ органическихъ отправленій; отдѣльно отъ такихъ словъ здоровье не имѣетъ никакого смысла, какъ слова *Иванъ*, *Петръ* отдѣльно отъ человѣка, который называется Иваномъ, Петромъ. Такъ общество есть ничто иное какъ собраніе людей, индивидуальностей, и отдѣльно отъ людей слово *общество*

есть также нѣчто въ родѣ Петра или Ивана, вывѣска, отдѣленная отъ магазина, къ которому она принадлежитъ.

Никому еще не приходило въ голову приносить магазинъ въ жертву вывѣскѣ; но террористы нисколько не сомнѣвались приносить людей въ жертву обществу, равенству и т. п. Одинъ изъ этихъ господъ утверждалъ, что для блага Франціи надобно срубить, кажется, не менѣе миліона головъ: т. е. для него Франція была существомъ совсѣмъ отдѣльнымъ отъ Французовъ, схоластическою субстанціею, отдѣльною отъ акцидентовъ, т. е. отъ людей, составляющихъ людское общество.

*

Если жизнь общественная возможна лишь при взаимномъ размѣнѣ услугъ, то *пожертвованіе* есть ничто иное какъ отказъ отъ части вознагражденія за услуги оказанныя. Еслибы возможенъ былъ человѣкъ, не оказавшій никому никакихъ услугъ и слѣдственно не купившій тѣмъ права на вознагражденіе, то такой человѣкъ не имѣлъ бы ни обязанности, ни возможности сдѣлать пожертвованіе: ибо тотъ, у кого нѣтъ ничего, не можетъ и дать ничего. Но какъ нѣтъ человѣка, который бы волею или неволею не произвелъ какихъ-либо услугъ человѣчеству (напр. скупой сохраненіемъ денегъ, мотъ спускомъ ихъ въ оборотъ), то нѣтъ человѣка, который бы не былъ обязанъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлать пожертвованія. Одинъ Христосъ не получилъ ничего отъ людей: оттого такъ недостижимо-высока его жертва.

*

Развѣтвленіе, арборизація мыслей какъ арборизація растеній; возлѣ здоровыхъ сучьевъ есть больные, нелѣпые. Оттого нѣтъ умнаго человѣка, который бы не сдѣлалъ или не сказалъ иногда глупости; это не слабость человѣческаго ума, а общій законъ природы: производить не все совершенное, но иногда или скоро умирающее или же вовсе неспособное къ жизни, каковы напр. не развившіеся правильно фетусы.

*

Жизненная сила индивидуумовъ въ обществѣ какъ жизненная сила ячеекъ въ организмѣ, не въ мозгу, не въ крови, не въ нервахъ, но въ ячейкахъ. Внѣшній ударъ пагубенъ обществу лишь потому, что пагубенъ индивидуумамъ. Иголочное остріе, говорилъ одинъ медикъ, производитъ въ нашемъ тѣлѣ такое же дѣйствіе, какъ бревно, проникнувшее въ тонкое кружево.

*

Идея о совершенствѣ, не существующемъ еще въ мірѣ, показываетъ, что нашъ духъ идетъ дальше окружающихъ предметовъ. Эта идея есть главный аргументъ безсмертія души. Кто не вѣритъ въ безконечное совершенствованіе человѣка и, посредствомъ человѣка, улучшеніе всей физической природы, тотъ логически не долженъ вѣрить и безсмертію души.

*

Ложная добродѣтель. Дѣвочка, которая будто бы угодила Господу Богу тѣмъ, что послѣ обѣда собирала со стола крошки хлѣба и не выбрасывала ихъ, а ѣла.

*

Любовь, наслажденіе человѣку доступны только тогда, когда онъ можетъ ими подѣлиться: автору нужна публика; оратору, музыканту—слушатели; за обѣдомъ—пріятели.

*

Пожары и другіе разные безпорядки въ Москвѣ даютъ поводъ неблагонамѣреннымъ людямъ толковать, что эти прискорбныя явленія суть слѣдствія мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ для прекращенія крѣпостнаго состоянія. Здѣсь мы видимъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ средствъ, употребляемыхъ такими

людьми для противодѣйствія, или, по крайней мѣрѣ, для задержанія великаго отечественнаго дѣла. Ничего нѣтъ соблазнительнѣе, какъ при видѣ двухъ одновременныхъ явленій утверждать, что одно есть причина другаго. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ есть люди, думающіе, что правительство откажется отъ своего преднамѣренія, что все будетъ по-старому, что можно положить въ долгій ящикъ; а если будутъ волненія, то тѣмъ лучше: на то есть штыки и пушки, а потомъ все пойдетъ по старому.

*

Противъ виталистовъ есть неоспоримое возраженіе: пусть предоставятъ они жизненной силѣ залѣчить неперевязанную артерію.

*

Схоластицизмъ. Галилею, когда онъ открылъ Юпитеровыхъ спутниковъ, Птоломеисты отвѣчали, что это нелѣпо, ибо не можетъ быть болѣе 7 планетъ, потому что въ тѣлѣ человѣческомъ только семь отверстій: два уха, два глаза, двѣ ноздри и ротъ (Митчель, План. Свѣт. стр. 97). А еще кое-что, злодѣи, и забыли!

*

Ньютоновъ законъ въ примѣненіи къ житейскому быту. Одинъ изъ важнѣйшихъ Кеплеровыхъ законовъ—о томъ, что квадраты времени обращенія планетъ пропорціональны кубамъ ихъ разстоянія отъ солнца, вышелъ ли изъ какой идеи или выработался многолѣтними наблюденіями и вычисленіями?

Изъ идеи, или изъ наблюденій и вычисленій (задержанныхъ, не забудемъ, невѣрною цифрою до Пикара—земнаго діаметра) Ньютонъ вывелъ законъ: сила притяженія находится въ прямомъ отношеніи къ массамъ и въ обратномъ къ разстояніямъ.

А этотъ законъ не повторяется ли въ человѣческомъ обществѣ? Сила притяженія не возвышается ли по мѣрѣ силы ума, знанія, богатства, честности, и не уменьшается ли по мѣрѣ условій, затрудняющихъ сношенія между людьми.

Въ Ньютоновомъ законѣ лежитъ основаніе человѣческаго общества столько же, какъ и космическаго.

*

Незнаніе науки. Какъ только наука начинаетъ подчиняться какому либо авторитету кромѣ авторитета фактовъ, выработанныхъ добросовѣстнымъ наблюденіемъ, такъ становится безплодною. Астрономія не сдѣлала ни шагу съ I столѣтія до начала XVI-го, пока во главу угла ставила авторитетъ Птоломея. Этимъ авторитетомъ было убито всякое изысканіе объ обращеніи планетъ вокругъ солнца, предчувствованное Пиѳагоромъ. Достигнуть отрицанія вообще: отрицанія ли голословнаго авторитета, авторитета ли недостаточно-выясненныхъ фактовъ, есть дѣло великое, къ коему способны лишь геніи, и есть первое условіе успѣховъ науки. Лишь смѣлымъ отрицаніемъ Коперника двинулась Астрономія и достигла настоящаго своего предвѣдѣнія предъ которымъ преклоняется всякій авторитетъ. Умри Коперникъ годомъ прежде —и всѣ его труды, замедленные Аристотелевскимъ и Птоломеевскимъ авторитетами, погибли бы безвозвратно, и на мѣстѣ ихъ царила бы астрологія (*). Кеплеръ лишь элиминаціей девятнадцати гипотезъ достигъ до открытія эллиптическаго движенія небесныхъ тѣлъ. Это смѣлое отрицаніе человѣческихъ авторитетовъ препятствовало ли извѣстной религіозности Кеплера, и его строгоопытная метода охладила ли его восторженную благодарность къ Святому Промыслу, которая является въ каждой строкѣ отважнаго математика? И наконецъ, не настойчивыя ли и неподкупныя наблю-

(*) Коперникъ приступилъ къ печатанію своего открытія, его самого пугавшаго, незадолго предъ своею смертію.

денія Коперника, Кеплера, Ньютона открыли намъ то изумительное стройное сочетаніе силъ природы, которое повѣдала намъ мудрость Зиждителя?

„Опытныя наблюденія, точныя науки убиваютъ поэзію. Давайте намъ лучше Посейдоновъ, Фебовъ и всѣхъ статистовъ языческаго Олимпа!“

Какая страшная закоснѣлость въ этихъ ребяческихъ возгласахъ! Съ какого потолка упала къ вамъ форма поэзіи, форма безусловная? И вы не замѣтили еще, что наукою раздвинулось поприще фантазіи, что матеріалъ поэзіи пріумножился такимъ богатствомъ, какое не могло никогда войти и въ голову Юпитера, хотя въ ней сидѣла сама Минерва. Прочтите у Гумбольдта страницу, гдѣ изображены солнечныя системы, несущіяся въ пространствѣ какъ пыль, гонимая вѣтромъ. Предъ этою дѣйствительностію возможно ли жалѣть о декораціи Фебовой колесницы съ ея Аврорами, часами и остальною кукольною комедіею? Ктожь виноватъ, если гг. поэты, вмѣсто того, чтобы прямо летѣть къ источнику свѣта, все еще пробавляются плошками этой кукольной комедіи и не хотятъ завладѣть дивнымъ царствомъ, открытымъ наукою! Но это время прійдетъ; минуетъ языческій міръ, донынѣ еще держащійся, и на мѣстѣ его возникнетъ міръ новой поэзіи.

*

Пизская башня, съ которой Галилей опустилъ два шара разной тяжести, упавшихъ *одновременно*, къ удивленію современниковъ.

*

Посредствомъ ли подчиненія себя какому бы то ни было авторитету, или рядомъ усиленныхъ наблюденій и анализа Кеплеръ открылъ тѣ три закона, коими управляется вселенная?...

*

Ложная теорія навела алхимиковъ на гораздо большее число важнѣйшихъ открытій, нежели всѣ осторожныя и благоразумныя изысканія нынѣшнихъ химиковъ.

*

Точно также, какъ столѣтіями вырабатывается разумная мысль, чтобы овладѣть всѣмъ человѣчествомъ, точно также выробатывается и нелѣпость, — чтобы упасть въ Лету.

—

Въ наукѣ не существуетъ ни безусловнаго авторитета, ни безусловной свободы совѣсти или права сужденія (libre examen). Оттого наука не принадлежитъ ни къ папизму, ни къ протестантизму. Наука не принимаетъ ничего бездоказательнаго, но и требуетъ доказательствъ на каждомъ шагу. Отношеніе діаметра въ кругу есть приблизительное, и всякій употребитъ это приближеніе въ вычисленіяхъ, хотя весьма немногіе сами провѣрили вѣроятность этого приближенія; тогда какъ схоластическихъ умствованій никто и никогда провѣрить не можетъ.

—

За предѣлами знанія, разумѣнія, *въ дѣлѣ науки* начинается область предубѣжденій, заблужденій, произвольныхъ умствованій и безполезныхъ и гибельныхъ споровъ и толкованій.

—

Я навожу увеличительное стекло, чтобы лучше разсмотрѣть предметъ; но стекло можетъ быть неправильно и производить оптическій обманъ. Я повѣряю стекло на предметѣ, и стекло же дастъ мнѣ объ немъ яснѣйшее понятіе. Въ этомъ процессѣ идея всякой науки.

—

Въ дѣлѣ науки два дѣятеля: знаніе и разумѣніе. Знаніе дастъ матеріалъ, разумъ строитъ. Пространство разумѣнія опредѣляется пространствомъ знанія, но мертво знаніе безъ разумѣнія. Лишь разумѣніе дастъ жизнь знанію; въ разу-

мѣніи—снарядъ, который сводитъ лучи знанія въ желаемый фокусъ, чтобы освѣтить предметъ мышленія, точно также какъ увеличительное стекло сводитъ всѣ лучи свѣта на предметъ наблюденія. Знаніе безъ разумѣнія есть словарь, груда матеріаловъ; разумѣніе безъ какого-либо знанія есть логическая невозможность. Можно знать всѣ науки и не понимать ихъ взаимной связи, и слѣд. ихъ соотношенія къ данному предмету. Но нельзя ничего разумѣть, если ничего не знаешь. Никакое отдѣльное знаніе, ни химія, ни физика, ни психологія (отдѣльно) не даютъ понятія о предметѣ: ибо каждый предметъ для разумѣнія его требуетъ всѣхъ наукъ и, сверхъ того, ихъ разумнаго сопряженія.

Разумѣніе, какъ и всякая способность души, совершенствуется употребленіемъ, привычкою; оттого важно приводить въ дѣйствіе сію способность заранѣе.

—

Гласность. Многіе требуютъ отъ гласности тогоже что̀ иные больные, которые хотятъ, чтобы принятое лекарство тотчасъ ихъ вылечило. — Такъ одинъ господинъ спрашивалъ, можно ли на гласность хоть пару сапоговъ купить? Это былъ господинъ, заправляющій довольно обширнымъ кругомъ дѣятельности. Его вопросъ значитъ, что онъ находится въ блаженномъ незнаніи о томъ, что нѣтъ денегъ безъ довѣрія и нѣтъ довѣрія безъ гласности.

Впрочемъ и то сказать, наша гласность часто напоминаетъ анекдотъ, разсказанный въ Кургановомъ Письмовникѣ. Кривой, встрѣтивъ горбатаго, сказалъ ему: „Такъ рано, а ты уже съ такою ношею на спинѣ“.—„То правда, что рано, остроумно отвѣчалъ горбатый: у тебя еще только одно окошко открыто„.—Вотъ вамъ и ученая полемика: кто кого.... остроумнѣе.

*

Gerundium. Настоящій герундій, какой существуетъ въ Латинскомъ языкѣ, кажется, находится лишь въ Финскомъ; т. е. неопредѣленное наклоненіе, обращающееся въ склоняемое существительное или прилагательное.

Nom. Nunc est bibendum.—Nyt pittaä poltaa.

Hor.

Gen. Non est narrandi locus.

Ter.

Dat. Vultis auscultando operam dare.

Plaut.

Ac. Ad audiendum parati sumus.

Cic.

Abl. Ab aedificando sunt deterriti.

Sulp. Sev.

Въ Русскомъ языкѣ неопредѣленное наклоненіе обращается въ существительное, но не измѣняется въ падежахъ, а лишь въ числахъ: теперь должно пить; теперь мы (суть) должны пить. Не мѣсто говорить, т. е. не есть мѣсто говоренія. Настоящій у насъ герундій: онъ былъ *выпивши.*

*

Въ Христіанскомъ упованіи на благость Божію, на Его милосердіе къ нашимъ грѣхамъ вольнымъ и невольнымъ, нѣтъ ничего общаго съ той горделивой, суемудрой, юродивой надеждой, которую мы встрѣчаемъ у пустосвятовъ, утверждающихъ, что за ихъ добродѣтели, за исполненіе какого-либо внѣшняго обряда Богъ сдѣлаетъ для нихъ чудо, отведетъ отъ нихъ молнію, отстранитъ пожаръ отъ ихъ дома и пр. т. п.—Въ гостиномъ дворѣ въ Петербургѣ по утрамъ собираются толпы нищихъ побродягъ; многіе изъ торговцевъ одѣляютъ ихъ мѣдными деньгами; ради ли любви Христіанской производится эта слѣпая, безсознательная раздача? Нисколько! Одни раздаютъ по привычкѣ, потому что такъ издавна заведено; другіе въ надеждѣ, что за такую благотворительность они будутъ

награждены успѣхомъ въ торговлѣ, даже успѣхомъ въ обсчитываніи и обмѣриваніи,—ни дать ни взять Итальянскіе бандиты, которые слезно молятся Мадоннѣ, чтобы она послала имъ подъ ножъ богатаго путешественника. Между тѣмъ нищіе отправляются въ кабакъ, а оттуда на паперти, гдѣ Домашняя Бесѣда встрѣчаетъ ихъ съ распростертыми объятіями. Не явный ли это соблазнъ, не потворство ли бродяжничеству, праздности и всѣмъ ихъ послѣдствіямъ! А еще есть такіе господа, которые, во имя неизвѣстно какой Татарской метафизики, возстаютъ противъ спектаклей, концертовъ и пр. т. п., учреждаемыхъ для поддержанія какого либо благотворительнаго заведенія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, деньги бросаются не на вѣтеръ; все таки есть какая-нибудь отчетность, какой-нибудь надзоръ, и призрѣваемые въ благотворительныхъ заведеніяхъ не ходятъ въ кабаки, боясь потерять мѣсто. Разумѣется, въ семьѣ не безъ урода; есть люди, которые одной рукой пишутъ благочестивыя статейки, пишутъ молитвы для поднесенія, раздаютъ какіе-то освященные порошочки, а другою обкрадываютъ благотворительныя заведенія; но, по самому устройству этихъ заведеній, такія продѣлки рано или поздно открываются, и если воръ и избѣгнетъ законнаго наказанія, то не избѣгнетъ общественнаго презрѣнія.

Все это также далеко отъ здраваго смысла, какъ и отъ истинно-христіанскаго чувства; здѣсь просто эгоизмъ, родъ ссуды за хорошіе проценты, прикрытый разновидною фантасмагоріею пустосвятства.

*

Бѣлинскій былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій, какія я когда-либо встрѣчалъ въ жизни. Въ немъ было сопряженіе Канта, Шеллинга и Гегеля, сопряженіе вполнѣ органическое, ибо онъ никого изъ нихъ не читалъ: онъ не зналъ по-нѣмецки, весьма плохо понималъ по-французски, а въ его эпоху ничто изъ этихъ философовъ не было переведено по-французски. Нѣкоторыя ихъ положенія перешли къ нему понаслышкѣ, частію отъ учениковъ Павлова, знавшаго впрочемъ лишь Шеллинга и Океиа, частію отъ меня. Всякій разъ, когда мы встрѣчались съ Бѣлинскимъ (это было рѣдко), мы съ нимъ спорили жестоко; но я не могъ не удивляться, какимъ образомъ онъ изъ поверхностнаго знанія принциповъ Натуральной Философіи (Naturphilosophie) развивалъ цѣлый органическій философическій міръ sui generis. Едва имѣя понятіе о Шеллингѣ только, Бѣлинскій самъ собою дошелъ до Гегеля, ему неизвѣстнаго; т. е. въ Бѣлинскомъ совершился своебытно тотъ переходъ, который въ философскомъ мірѣ совершился появленіемъ Гегеля послѣ Шеллинга. Этого мало: въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго мы видимъ и другой переходъ, параллельный съ переходомъ философскихъ идей отъ Гегеля къ Конту (philosophie positive), гораздо позднѣйшему; такъ что у Бѣлинскаго можно встрѣтить мѣста, гдѣ онъ по предчувствію угадывалъ Конта. Напрасно противники Бѣлинскаго укоряютъ его въ томъ, что онъ не понималъ Гегеля. Нѣтъ! Онъ его *вовсе не зналъ*, но сблизился съ нимъ точно также какъ математикъ, не зная работы другаго математика, сближается съ нимъ въ выводахъ единственно развитіемъ данной теоремы. Дѣло не въ томъ, хороши ли всѣ эти теоріи, въ особенности Конта (это вопросъ иной), но въ томъ, что развить въ себѣ самомъ цѣлый рядъ философскихъ теоремъ, развившихся въ философской атмосферѣ міра, не далось бы дюжинному человѣку. Бѣда Бѣлинскаго въ томъ, что обстоятельства жизни не позволили ему развиться правильнымъ

образомъ. Онъ, если не ошибаюсь, не кончилъ даже гимназическаго курса. Будь онъ въ Германіи, онъ, недовольный однимъ преподаваніемъ, перешелъ бы въ другой университетъ, и систематическій трудъ распорядилъ бы въ немъ богатство его умственныхъ силъ. У насъ Бѣлинскому учиться было *негдѣ;* рутинизмъ нашихъ университетовъ не могъ удовлетворить его логическаго въ высшей степени ума; пошлость бо́льшей части нашихъ профессоровъ порождала въ немъ лишь презрѣніе; нелѣпыя преслѣдованія неизвѣстно за что̀ развили въ немъ желчь, которая примѣшалась въ его своебытное философское развитіе и доводила его безстрашную силлогистику до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Обстоятельства жизни воспитали его такъ, что онъ въ каждомъ человѣкѣ видѣлъ или подлеца, или мошенника, или глупца; сознаніе своей логической силы придавало ему много самолюбія, такъ что онъ никогда не могъ сознаться въ ошибочности своихъ выводовъ; безпрестанное ощипываніе въ нашей литературѣ, боязнь вывести на свѣтъ Божій самую невинную мысль, но новую, и потому заранѣе заподозрѣнную, возбудило такую въ Бѣлинскомъ ненависть къ этой пугливости, что онъ въ каждой крайней мысли видѣлъ мысль правдивую, потому только, что она противорѣчила со всѣмъ его окружающимъ. Отсюда его презрѣніе къ Русскому филистерству, отъ котораго онъ переходилъ къ презрѣнію ко всему Русскому. Такъ, нерѣдко онъ говорилъ, что главный порокъ Русскаго—это именно то, что онъ Русскій. Бѣлинскій принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые нерѣдко у насъ появляются, которые при другой обстановкѣ означили бы свое поприще въ Европейскомъ ученомъ мірѣ, но которые или замерли, или которыхъ сила, какъ сила не въ попадъ задержанной паровой машины, получаетъ обратное дѣйствіе и разрушаетъ самую машину. Не порицать слѣдуетъ такихъ людей, но скорбѣть о томъ, что они явились не въ пору.

*

Вѣра. Величайшее зло, больше, нежели Вольтеръ и Болинброкъ, нанесъ религіи тотъ, кто осмѣлился выговорить: credo, quia absurdum. (1)

Les accéssoires religieux comme des branches gourmandes tuent toujours l'arbre qui les porte. (2)

Въ Св. Отцахъ находятся весьма глубокія психологическія замѣтки; погруженные въ самихъ себя, они могли перечувствовать все, что̀ человѣкъ можетъ чувствовать; но они не могли знать все, что̀ человѣку дано знать.

Наука смирила человѣческую гордость. Она одна показала человѣку, что онъ не знаетъ даже пространства своего незнанія;—съ той минуты палъ догматизмъ, выраженіе величайшей самонадѣянности.

Сверхъестественное — выраженіе стольже богохульное, какъ и *сверхъбожественное.*

*

Воля. Народныя легенды суть порожденія многихъ опытныхъ наблюденій, не разъ повторившихся и, наконецъ, слившихся или въ афоризмъ (пословица, присловье, догма), или въ поэтическую форму легенды. Легенда о дѣвочкѣ, собиравшей крохи и за то взысканной благодатью, есть выводъ изъ наблюденій надъ людьми съ крѣпкою волею, коимъ, разумѣется, все болѣе удается, нежели *слабовольнымъ.* Ибо не должно думать, что крѣпкая воля нужна лишь для важныхъ случаевъ жизни; тогда ее поддерживаетъ и чувство нравственной отвѣтственности,

---

(1) Вѣрю, потому что нелѣпо.

(2) Побочности религіи, какъ тунеядныя вѣтви, губятъ всегда дерево, на которомъ заводятся.

и математическая увѣренность въ правотѣ защищаемаго дѣла, и наконецъ самолюбіе. Воля укрѣпляется не генеральными сраженіями, но мелкими ежедневными стычками. Выдержать борьбу съ сильнымъ противникомъ, напр. по дѣлу государственному, легче, нежели выдержать борьбу съ своею лѣнью, съ тысячами маленькихъ крючковъ, цѣпляющихся за насъ въ житейскомъ быту. Надобно укрѣплять свою волю, какъ тѣло, дѣятельностью. Попробуйте приказать себѣ что-либо дѣлать ежедневно; не скажу напр. рано вставать, ибо, вопреки Гуфеланду, нѣтъ ничего вреднѣе въ нашей многосложной жизни, какъ систематичность (примѣръ Шихматова, который засыпалъ въ Комитетахъ, какъ скоро было 9 часовъ); напротивъ, надо подчинить себѣ и сонъ, и голодъ, и всѣ другія физическія потребности, на сколько можетъ позволить организмъ каждаго, что̀ можно открыть лишь изъ трезвыхъ наблюденій надъ самимъ собою. Прикажите себѣ напр. *каждый день* посвящать хоть полчаса какому-либо опредѣленному, отъ вашей воли зависящему предмету, напр. изученію какого-либо языка. Увидите—какъ это трудно; а между тѣмъ такая гимнастика воли необходима для того, чтобъ укрѣпить волю и приготовить ее на всякое большое или малое дѣло.

Относительно крючковъ житейскихъ замѣчу, что мнѣ напр. никогда не удалось добиться счастія имѣть удобный, просторный или просто непроходный кабинетъ; цѣлый мой вѣкъ приходилось мнѣ имѣть въ качествѣ кабинета или маленькую конурку, или проходную комнату, или за нѣсколько этажей, чрезъ дворъ и пр. Нельзя вообразить себѣ, ка̀къ такое обстоятельство бороздитъ въ жизни: вамъ некогда, а вамъ при входѣ въ кабинетъ нырь въ глаза гость не во̀-время; надобно справиться съ книгою, она за тридевять земель,—иди за ней; между тѣмъ мысли разсѣваются, забываются, а заложить бумагу,—проискать ее цѣлый день, ибо въ разныхъ комнатахъ память не помогаетъ; а болѣзнь, иногда небольшая, но которая не позволяетъ рыться, и пр. т. п.

*

Вѣчная, постоянная, неизмѣнная любовь—только въ плохихъ романахъ; но если люди хоть одну минуту любили другъ друга, хоть одною мыслію, хоть однимъ взглядомъ, хоть однимъ пожатіемъ руки, хоть одну минуту они ощутили связь между собою, этотъ дивный процессъ сродства, который движетъ вселенную отъ пылинки до солнца,—эта минута не забудется. Не во власти людей уничтожить этотъ чудный процессъ; онъ былъ, слѣд. можетъ быть, и рано или поздно, что̀ бы ни случилось въ промежуткѣ времени, если эти люди встрѣтятся въ жизни, сродственная минута возобновится. Эта возможность возобновленія любви была принята за явленіе любви вѣчной,—въ рыцарскихъ романахъ.

*

*Еруслан*ъ не происходитъ ли отъ Гургасланъ, одинъ изъ царей Грузинскихъ. См. Bartholomée, Lettres numismatiques et archéologiques. 1859, p. 12.

—

Энциклопедизмъ. (Въ Предисловіе къ сочиненіямъ). Кто изучалъ только одну науку, тотъ ея не знаетъ. Раздѣленіе наукъ есть дѣло искусственное, даже случайное. Одинъ господинъ выдумалъ науку формологію, т. е. знаніе письменныхъ канцелярскихъ формъ. Это смѣшно, но чѣмъ это не наука, наравнѣ съ энтомологіею, ихтіологіею, конхіологіею и со многими другими? Въ канцеляріяхъ изобрѣтено слово: чинологія, т. е. знаніе всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя по порядку службы требуются для представ-

вленія къ чинамъ. Въ канцеляріяхъ есть дѣйствительные спеціалисты по сей наукѣ, съ которыми рѣдкій директоръ департамента не совѣтуется. Чѣмъ не наука? Дѣло все въ томъ, что въ каждомъ предметѣ природы являются всѣ науки вмѣстѣ.

—

Полиція. Несостоятельность этого учрежденія въ политическомъ смыслѣ обнаруживалась неоднократно въ новѣйшей исторіи: при Іюльской революціи, при паденіи Лудовика Филиппа, въ 1848 году во всей Европѣ, при паденіи новой республики, при покушеніи Орсини, наконецъ нынѣ въ Сициліи, гдѣ система тайной полиціи была развита въ высшей степени и гдѣ на нее ничего не жалѣли, между тѣмъ полиція никогда не могла добраться до гнѣзда заговора. „Мы легли спать, разсказываетъ самъ Неаполитанскій генералъ Летиція, радуясь тому, что прекратили народное волненіе и отбросили Гарибальди; а на другое утро насъ разбудила новость, что онъ уже не *подъ* Палермо, а въ стѣнахъ его.“

Король Неаполитанскій надѣялся увеличить въ войскѣ духъ единства и нравственности посредствомъ священниковъ, утреннихъ и вечернихъ молитвъ, исповѣди и проповѣди,—въ результатѣ оказался духъ вольнодумства, а съ тѣмъ вмѣстѣ полное отсутствіе всякой жизненности, деревянный механизмъ, негодность каждаго солдата на всякое дѣло, кромѣ грабежа (Русск. Вѣстн. 1860, Іюль, кн. 2-я, Совр. лѣтоп., стр. 422).

Защитникъ Неаполитанской камариллы, le Monde (Journ de St.-Pétersb. 11 Août, 1860, № 178, p. 3) гдѣ участвуетъ извѣстный Veuillot и который королеву-мать называетъ la sainte, признаетъ, что единственное войско, на которое король можетъ полагаться, это —les régiments étrangers, состоящіе изъ смѣси Швейцарцевъ, Австрійцевъ, Нѣмцевъ и другихъ разнонародныхъ лицъ. Такъ Езуитская камарилла для собственныхъ личныхъ интересовъ разъѣла связи между властью и народомъ! Примѣръ назидательный, ибо Езуитская камарилла дѣйствуетъ вездѣ одинакимъ образомъ: грабя страну, устрашая власть непокорствомъ народа, народъ—собственнымъ своимъ коварствомъ; она разъѣдаетъ всѣ связи общественныя, дабы самой дѣйствовать подъ шумокъ во всемъ раздольи самоуправства. Когда она притѣсненіями и отсутствіемъ оффиціальнаго правосудія и частной справедливости выведетъ народъ изъ терпѣнія, тогда камарилла начинаетъ утверждать, что виновата не она, а книги и журналы, пропитанные революціоннымъ духомъ, противъ котораго всѣ средства позволены. Когда власть, прорвавъ завѣсу, посредствомъ которой камарилла скрывала отъ нея дѣйствительность, рѣшается на преобразованія, т. е. на удовлетвореніе настоятельныхъ потребностей (иногда къ сожалѣнію слишкомъ поздно, какъ Карлъ X или нынѣшній король Неаполитанскій), тогда камарилла старается исфальшивить эти преобразованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обвинить ихъ въ томъ злѣ, которое она съ давнихъ поръ воспитала. Къ большему прискорбію, Езуитская камарилла развращаетъ народную нравственность, пріучая народъ бояться не суда и закона, но случайности, и смѣшивая въ его понятіяхъ добродѣтель съ угодливостію и вывертливостью, а виновность —съ несчастіемъ, отъ котораго можно отдѣлаться разными житейскими средствами. Народъ, потерявъ нравственное чувство совѣсти и слѣдуя въ этомъ примѣру высшихъ надъ нимъ лицъ, теряетъ вѣру въ добросовѣстность власти, и ея часто искреннее желаніе улучшеній, ея раскаяніе принимаетъ за политическую хитрость и ввѣряется первому встрѣчному вожаку, который и самъ не знаетъ,

куда онъ идетъ и куда ведетъ.—Такова печальная исторія человѣчества.

*

Когда патеръ Лаваллетъ былъ уличенъ въ торговомъ мошенничествѣ, и обманутые кредиторы потребовали съ Езуитовъ до милліона франковъ, Езуиты отвѣчали: ne pouvoir être solidaires d'un des leurs (1).

Не у однихъ католиковъ, въ письмахъ Гумбольдта (Нѣм. изд. 1860, стр. 170) видно, что еслибъ не его положеніе при дворѣ королевскомъ, er würde abgewiesen: so sehr hassten ihn die *Ultra's* und *Pietisten* (2); они бы не дали ему жить въ цѣлой Германіи.

—

Езуитская миссія въ Японіи кончилась 150,000 труповъ; считаютъ милліонами погибшихъ въ 1617—1660.

—

Князь Лопухинъ (въ Зап. Чт. Общ. Ист. и Древн. 1860, кн. 3-я Юль-Сентябрь, стр. 105) говоритъ: „Бранили меня благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ—*рыба ли вязига* (3) и можно ли въ постные дни пить чай съ сахаромъ, что въ него-де кладется кровь (4), и которые готовы безъ разбора подписывать ссылку и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго.“

—

(1) Что они не могутъ отвѣчать за одного изъ своихъ.

(2) Его бы удалили: такъ онъ былъ ненавидимъ крайними и піетистами.

(3) Подлинно зналъ я одну барыню, очень богомольную, разумную и еще мастерицу по-французски и по-нѣмецки, которая толковала съ архіереями, можно ли есть вязигу въ тѣ дни, въ которые по уставу не положено ѣсть рыбу, и ей разрѣшили, почему-то не упомню, вязигу къ рыбѣ не причитая. Прим. Лопухина.

(4) Принимающіе сахаръ за скоромное должны бы воздерживаться и отъ овощей, и отъ всякихъ хлѣбныхъ растеній, ибо въ нихъ крахмалъ, а крахмалъ въ нашемъ желудкѣ, какъ извѣстно, обращается не только въ молочную кислоту (родъ простокваши), но даже и въ масляную кислоту (acidum).

Домашняя Бесѣда можетъ быть вредна не по своему вліянію, но потому, что компрометируетъ нѣкоторыя понятія извѣстной сферы, языку которыхъ она старается подражать и показать свое собратство съ ними. Она опасна для этой сферы, ибо эта сфера весьма недавно начала примиряться съ современностію и получать право гражданства въ литературѣ. Но съ другой стороны она полезна, ибо пробуждаетъ нашу лѣнь и показываетъ, какія еще понятія, не смотря на Петровскую реформу, могутъ еще гнѣздиться въ нѣкоторыхъ кружкахъ, или, по крайней мѣрѣ, имъ нравиться. Домашняя Бесѣда наконецъ любопытна для безпристрастнаго наблюдателя по пріемамъ, посредствомъ коихъ она промышляетъ самыми высокими и дорогими для насъ понятіями.

—

Стрѣлецкая партія смѣшиваетъ непреложность съ неподвижностію—два понятія, совершенно различныя; $а+в=а+в$ есть истина непреложная; но еслибы на ней остановиться, то вся математика обратилась бы въ тавтологію, ни къ чему негодную. Напротивъ, всякая истина тогда только можетъ назваться непреложною, когда ея непреложность доказывается ея дѣятельнымъ развитіемъ. A priori нѣтъ ничего непреложнаго. Даже Марріетовъ законъ оказался необщимъ для всѣхъ случаевъ.

*

Фантасмагорія всегда представляется подъ какой-нибудь личиной: вѣрованія, патріотизма, исправленія нравственности, даже всеобщаго спасенія (salut public). Наука же не нуждается ни въ какой личинѣ; она выходитъ на поприще съ открытымъ лицемъ и вооруженная лишь стремленіемъ къ истинѣ во что бы ни стало, даже еслибы эта истина должна была уничтожить самое то состояніе, въ которомъ она находится въ данную эпо-

ху. Такъ Алхимія уничтожилась Химіей, Астрологія — Астрономіей, фантастическія теоріи объ образованіи земнаго шара —Геологіею, Витализмъ—Физіологіею.

—

Дом. Бес. Ея принципы совершенно одинаковы съ тѣми, на кои въ Австрійскомъ Morgenpost профессоры Вѣнскаго университета указываютъ, прося о возвращеніи имъ ихъ церкви, которая въ 1856 г. была передана Іезуитамъ. Настоящій проповѣдникъ Іезуитъ Клинковстремъ, „не принадлежащій ни къ богословскому факультету, ни къ университету и не имѣющій диплома доктора Богословіи, ни Философіи,“ употребляетъ тонъ, не доказывающій ни его нравственнаго, ни ученаго образованія; въ проповѣдяхъ онъ 1) старается представить успѣхи естественныхъ наукъ („составляющіе гордость и радость друзей науки,“ говорятъ бѣдные Вѣнскіе профессора) въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ; 2) осмѣливается нападать на такихъ людей, какъ Гумбольдтъ; 3) прославляетъ осужденіе Галилея, Варѳоломеевскую ночь; 4) въ проповѣдяхъ читаетъ цѣлые политическіе курсы, въ коихъ дѣлаетъ открытыя или тайныя нападки противъ другихъ религіозныхъ обществъ; 5) чернитъ Шиллера, Цшокке и др; 6) возстаетъ съ фанатизмомъ противъ а) свободы ремеслъ, в) отмѣны лихвенныхъ законовъ; с) противъ свободы печати, которая представлена источникомъ всѣхъ золъ Австріи.

За исключеніемъ пунктовъ 3 и 6 (в), все точно такъ, какъ въ Домашней Бесѣдѣ. Сѣв. Пчела (1861, Сент. 16, № 205, стр. 841, колона 1-я).

—

Душа. Когда матеріалистамъ говоришь о душѣ, они смѣются и спрашиваютъ: гдѣ она, и что̀ это такое? Музыка разъигрывается оркестромъ,—разошлись музыканты, и музыка исчезла. Вопервыхъ сравненіемъ никакая истина не объясняется, вовторыхъ и сравненіе невѣрно. Что̀ дѣлали музыканты? Они перестали играть, звучность тѣла исчезла? Развѣ исчезла самая партиція? Ничего не бывало: мысль композитора осталась въ партиціи, звучность въ инструментахъ. То и другое лишь *измѣнило форму своего проявленія,* но отнюдь не уничтожилось; и мысль сочинителя живетъ, и звучность тѣлъ живетъ. Дайте другихъ музыкантовъ, другіе или тѣже инструменты, и то и другое снова проявится. Умираетъ лишь то, что̀ имѣетъ части, ибо смерть есть распаденіе частей; но то, что̀ держитъ эти части въ связи, не умираетъ, а лишь измѣняетъ форму своего существованія. А не то ли мы и понимаемъ подъ словомъ безсмертіе души? Исполненіе музыкальной піесы можно сравнить лишь съ однимъ изъ фазисовъ жизни, но не съ цѣлою жизнью.

Конечно, нельзя душу взять въ руки, и сказать: вотъ она, точно также какъ мы не можемъ взять въ руку магнитной силы (или магнитной стихіи), но ея дѣйствія увѣряютъ насъ въ ея существованіи. Вы отняли желѣзо отъ магнитнаго камня,—явленіе притяженія прекратилось но съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла ли въ магнитѣ сила притяженія? Нисколько! И тому доказательство—стоитъ снова приложить къ нему желѣзо.—Изъ саркофаговъ мумій были вынуты сѣмяна растеній, ихъ посѣяли, т. е. соединили съ условіями прозябанія, и они пустили ростки. Россъ бралъ съ собою въ полярный поясъ изъ Европы гусеницъ (Loriæ Rossi) и послѣ ихъ трехмѣсячнаго пребыванія въ коробкѣ подвергалъ неоднократно стужѣ — 32° Реом.; онѣ разумѣется замерзали; но, внесенныя въ каюту, большая часть ихъ снова оживали. Не говоримъ о живыхъ жабахъ, находимыхъ въ деревьяхъ и камняхъ, ибо по этому предмету существуютъ еще нѣкоторыя сомнѣнія. Слѣд-

ственно скажутъ, все едино: слѣдственно душа, или назовите какъ угодно, одинакова какъ въ минералѣ, такъ и въ человѣкѣ? — Дѣйствительно можно, съ нѣкоторою впрочемъ натяжкою, въ магнитномъ притяженіи, въ химическомъ сродствѣ видѣть уже начало жизни. Но вотъ разница: магнитъ можетъ пролежать вѣки, и въ немъ не окажется силы притяженія, если случайно къ нему не поднесутъ желѣза; засохшее сѣмя не проростетъ, если не будетъ поставлено чуждою силою въ условія прозябанія,—влажности, теплоты и свѣта. Низшія породы животныхъ вполнѣ подчинены дѣйствію силъ, ихъ окружающихъ; ихъ пища однообразна и ограничивается извѣстными породами растеній или животныхъ (не всѣхъ породъ насѣкомыя въ разныхъ степеняхъ превращенія поѣдаются птицами; куры и большая часть птицъ, питающихся червями и личинками, не ѣдятъ мохнатыхъ червей; сосноваго шелкопряда ѣстъ, какъ говорятъ, лишь кукушка). Время любви для животныхъ опредѣлено; подверженные зимней спячкѣ, медвѣдь, сурокъ, ежъ и пр., не могутъ воспротивиться этому естественному влеченію; больное животное совершенно угнетено въ своей дѣятельности. Въ человѣкѣ иное; человѣкъ мыслитъ и чувствуетъ даже въ подземной темницѣ, куда не проникаютъ ни свѣтъ, ни звукъ; при недостаткѣ одной пищи, замѣняетъ ее другою; время любви подчинено его произволу; человѣкъ можетъ произвольно, въ нѣкоторыхъ границахъ, спать и не спать, т. е. силою мысли парализировать органическую потребность; онъ можетъ и въ состояніи болѣзни проявлять свою дѣятельность: многіе смертельно-раненые полководцы продолжали командовать. Слѣдственно есть въ человѣкѣ особаго рода сила, которая побѣждаетъ матеріальную боль, слѣд. существуетъ въ человѣкѣ такой самопроизвольный экситаторъ, который есть не магнитизмъ, не электричество, не химическое сродство, словомъ есть дѣятель sui generis, котораго нѣтъ ни въ низшихъ породахъ животныхъ, ни въ растеніяхъ, ни въ минералахъ. Затѣмъ называйте этотъ внутренній, независимый экситаторъ какъ угодно: силою, динамизмомъ, жизненностью, душою, духомъ; дѣло въ томъ, что онъ есть и существуетъ *самъ по себѣ*, не какъ явленіе, но какъ производитель явленій, конечно находящійся въ нѣкоторой, но не въ полной зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Это просто *фактъ*, и точно такой же, какъ направленіе магнитной стрѣлки, и потому-то именно произвольная самодѣятельность духовныхъ отправленій останется всегда необоримою преградою для самыхъ сильныхъ аргументовъ чистаго матеріализма. Матеріализмъ, котораго заслугъ мы не отвергаемъ, есть, въ отношеніи его аргументовъ противъ самобытности души, схоластика своего рода, т. е. распространеніе отдѣльнаго факта на цѣлую систему явленій. Узнавъ изъ Физіологіи, что кости и мускулы суть ни что иное какъ рычаги съ приводами; что кровообращеніе есть явленіе чисто гидродинамическое, что наконецъ пищевареніе есть химическій процессъ, до нѣкоторой степени воспроизводимый въ лабораторіи дыханія также, — матеріалистъ переноситъ законы этихъ частныхъ случаевъ на другіе, неподлежащіе этимъ законамъ, точно также какъ схоластики и алхимики подчиняли части человѣческаго тѣла или минералы вліянію планетъ, въ металлахъ искали законовъ растительности (въ Калифорніи золотоискатели донынѣ убѣждены, что золото растетъ и зрѣетъ, какъ растеніе; см. брошюру De l'or 850-тыхъ годовъ), точно также, какъ еслибъ кто захотѣлъ въ булыжникѣ отыскать органы пищеваренія, а въ ростѣ костей одно чисто-химическое дѣйствіе; видѣть въ

уравненіи съ показателями степеней простое уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ, трактовать несоизмѣримыя количества подобно соизмѣримымъ, измѣрять кругъ діаметромъ безъ остатка. Что бы ни говорили, какъ бы ни ставили аргументъ на аргументъ, произвольная, самодѣятельность души человѣка никогда не подогнется подъ законы физическаго міра и всегда будетъ явно отличаться отъ самыхъ неуловимыхъ физическихъ дѣятелей: магнито-электричества, гальванизма, теплодѣятельности и пр. т. п.

Если нѣтъ въ природѣ факта изолированнаго, если выдыхаемая нами углекислота не исчезаетъ, слѣд. не остается безъ вліянія на атмосферу всего земнаго шара, если эта атмосфера въ свою очередь не остается безъ вліянія даже на образъ проявленія нашей мысли (человѣкъ въ угарной комнатѣ мыслитъ и чувствуетъ иначе, нежели на чистомъ воздухѣ; угаръ есть родъ временнаго умопомѣшательства), то достовѣрно также, что нѣтъ въ природѣ двухъ фактовъ и вполнѣ тождественныхъ: каждый находится подъ вліяніемъ законовъ другихъ фактовъ, но вмѣстѣ и подъ вліяніемъ своего собственнаго. Солнце равно грѣетъ равнину, полную растеній, влажность проникаетъ каждое изъ нихъ, но между тѣмъ ель остается елью, и условія ея произрастанія во многомъ отличаются отъ произрастанія мха, на ней же находящагося или какого-либо полеваго злака. 2=2, и 3=3; но законы, соединяющіе 2 съ 3 посредствомъ сложенія (2+3) и умноженіемъ (2×3) различны, чему доказательствомъ можетъ служить различіе продуктовъ этихъ сопряженій.

Все въ человѣкѣ, отъ ногтей до сѣроватыхъ полостей мозга и мозжечка, подвержено безъ всякаго сомнѣнія дѣйствію физической природы; но произвольная самодѣятельность духа, какъ бы ни затруднялась она патологическими случайностями въ организмѣ, остается внѣ этихъ законовъ. Прямое порожденіе этой самодѣятельности—наука, т. е. наблюденіе и логическій изъ него выводъ и, еще болѣе, изящныя искусства, недоступныя никакой твари кромѣ человѣка. А между тѣмъ анатомируйте животное, вы слѣдите за его физіологическими живыми отправленіями; сдѣлайте тоже съ человѣкомъ, вы не найдете нигдѣ физическаго органа духовной самодѣятельности, науки, искусства. Простое дѣленіе входитъ въ извлеченіе корней, но вы не извлечете корня посредствомъ одного дѣленія. Количество a, возведенное въ 3-ю степень, имѣетъ своего матеріальнаго представителя—въ кубѣ; но, начиная съ 4-й степени, законы образованія величинъ имѣютъ мѣсто лишь въ мышленіи человѣческомъ.

*

Дикость выражается преимущественно односторонностію. Дикарь, не знавшій огня и увидѣвшій свѣчку, необходимо долженъ возвести ее на степень бога. Аракчеевъ былъ также дикарь, именно потому, что во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ видѣлъ одинъ элементъ: принужденіе, дѣятельность подъ страхомъ наказанія. Господинъ, никогда ничего порядочно не изучавшій и потому неразвитый, ѣдетъ въ Англію; видъ просвѣщенной страны поражаетъ дикаря: точно такъ какъ прежде онъ ее знать не хотѣлъ, теперь одну ее только и видитъ и не хочетъ знать ничего остальнаго. Не достигая до познанія Бога, онъ останавливается на фетишизмѣ, который можетъ быть и религіознымъ, и нравственнымъ, и политическимъ. Все это—дикость на разныхъ ступеняхъ. Видѣлъ наприм. человѣкъ Оксфордскій университетъ, узналъ, что онъ родъ монастыря, и слѣпо вѣритъ, что въ томъ и вся суть, и что всѣ университеты должны быть такъ образованы;

что Оксфордскій ун-тъ основанъ на огромные капиталы Англійской аристократіи, что тамъ всякій студентъ имѣетъ своего тутора, платитъ и можетъ платить до 500 фунтовъ стерлинговъ—это не дошло до свѣдѣнія дикаря. Дикаремъ бываетъ и человѣкъ, который прочтетъ въ жизнь одну лишь книжку и ничего не хочетъ знать кромѣ этой книжки.

*

Религіозное чувство не есть принадлежность слабоумія; дѣти отнюдь не религіозны. Религіозная потребность души растетъ вмѣстѣ съ ея развитіемъ. Оттого религія разумна.

—

Какъ скоро человѣкъ начинаетъ искать и ожидать помощи съ потолка, отказываясь отъ своего разумѣнія, принося его въ жертву схоластическимъ утвержденіямъ и ни на чемъ не основаннымъ надеждамъ, онъ неминуемо впадаетъ въ ошибки, отъ коихъ, какъ бы ни трудно было дѣло, хоть нѣсколько спасло бы его разумѣніе. Фенелонъ сказалъ: ne laissons à la fortune que ce que nous ne pouvons lui enlever par le raisonnement et bon conseil (*).

Гете писалъ къ Цельтеру: Дѣти! любите другъ друга; по крайней мѣрѣ сносите другъ друга. Если бы эта истина проникла нѣсколько въ вашу Ниневію, вы были бы оттого ни больше, ни меньше, но были бы другими людьми.

—

На меня съ дѣтства производила сильное впечатлѣніе Евангельская притча о талантахъ. Умъ, способности даются Богомъ, и ихъ искусственно себѣ не дашь. Но воля зависитъ отъ насъ. Волей мы можемъ нашъ талантъ пустить въ куплю, пріумножить, и такъ, что его *движущаяся* сумма превзойдетъ сумму и бо́льшую, но недвижную. „Вмалѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю“.

—

Часто спрашиваютъ: все ли заранѣе предопредѣлено, или все зависитъ отъ воли человѣка?

Этотъ вопросъ не довольно ясенъ. Предопредѣлены законы. Изъ понятія, что $a+b=c$, непремѣнно слѣдуетъ, что $c-a=b$; но отъ воли человѣка зависитъ не то, что $c-a^2=b$, а что $c-b^3=a$. Формула этихъ двухъ уравненій различна; но законъ, служащій имъ обоимъ основаніемъ, есть законъ роковой, предопредѣленный. Этотъ законъ можетъ остаться и бездѣйственнымъ, если мы не перейдемъ отъ первой формулы ни ко второй, ни къ третьей. Въ лѣтописяхъ магнетизма (см. напр. стр. 22 въ Исторіи двухъ болѣзней докт. Вейнтрауба, Москва, 1851) магнетизированные часто говорятъ: если будетъ то̀, то со мною случится то̀-то; а если не будетъ, то случится другое, и я скажу то̀-то. Такимъ образомъ не только происшествіе, но и слова могутъ неизбѣжно истекать изъ даннаго случая; нѣтъ этого случая, нѣтъ и слова. Т. е. введется такая-то величина въ уравненіе, и получимъ то̀-то; но эта величина можетъ быть и не введена,—тогда нѣтъ и послѣдствій.

—

Довольно странно, что мы часто не можемъ отвѣчать на самый простой вопросъ изъ обыденной жизни, а не затрудняемся нисколько отвѣтомъ на самый многосложный метафизическій вопросъ. Спросите; зачѣмъ сюда пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ такой-то? Сотни человѣкъ отвѣтятъ вамъ: не знаю. Спросите: что̀ такое жизнь? И отвѣты посыплятся къ вамъ со всѣхъ сторонъ. Для отвѣта на вопросъ: зачѣмъ пріѣхалъ Ив. Ив.—вы собираете данныя, сравни-

(*) Предоставимъ случаю лишь то, чего не можемъ у него отнять разсужденіемъ и благоразуміемъ.

ваете ихъ, повѣряете ихъ одно другимъ, наконецъ выводите заключеніе, но подъ условіемъ измѣнить его, какъ скоро вы добудете еще новое данное, которое вполнѣ или частію опровергнетъ всѣ прежнія. Вопросъ о жизни въ тысячѣ книгахъ рѣшенъ теоретически, т. е. безъ всякихъ данныхъ, или по ничтожному числу ихъ.

—

Довольно странный софизмъ у догматиковъ. Они говорятъ: вѣра есть начало философіи, смѣшивая слово начало (основаніе) со словомъ исходъ (истокъ). Можно принять первое, но второе есть явная нелѣпость. Человѣкъ пріобрѣтаетъ знаніе и только путемъ знанія доходитъ до вѣры.... если доходитъ, что не всѣмъ дается. Схоластики говорятъ: первый актъ самопознанія—вѣра. Утверждая, что я отлично отъ не я, что черное — черно, а бѣлое — бѣло, я уже творю актъ, я вѣрю, что я утверждаю, что имѣю власть и право утверждать: я вѣрю въ *актъ своего утвержденія*. Такъ. Но что же далѣе? Въ этомъ актѣ въ кого я вѣрю?—въ самого себя, не болѣе, а отъ вѣры въ самого себя до другой вѣры—цѣлая бездна. До *вѣры* мы можемъ доходить, но актъ вѣры не дается намъ какъ актъ какого-либо физическаго отправленія.

—

Самоумерщвляющее движеніе природы умѣряется лишь человѣкомъ; въ природѣ, безъ человѣка, растенія заглушили бы другъ друга, животныя бы заѣли, минералы своими химическими сопряженіями убили бы всю природу. Человѣкъ надъ ней творитъ судъ и расправу; обрѣзываетъ ненужныя и слѣд. вредныя отрасли, защищаетъ одно растеніе отъ другаго, одно животное отъ другаго, осушаетъ болота, соединяетъ водные истоки каналами.... Извѣстенъ простой примѣръ: если вовсе не ловить рыбу изъ пруда, или не прорубать во льду проруби, то рыба умретъ. Возможность ея жизни въ рукахъ человѣка.

—

Ideen-Magazin.

„При дворѣ, говорилъ Бертольдо (Il libro di Bertoldo, старинная Болонская сказка, сочин. Giulio Cesare Croci, прозв. Lira Bolonese) ошибки вырѣзываются на мѣди, услуги—на пескѣ“.

—

Изобрѣтатель нынѣшняго строя скрипки (въ квинту, около 1515 года) Duiffoplugcar оставилъ на своей скрипкѣ надпись:

Viva fui in silvis, sum durâ occisa securi;
Dum vixi, tacui, mortua dulce cano (1).

—

Древніе изображали Промиѳея въ работѣ надъ скелетомъ человѣка, съ цѣлію потомъ уже покрыть его тѣломъ. Хорошее указаніе и для науки, и для искусства.

—

.... Разсказывали слѣдующее: въ гостиной Вел. Кн. (Елены Павловны) выставлена картина Галилея предъ судомъ инквизиціи. Одна дама (Ш*), которой сказали, что c'est l'abjuration de Galilée, нашла, que Galilée n'avait pas l'air assez contrit, и очень распространилась о томъ, что въ его лицѣ нужно бы plus de repentir. (2)

—

Привычка къ многосторонему изученію всякаго предмета невольно приводитъ къ скептицизму, не безусловному, но замедляющему дѣятельность.

—

(1) Я была жива въ лѣсу; срублена жестокимъ топоромъ; пока жила, молчала; мертвая сладко пою.

(2) Отреченіе Галилея; что у Галилея видъ не довольно кающійся; болѣе раскаянія.

Насъ губитъ равнодушіе къ мошенничеству и отсюда происходящая неистовая злоба къ гласности.

—

Перо пишетъ плохо, если въ чернильницу не прибавить хотя нѣсколько капель собственной крови. На всякое созданіе издерживается часть жизненнаго фосфора. Нѣтъ дѣятельности безъ самозакланія.

—

De mortuis aut bene, aut nihil. Въ свѣтѣ иногда случается такъ часто встрѣчаться съ какимъ-нибудь лицемъ, что уже потомъ дѣлается совѣстно спросить: какъ его зовутъ? Точно тоже бываетъ и съ присловьями. Намъ такъ часто повторяютъ, и сами мы повторяемъ: de mortuis aut bene, aut nihil, что совѣстно спросить: да есть ли смыслъ въ этой фразѣ?—Никто изъ насъ, кажется, и не подумалъ, что еслибы эта фраза была справедлива, то вся Исторія должна бы состоять изъ панегириковъ. Конечно эта фраза внушена великодушіемъ, но что бы вы сказали о судьѣ, который бы изъ великодушія отказался произнесть приговоръ противъ неправаго истца?—Египтяне были не глупые люди, и недаромъ у нихъ былъ обычай произносить судъ надъ умершими. Можетъ быть, это присловье ввелось и потому, что мертвый защищаться не можетъ. Но неужели судъ и драка одно и тоже? Робеспьеръ и Меттернихъ, графъ Іосифъ де-Местръ и Маратъ, говорятъ, были прекрасные и препріятные въ домашнемъ кругу люди; но неужели изъ того слѣдуетъ, что кому либо изъ этихъ историческихъ Созіевъ благородный человѣкъ можетъ сочувствовать, и что оставленныя ими на землѣ дѣла и разрушительныя начала должны оставаться святыми и неприкосновенными, потому что эти господа были прелюбезные люди и къ тому же умерли? Неужели можно выхвалять или молчать относительно зла, сдѣланнаго напр. въ Русской литературѣ Булгариными и Сенковскими, или напр. Аракчеевыми для цѣлой Россіи?—Знаменитое присловье надобно передѣлать такъ: de mortuis seu veritas, seu nihil. Это такъ. Ложь или даже подозрѣніе противъ живаго неопасны,—онъ самъ отгрызается; ложь, неопредѣленное подозрѣніе противъ мертваго *позорны.* Но правда и противъ мертваго, и противъ живаго—дѣло святое.

—

Ложь въ искусствѣ, ложь въ наукѣ, ложь въ жизни были всегда и моими врагами, и моими мучителями. Всюду я преслѣдовалъ ихъ, и всюду онѣ меня преслѣдовали.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

———

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЛОРЕРА (*).

. . . . Городничій мнѣ сказалъ, что онъ получилъ депешу, по которой насъ требуютъ въ Тобольскъ, для отправки оттуда на Кавказъ солдатами. Мы съ городничимъ поѣхали къ Нарышкинымъ и тамъ застали уже Розена, и всѣ вмѣстѣ разбирали и обдумывали нашу будущую судьбу. Нарышкинъ былъ спокойнѣе всѣхъ и даже радовался случаю, который давалъ ему возможность вывести жену свою изъ Сибири и доставить ей свиданіе съ матерью и братьями. Нечего было дѣлать: надобно было и намъ перешагнуть этотъ Рубиконъ!

Стали собираться въ дорогу.

Городокъ Курганъ, узнавъ о нашемъ перемѣщеніи, замѣтно попріуныль, и крестьяне, изъ сосѣднихъ деревень, приходили прощаться съ нами; а городничій даже объявилъ, что, выпроводивъ насъ, подастъ въ отставку и уѣдетъ въ Россію. Бѣдные Поляки ходили по городу, предчувствуя, что безъ насъ они осиротѣютъ.

Я возвратилъ свой домъ томуже лицу, у кого его купилъ, съ небольшою уступкою. Розенъ также продалъ свое жилище и деньги пожертвовалъ неимущимъ товарищамъ, поселеннымъ въ дальнихъ краяхъ Сибири. Домъ Нарышкиныхъ купили для уѣзднаго суда.

20-го Августа у Нарышкиныхъ былъ напутственный молебенъ. Елизавета Петровна, больная, сидѣла въ креслахъ, прощалась съ крестьянами, мѣщанами и дарила всякаго, чѣмъ могла, на память о себѣ. На другой день мы отправились. Товарищами этого путешествія были: *Назимовъ, Лихаревъ, Фохтъ* и *Розенъ,* послѣ однако за нами послѣдовавшій. Крѣпко было жаль разставаться съ Бриггеномъ, но онъ не желалъ возвращаться въ Россію на этихъ условіяхъ.

При выѣздѣ изъ Кургана, на большой дорогѣ растетъ прекрасный березовый лѣсокъ. Тамъ насъ остановило почти все городское населеніе чиновниковъ, купцовъ, угостило насъ обѣдомъ и тостами, съ пожеланіемъ счастливаго пути, здоровья и проч. На первой станціи мы еще разъ тронуты были изъявленіями общаго сочувствія: всѣ товарищи изгнанія нашего, Поляки, выѣхали заранѣе, чтобы проводить насъ и угостили ужиномъ въ первый и послѣдній разъ; ибо конечно мы съ ними не увидимся, въ этомъ мірѣ. На трехъ тройкахъ пустились мы въ дальнѣйшій путь. Курганъ въ 300 верстахъ отъ Тобольска, но по дорогѣ мы должны были проѣзжать г. Ялуторовскъ, въ которомъ поселены наши товарищи Читинскіе и Петровскаго Завода: Тизенгаузенъ, Ив. Ив. Пущинъ, лицеистъ и другъ А. С. Пушкина, князь Оболенскій, Матвѣй Муравьевъ - Апостолъ, родной братъ Сер-

(*) Печатается съ подлинника сообщеннаго покойнымъ авторомъ († въ Маѣ 1873). Николай Ивановичъ Лореръ (по сестрѣ своей родной дядя Александры Осиповны Смирновой, коей воспоминанія о Пушкинѣ и Жуковскомъ появились въ Русскомъ Архивѣ 1871 года) принадлежалъ къ числу Декабристовъ и въ 1837 году получилъ дозволеніе службою на Кавказѣ загладить свои политическія увлеченія. Записки его излагаютъ его молодость, происшествіе 14 Декабря и Сибирскую его жизнь; но въ этой части своей они не содержатъ въ себѣ чего либо особенно новаго. Мы выбрали изъ нихъ разсказъ о Кавказской его службѣ. Н. И Лореръ былъ человѣкъ необыкновенно любезный и добродушный; строгая же точность не составляла принадлежности его характера. *П. Б.*

гѣя казненнаго, Якушкинъ и Янтальцевъ съ женою. Само собою разумѣется, что они встрѣтили насъ какъ родныхъ и простились, казалось, на всегда. Но въ жизни нашей такъ много страннаго, невѣроятнаго, что и въ этотъ разъ опасенія наши были напрасны: чрезъ нѣсколько лѣтъ я снова увидался съ этими добрыми людьми, въ Москвѣ уже. Рано утромъ пріѣхали мы въ Тобольскъ и остановились въ гостинницѣ, хозяинъ которой былъ Еврей, сосланный за контрабанду. Боже мой, кого нѣтъ въ Сибири! Генералъ-губернаторомъ былъ тогда князь Горчаковъ, братъ того, которому выпалъ несчастливый жребій сдать Севастополь. Генералъ принялъ насъ холодно и приказалъ ожидать въ Тобольскѣ еще двухъ товарищей, также назначенныхъ солдатами на Кавказъ: *князя Александра Одоевскаго и барона Черкасова.* Мнѣ пріятно помѣстить здѣсь нѣсколько строкъ, въ воспоминаніе этихъ прекрасныхъ людей. Одоевскій воспитывался съ Грибоѣдовымъ и былъ его другомъ. Оба были поэты и сошлись одинаковыми вкусами, наклонностями и дарованіемъ. Одоевскій служилъ въ конно-гвардейскомъ полку и на 23-мъ году жизни былъ сосланъ со мною въ Сибирь, въ одной категоріи. Одоевскій былъ поселенъ въ Ишимѣ Тобольской губерніи. Тамъ онъ сошелся съ однимъ поселенцемъ Полякомъ *Янушкевичемъ,* очень образованнымъ человѣкомъ, много путешествовавшимъ, сдружился съ нимъ, полюбилъ его, и они были неразлучны. Этотъ ярый патріотъ, во время Польскаго возстанія, вернулся изъ Италіи, былъ уличенъ въ противуправительственныхъ мысляхъ и дѣйствіяхъ и сосланъ въ Ишимъ. Одоевскій, какъ поэтъ, написалъ ему эти прекрасные стихи: „А. М. Янушкевичу, раздѣлившему со мною кипарисную вѣтку съ могилы Лауры“.

Въ странахъ, гдѣ сочны лозы виноградныя,
Гдѣ воздухъ, солнце, тѣнь лѣсовъ
Дарятъ живыя чувства и отрадныя,
И въ дѣвахъ дышетъ жизнь цвѣтовъ,
Ты былъ! Пронесъ свой посохъ странника
Туда, гдѣ бьетъ Воклюзскій ключь....
Гдѣжъ встрѣтилъ я тебя изгнанника?
Въ степяхъ, въ краю снѣговъ и тучь!
И что жъ осталось въ память солнца южнаго?
Одну лишь вѣтку ты хранилъ
Съ могилы Лоры..... Полный чувства дружнаго,
И ту со мною раздѣлилъ!...
Такъ будемъ же печалями завѣтными
Дѣлиться здѣсь въ отчизнѣ вьюгъ,
И крыльями, для міра незамѣтными,
Перелетать на чудный Югъ,
Туда, гдѣ долъ цвѣтетъ весною яркою,
Подъ шопотъ Авиньонскихъ струй,
И мысль твоя, съ Лаурой и Петраркою
Слилась, какъ нѣжный поцѣлуй.

Съ пріѣздомъ Одоевскаго и Черкасова, мы составили комплектъ новыхъ солдатъ и отправились въ новый, неизвѣстный намъ край, отъ 40 гр. морозу къ 40 гр. жару. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію новой эпохи моей жизни, я попрошу у моихъ читателей извиненія въ приведеніи интересныхъ случаевъ и изображеніи личностей. Вѣдь писать свои воспоминанія, въ послѣдовательности, на 70-мъ году отъ роду, не совсѣмъ легко. Нисколько не ослабитъ сущности истины небольшое отступленіе отъ разсказа.

Въ Тобольскѣ проживалъ на поселеніи товарищъ по дѣлу нашему, Семеновъ; онъ не былъ лишенъ ни чина надворнаго совѣтника, ни Владимірскаго креста и, до своего легкаго наказанія, служилъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ, у князя А. Н. Голицына и былъ секретаремъ Сѣвернаго общества. Однако его взяли. Казалось бы, положеніе его безвыходно, и трудно будетъ ему оправдаться въ строгой слѣдственной коммиссіи. Семеновъ съ твердымъ характеромъ и знавшій хорошо наши законы,

понимая вполнѣ своихъ судей, не вѣрилъ ихъ обѣщаніямъ помилованія и на всѣ вопросы и очныя ставки отговаривался невѣдѣніемъ и стоялъ на своемъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Ему надѣли желѣзные наручники, посадили на хлѣбъ, на воду.... Онъ все выдержалъ и сосланъ былъ только на жительство въ отдаленные города (*). Семеновъ опредѣленъ былъ на службу въ г. Туринскъ въ званіи канцелярскаго служителя, откуда переведенъ былъ въ г. Семипалатинскъ, Омской области. Областнымъ начальникомъ назначенъ былъ дивизіонный генералъ Сенъ-Лоранъ. Не смотря на то, что онъ убѣдительно просилъ Государя не поручать ему управленія обширнымъ краемъ, отзываясь полнымъ невѣдѣніемъ по части администраціи, Николай Павловичъ успокоилъ его слѣдующими словами: „Я командовалъ дивизіею, когда вступилъ на престолъ, и могу сказать, что не хуже другаго управляю государствомъ; повѣрь, что наша военная часть мудренѣе всякой другой". Эти слова были переданы самимъ С. Лораномъ Семенову, котораго онъ изъ Семипалатинска перевелъ въ Омскъ, въ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ при немъ. Вступивши въ управленіе области, Сенъ-Лоранъ очутился въ лѣсу. Не имѣя понятія объ администраціи и не видя вокругъ себя никого, кто бы могъ ему помочь совѣтомъ, или на кого можно было бы положиться, онъ освѣдомился о сосланномъ въ Семипалатинскъ декабристѣ Семеновѣ и, узнавъ о его рѣдкой честности и опытности по гражданскому дѣлопроизводству, просилъ его быть ему наставникомъ и руководителемъ. Когда пріѣхалъ въ Омскую область баронъ Гумбольтъ для естественно-историческихъ наблюденій и приказано было Сенъ-Лорану отрядить для сопровожденія его по краю чиновника свѣдущаго и дѣльнаго; онъ, желая угодить знаменитому ученому, назначилъ ему въ спутники магистра Московскаго университета, служившаго при немъ Степана Михаиловича Семенова. Гумбольтъ, возвратившись въ Петербургъ и разсказывая Государю о своемъ путешествіи по Сибири, съ намѣреніемъ вѣроятно польстить ему, высказалъ, на сколько онъ удивился, встрѣтивъ въ такомъ дальномъ краѣ человѣка весьма образованнаго и начитаннаго въ лицѣ мелкаго чиновника, сопровождавшаго его. Въ послѣдствіи Семеновъ поступилъ начальникомъ отдѣленія главнаго управленія Западной Сибири при г. губерн. князѣ Горчаковѣ. Въ слѣдствіе доноса смѣненнаго Тобольскаго губернатора Талызина, будто Семеновъ, пользуясь неограниченнымъ къ нему довѣріемъ князя Горчакова въ Омскѣ, управляетъ всею западною Сибирью, онъ просилъ перевода въ Тобольскъ и поступилъ въ должность совѣтника губернскаго правленія. Умеръ на службѣ въ 1852 году.

Мы ѣхали очень шибко, вскорѣ миновали Тюмень и, пріѣхавъ въ Казань, остановились въ гостинницѣ, которая показалась ли намъ, или въ самомъ дѣлѣ была, столь хороша, что могла соперничать съ такими заведеніями и въ самомъ Петербургѣ. Въ Казани многимъ изъ насъ готовилось много сердечной радости. Такъ къ Нарышкину прискакала родная сестра его, княгиня Голицына изъ Москвы. Радости, восторгамъ, умиленію этихъ добрыхъ родныхъ не было конца, и я напрасно бы старался описывать это свиданіе, — чувствительныя души поймутъ его!

70-ти лѣтній князь Одоевскій также пріѣхалъ, двумя днями ранѣе насъ, чтобъ обнять на пути своего сына, и

(*) Стало быть, слѣдственная коммиссія искала собственнаго сознанія. Такого правосудія не слѣдовало бы обвинять въ произволѣ.

остановился у г. губернатора Стрекалова, своего давнишняго знакомаго. Въ день нашего въѣзда въ Казань, узнавъ, что его любимое дѣтище, Александръ Одоевскій, уже въ городѣ, старикъ хотѣлъ бѣжать къ сыну, но его не допустили, а послали за юношей. Старая весьма понятнымъ нетерпѣніемъ, дряхлый князь не выдержалъ и, при входѣ своего сына, все таки побѣжалъ къ нему на встрѣчу по лѣстницѣ; но тутъ силы ему измѣнили, и онъ, обнимая сына, упалъ, увлекши и его съ собою. Старика подняли, привели въ чувство, и оба счастливца плакали и смѣялись отъ избытка чувствъ. Послѣ первыхъ восторговъ, князь-отецъ замѣтилъ сыну: „да ты, братъ Саша, какъ будто и не съ каторги, у тебя розы на щекахъ!" И дѣйствительно Александръ Одоевскій, въ 35 лѣтъ, былъ красивѣйшимъ мужчиной, какихъ я когда нибудь зналъ. Стрекаловъ оставилъ обоихъ Одоевскихъ у себя обѣдать, а вечеромъ всѣ вмѣстѣ провели очень весело время. На другой день мы обѣдали у княгини Голицыной, гдѣ я, къ большому моему удовольствію, встрѣтился съ Норовымъ, который былъ старшимъ адъютантомъ въ той дивизіи 2-ой арміи, въ которой я служилъ. Судьба какъ будто нарочно для нашего свиданія привела его въ Казань ко времени моего пріѣзда, — онъ былъ посланъ туда для водворенія и устройства крестьянъ государственныхъ имуществъ.

28-го Августа мы оставили Казань.

Е. П. Нарышкина уѣхала съ княгиней Голицыной въ Москву, для свиданія съ матерью, братьями, родными и друзьями. Старый Одоевскій провожалъ сына до третьей станціи, гдѣ дороги дѣлятся: одна идетъ на Кавказъ, другая въ Москву. При перемѣнѣ лошадей, готовясь чрезъ нѣсколько минутъ проститься съ своимъ Сашей, бѣдный отецъ грустно сидѣлъ на крылечкѣ почтоваго дома и почти машинально спросилъ проходившаго ямщика: „дружище, а далеко будетъ отсюда поворотъ на Кавказъ?" — Поворотъ не съ этой станціи, отвѣчалъ ямщикъ, а съ будущей.... Старикъ князь даже подпрыгнулъ отъ неожиданной радости: еще 22 версты глядѣть, обнимать своего сына, и подарилъ ямщику 25 руб., что очень удивило послѣдняго. Однако, рано или поздно, разставанье должно было осуществиться. Чувствовалъ ли старикъ, обнимая сына, что въ послѣдній разъ лобызаетъ его? Не долго старикъ пережилъ свое дѣтище: ихъ обоихъ скоро не стало! И только умилительные стихи Лермонтова на смерть А. И. Одоевскаго говорятъ намъ теперь объ утратѣ нашего незабвеннаго товарища.

Мы подвигались къ Ставрополю и дорогою узнали, что Государь проѣхалъ въ Тифлисъ. По этому случаю, на предпослѣдней станціи къ Новочеркаску, намъ не дали лошадей, а предложили воловъ. Мы согласились, улеглись въ наши тарантасы, проспали всю дорогу и съ восходомъ солнца тріумфально въѣхали въ казацкую станицу. Въ Новочеркаскѣ мы отдохнули, ходили смотрѣть могилу героя 12-го года М. И. Платова, близь алтаря церкви, имъ воздвигнутой, но не оконченной.

Заговоривъ о Платовѣ, я привелъ себѣ на память разсказъ его, слышанный мною еще въ Варшавѣ, въ 1815 году, отъ него самаго, по возвращеніи нашихъ войскъ изъ за границы. Онъ такъ любопытенъ, что помѣщаю его здѣсь. Въ одномъ домѣ, послѣ сытнаго обѣда, Матвѣй Ивановичъ, по обыкновенію немного подвыпившій, сѣлъ на диванъ со многими сотоварищами, а мы молодежъ окружили эту любопытную группу. Кто-то спросилъ Платова, чѣмъ онъ былъ при императорѣ Павлѣ Петро-

вичѣ? Матвѣй Ивановичъ, почесавъ себѣ голову, съ разстановкой, своимъ особеннымъ нарѣчіемъ, сказалъ: „Я, господа, при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, по доносу одного изъ сослуживцевъ своихъ, сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости вмѣстѣ съ Алексѣй Петровичемъ Ермоловымъ. Я былъ тогда въ чинѣ генералъ-маіора и заправлялъ до сего Донцами. Крѣпко грустилъ я въ крѣпости, не зная, чѣмъ кончится моя участь. Терпи казакъ, атаманомъ будешь, утѣшалъ меня А. П. Ермоловъ. Въ одну ночь меня потребовали во дворецъ и ввели въ кабинетъ Государя, предъ которымъ я упалъ на колѣни. Государь велѣлъ мнѣ встать и сказалъ: „Генералъ Платовъ! Вотъ тебѣ табакерка съ моимъ портретомъ„. Не понимая причины такой милости, я облобызалъ его царскую руку. Государь продолжалъ: „Поѣзжай на Донъ, собери полки и выступай въ походъ.... предъ выступленіемъ получишь *маршрутъ, карту* и узнаешь, куда идти.... и тогда же пришлешь мнѣ рапортъ съ надежнымъ офицеромъ объ исполненіи моего повелѣнія. Ступай!“

Съ Павломъ шутить нельзя было; но я чувствовалъ, что не къ добру мнѣ это порученіе. Я зналъ, что Павелъ вѣрилъ доносу на меня и былъ убѣжденъ, что дѣло идетъ о томъ, чтобы меня погубить.... Такъ или иначе, а дѣйствовать было надобно. Поѣхалъ я на Донъ, живо собралъ 20 тыс. казаковъ, отслужилъ молебенъ и готовился потянуться въ неизвѣстный путь, какъ получилъ, по обѣщанію Государя, карту, маршрутъ и приказъ: открыть путь въ Индію! Легкое дѣло! Я хранилъ все это въ тайнѣ, по приказу. Вотъ прошли мы Саратовскую губернію, прошли Астраханскую и втянулись въ необозримыя Киргизскія степи. Пока были мы въ своихъ границахъ, Донцы мои были веселы, и пѣсни ихъ раздавались безпрестанно; полковники и офицеры старались узнать, куда я ихъ веду, но я крѣпко хранилъ тайну. Жары насъ одолѣвали, провіантъ истощался, воды часто не было, и только отвратительныя гадюки (змѣи) ползали вокругъ насъ. Уже шесть недѣль, что мы въ походѣ, а нѣтъ надежды къ нашему возвращенію, и кажется придется всѣмъ намъ здѣсь сложить наши головы. Сначала, правда, я думалъ, что Государь хочетъ насъ наказать небольшой прогулкой, а тамъ помилуетъ и возвратитъ.... Но нѣтъ! И часто оглядывался я на родную сторону, не пошлетъ ли она намъ вѣстника возвращенія. Въ одно утро старшины и сотники объявили мнѣ, что полки два дня уже безъ воды, въ войскѣ ропотъ, что казаки отказываются идти далѣе. Полковники просили меня сказать, куда я ихъ веду? Плохо! „Погодите до завтра, дѣтушки, сказалъ я; утромъ вынесу свой походный образъ, отслужимъ молебенъ и тогда скажу войску, куда мы идемъ“. Грустно разошлись мои товарищи, печально полѣзъ я въ свой шатеръ и, на буркѣ лежа, такъ разсуждалъ: Или свои меня убьютъ, или я буду казненъ за неисполненіе приказанія. Тутъ смерть и тамъ смерть! Если не будетъ намъ приказа вернуться, то передамся я, со всѣмъ войскомъ, Туркамъ и буду служить новому царю! Такъ пролежалъ я цѣлую ночь, не смыкая глазъ. Стало свѣтать; вдругъ полы шатра моего зашевелились, и лѣзетъ ко мнѣ, на четвереренькахъ, человѣкъ не человѣкъ, чортъ не чортъ, звѣрь не звѣрь, и мычитъ какимъ-то хриплымъ голосомъ: воды.... воды.... Я вскочилъ на ноги и подалъ несчастному, лежавшему на землѣ, нѣсколько глотковъ воды; тогда только онъ проговорилъ: „Павелъ скончался.... Императоромъ Александръ, и возвращайтесь на Донъ“! Я такъ испугался, что въ первыя минуты не зналъ, радо-

ваться ли мнѣ или печалиться, а все только думалъ, не шпіонъ ли это какой нибудь; но по прочтеніи приказа дѣйствительно возрадовался! При воцареніи Александра, первый указъ, имъ подписанный, былъ о нашемъ возвращеніи на Донъ. Послано было 6-ть гонцовъ, съ приказаніемъ непремѣнно настичь насъ и вернуть, и только одинъ, едва живой, исполнилъ порученіе;—остальные не довезли! Утромъ мы весело присягнули новому царю и поплелись въ наши станицы, потерявъ однако много людей и лошадей". Таковъ былъ разсказъ Матвѣя Ивановича.

Безъ всякихъ приключеній добрались мы до Ставрополя, перерѣзавъ Россію съ Сѣвера на Югъ. Дорогой намъ много разсказывали о строгости и нелюдимости А. А. Вельяминова, командующаго войсками на Кавказской линіи, бывшаго начальникомъ штаба при А. П. Ермоловѣ. При нашемъ первомъ представленіи генералу, меня удивила пріемная комната его: не то зала, не то столовая, а больше похожа на манежъ. Въ дальнемъ углу стояла однако дюжина кресслъ и больше ничего; за то по стѣнамъ развѣшено было до *ста* лампъ, которыя, говорятъ, зажигались каждый вечеръ, и на освѣщеніе употреблялось лучшее прованское масло. При нашемъ входѣ, мы замѣтили человѣка, на противуположномъ концѣ залы, и адъютантъ, насъ принявшій, сказалъ намъ, что это самъ генералъ Вельяминовъ. Онъ былъ въ черномъ шелковомъ архалукѣ; бѣлый воротникъ его рубахи лежалъ на плечахъ отогнутый, а Георгіевскій крестъ 3-ей степени висѣлъ на своемъ мѣстѣ. Мы думали, что онъ начнетъ обычной фразой, подобно Сулимѣ: „Я получилъ Высочайшее повелѣніе", но онъ обратился къ намъ просто пофранцузски: „Кто изъ васъ, господа, Нарышкинъ?" и когда тотъ назвалъ себя, генералъ продолжалъ: „Супруга ваша дочь графа Петра Петровича Коновницына. Я имѣлъ честь служить съ ея отцомъ въ 12-мъ году и былъ при немъ въ конвоѣ долгое время. Вѣроятно супруга ваша скоро пріѣдетъ сюда; прошу васъ заранѣе меня объ этомъ увѣдомить, чтобъ я могъ послать ей конвой на встрѣчу и приготовить ей квартиру". М. М. Нарышкинъ благодарилъ генерала за такую деликатную вѣжливость. Вельяминовъ продолжалъ: „Ежели у насъ начнутся экспедиціи на правомъ флангѣ, я пошлю васъ туда; ежели на лѣвомъ, я переведу васъ въ дѣйствующіе отряды, а потомъ наше дѣло будетъ постараться освободить васъ какъ можно скорѣе отъ вашего незавиднаго положенія". Послѣ этого генералъ поклонился намъ и вышелъ.

На другой день утромъ пришелъ къ намъ молодой человѣкъ красивой наружности, отрекомендовался адъютантомъ военнаго министра, штабсъ-ротмистромъ лейбъ-гусарскаго полка Вревскимъ (въ дѣлѣ подъ Черной, въ чинѣ генерала свиты Его Величества, онъ былъ убитъ подлѣ корпуснаго командира Реада, и почти въ одинъ моментъ съ нимъ). Молодой Вревскій былъ отправленъ на Кавказъ въ экспедицію и остался при г. Вельяминовѣ, въ ожиданіи дѣлъ. Вревскій любилъ наше общество и все время проводилъ съ нами. Государь, какъ я сказалъ, уже былъ въ Тифлисѣ; на возвратномъ пути его въ Россію, Вельяминовъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу. По обыкновенію, Вревскій пришелъ къ намъ, однимъ утромъ, и какимъ угрюмымъ показался онъ намъ! Сей часъ же причина разъяснилась. „Слышали вы, господа, что̀ случилось съ бѣднымъ княземъ Дадьяномъ въ Тифлисѣ? Вы знаете, что онъ командуетъ полкомъ и женатъ на дочери главнокомандующаго Розена. Дорогою Государь получилъ доносъ на князя Дадьяна, которымъ его

обвиняютъ въ употребленіи солдатъ на свои работы, въ недодаваніи жалованья рекрутамъ и прочихъ непозволительныхъ поступкахъ; можете себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа пріѣхалъ Государь въ Тифлисъ. Ни Розенъ, ни начальникъ штаба не подозрѣвали, что̀ ихъ ожидаетъ. Разводъ назначенъ былъ отъ полка, которымъ командовалъ Дадьянъ, и князь передъ строемъ ожидалъ прибытія Государя. На площади собралось безчисленное число народа, Грузинъ, Армянъ и мирныхъ Черкесъ. На балконѣ одного дома, на площади, сидѣла супруга главнокомандующаго и княгиня Дадьянъ, разряженныя, веселыя! День былъ прекрасный. Наконецъ Государь вышелъ. Барабаны загрохотали, музыка гремѣла, но Царь махнулъ рукой и водворилась тишина. Государь скомандовалъ къ ногѣ и велѣлъ составить ружья въ козлы. Огромная свита не понимаетъ этого маневра. Государь собралъ къ себѣ ротныхъ камандировъ въ кружокъ и долго съ ними разговаривалъ о чемъ-то, потомъ созываетъ солдатъ и дѣлаетъ съ ними тоже самое; потомъ командуетъ: становись! Полкъ выстроился. Дадьянъ, съ опущенной саблей въ рукѣ, все еще не понималъ причины этихъ дѣйствій, но тутъ Государь громко приказалъ коменданту снять съ князя Дадьяна флигель-адъютантскіе эксельбанты, какъ съ недостойнаго носить это отличіе. Но что̀ происходило въ это время съ бѣдными дамами на балконѣ? Онѣ лежали въ обморокѣ (*). Тутъ же подъѣхала фельдъегерская тройка, посадили въ нее оборваннаго, обезчещеннаго князя Дадьяна и повезли въ крѣпость Бобруйскъ (*). Главнокомандующій Розенъ назначенъ былъ сенаторомъ, и его замѣстилъ генералъ Головинъ. Розенъ въ Москвѣ посѣтилъ своего сослуживца Ермолова и спрашивалъ у него совѣта, не ѣхать ли ему въ Петербургъ? На что Алексѣй Петровичъ пресеріозно отвѣчалъ ему: Погоди немного, скоро пришлютъ сюда Головина, и тогда мы всѣ трое поѣдемъ въ Питеръ. Головинъ въ самомъ дѣлѣ недолго властвовалъ на Кавказѣ и былъ замѣщенъ Нейдгартомъ, про котораго Ермоловъ также сказалъ: „Нейдгартъ видно что Нѣмецъ, предусмотрителенъ: нанялъ себѣ домъ въ Москвѣ заранѣе и далъ задатокъ; знаетъ, что скоро воротится“ (**).

Вечеромъ насъ потребовали въ штабъ, для объявленія, кто изъ насъ въ какой полкъ назначенъ. Государь повелѣлъ размѣстить насъ непремѣнно по разнымъ мѣстамъ. Одоевскому, какъ бывшему кавалеристу, досталось быть въ Тифлисѣ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку; меня опредѣлили въ Тенгинскій полкъ, квартировавшій въ Черноморіи. Въ эту же ночь должны мы были отправиться по полкамъ. Намъ дали прогоны каждому на руки. Въ первый еще разъ, съ выѣзда изъ Сибири, мы отправлялись безъ провожатыхъ. Была туманная, черная ночь, когда нѣсколько троекъ разъѣхались въ разныя стороны. Что̀ ожидаетъ насъ въ будущемъ? Черкесская

(*) Предубѣжденный и очевидно сочувствовавшій дамскому обмороку авторъ не въ силахъ былъ оцѣнить высокую, заботливую о благѣ общемъ прямоту въ поступкѣ императора Николая Павловича. По другимъ разсказамъ, преступленія Дадьяна, закрѣпостившаго и грабившаго солдатъ, открылись Государю случайно. Когда Государь приближался къ Тифлису, загорѣлись отъ быстрой ѣзды оси въ его коляскѣ. Въ числѣ людей, сбѣжавшихся помогать бѣдѣ, Государь узналъ одного солдата подъ крестьянскою одеждою, и тотъ доложилъ ему, что цѣлые десятки и сотни солдатъ работаютъ по близости въ имѣніи Дадьяна. Пока оправляли коляску, Государь на простой телѣгѣ съѣздилъ въ указанное имѣніе и лично удостовѣрился въ томъ, что его воины обращены въ земледѣльцевъ. Въ облегченіе Дадьяну можно было сказать развѣ (какъ Базену во Франціи), что его дѣйствія не были явленіемъ исключительнымъ. *П. Б.*

(*) Это опять невѣрно: Дадьянъ былъ преданъ суду на мѣстѣ и отвезенъ въ Бобруйскъ послѣ того, какъ его изобличили въ его дѣйствіяхъ. *П. Б.*

(**) Извѣстно, что красное словцо было слабостью доблестнаго А. П. Ермолова. *П. Б.*

ли пуля сразитъ, злая ли Кавказская лихорадка уложитъ въ мать сыру землю? Въ кромѣшной темнотѣ я едва доѣхалъ до станціи и рѣшился выжидать дня, помѣстившись на своей буркѣ, которою, какъ и другими принадлежностями военной Кавказской жизни, запасся еще въ Ставрополѣ. Чрезъ сутки, проѣхавъ 200 верстъ, я въѣхалъ въ Екатеринодаръ и остановился на квартирѣ у казака.

Все Черноморіе окружено непроходимыми болотами и разливами рѣки Кубани. Миріады комаровъ и мошекъ кишатъ въ камышахъ и всему живущему надоѣдаютъ страшно. Черноморіе заселено казаками, потомками Запорожской Сѣчи и нимало не подвинулось въ образованіи. Жители, большею частію занимаются скотоводствомъ и имѣютъ большіе табуны, а живутъ отдѣльными хуторами. На танцовальныхъ вечерахъ жены казаковъ танцуютъ журавля, и мало изъ нихъ грамотныхъ. Полкъ, въ который я былъ назначенъ, только что вернулся изъ экспедиціи; штабъ полка былъ въ городѣ, и я явился къ полковому командиру полковнику Кощутину, извѣстному своею храбростію на Кавказѣ, что значитъ много среди множества храбрыхъ.

Кощутина и многихъ офицеровъ полка я засталъ о чемъ-то разсуждающихъ и отличилъ Кощутина по ордену Владиміра на шеѣ и Георгія въ петлицѣ. Всему обществу деньщикъ подавалъ безпрестанно портеръ въ стаканахъ, что меня сначала чрезвычайно удивило, но потомъ я узналъ, что это обыкновеніе Кавказской боевой жизни соблюдается и въ мирное время, и что портеръ обыкновенно предпочитаютъ всякимъ винамъ. Кощутинъ принялъ меня, какъ всегда принималъ подобныхъ мнѣ: видно было, что ему не въ первый разъ приходилось имѣть дѣло съ сосланными, которыхъ въ каждомъ полку Кавказа было довольно въ прошлое царствованіе.

На другой день, я отправился въ село Ивановку, гдѣ расположена была рота, въ которую я назначенъ. Я сшилъ себѣ солдатскую шинель и фуражку и преобразился изъ мирнаго гражданина въ яраго воина, конечно только по наружности, и отправился явиться къ ротному командиру Ивану Ивановичу Масловичу. Я засталъ его въ небольшой свѣтелкѣ, въ ваточномъ засаленномъ халатѣ и Черкесской папахѣ, за столикомъ съ картами въ рукахъ; передъ нимъ стоялъ деньщикъ и кормилъ тутъ же въ комнатѣ гусей. Пернатые эти подняли такой гамъ и шумъ при моемъ входѣ, что заглушили мою первую рекомендательную фразу. Однако мы познакомились, и Масловичъ мнѣ, съ перваго же раза, понравился. Онъ былъ типъ стараго Кавказца, и лицо его выражало доброту и чистосердечіе. Разговоръ нашъ длился, завязывался, и Масловичъ тутъ же мнѣ разсказалъ, что былъ друженъ съ Александромъ Бестужевымъ (Марлинскимъ) и съ воинскимъ краснорѣчіемъ описалъ мнѣ смерть его, въ одной изъ экспедицій. Просидѣвъ у своего ротнаго командира нѣсколько часовъ, я остался имъ вполнѣ доволенъ и вышелъ отъ него примиренный нѣсколько со средою, въ которой пришлось мнѣ влачить дни мои. Я нанялъ себѣ отдѣльную хатку, чтобъ не стоять вмѣстѣ съ хозяевами, а Масловичъ прислалъ мнѣ, для услуженія, рядоваго, котораго звали Антоновымъ. Этотъ Антоновъ сдѣлался моимъ камердинеромъ, поваромъ и исполнялъ всѣ должности моего неприхотливаго хозяйства. Сначала мы бѣдствовали, ибо я былъ безъ денегъ, не увѣдомивъ во время своихъ родныхъ о переводѣ моемъ изъ Сибири на Кавказъ; но находчивость Антонова спасала насъ обоихъ отъ голодной смерти. Станица Иванов-

ка, какъ и всѣ станицы на Кавказѣ, окружена плетнемъ и небольшимъ рвомъ. У главныхъ воротъ станицы стоитъ огромная чугунная пушка, грозою для смѣльчаковъ Черкесовъ, отваживающихся дѣлать набѣги на станицу. Весною и осенью, по улицамъ такая невылазная грязь, что сообщеніе прерывается, а въ иныхъ улицахъ ѣздятъ даже на лодкахъ. Масловичъ пріѣзжалъ ко мнѣ верхомъ, и всякій разъ съ опасностію лишиться жизни, или по крайней мѣрѣ потерять лошадь въ грязи. И вотъ въ какомъ мѣстѣ пришлось мнѣ жить! Само собою разумѣется, я радъ былъ придраться Богъ знаетъ къ какому знакомству, чтобъ какъ-нибудь коротать длинное, скучное свободное время. Вскорѣ я сошелся съ однимъ разжалованнымъ Костенкою, уже 15 лѣтъ влачившимъ свои дни въ званіи рядоваго. Послѣ я узналъ, что Вельяминовъ, при всякомъ представленіи Костенка въ офицеры, вычеркивалъ его изъ списка, за страсть къ картамъ, которой бѣдный, потерянный человѣкъ былъ преданъ. Костенко былъ неглупый малый, тихій, беззащитный, и я, съ самаго начала, изъ жалости, приласкалъ его, а онъ, ободренный, можетъ быть впервыя въ своей жизни, вниманіемъ и участіемъ посторонняго человѣка, привязался ко мнѣ всею душею и сталъ часто меня посѣщать, чему я также былъ радъ. Нельзя было безъ смѣху смотрѣть на Костенку, когда онъ своими длинными, сухими, журавлиными ногами шагалъ чрезъ плетни и заборы, пробираясь ко мнѣ на бесѣду. Я узналъ отъ него всѣ обстоятельства его жизни и вкратцѣ передаю здѣсь. Молодымъ человѣкомъ находился онъ при губернаторѣ Комбурлеѣ въ Житомірѣ, чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Комбурлей попалъ подъ судъ за какое-то упущеніе; стали открываться какія-то противузаконныя дѣйствія: онъ былъ смѣненъ, а весь его штатъ отданъ подъ судъ. Нѣкоторые изъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и Костенко, отданы были въ солдаты. Костенко, между прочимъ, серіозно увѣрялъ меня, что предки его были какіе-то графы де-Косси. Жаль, что Лермонтовъ не былъ знакомъ съ Костенкой, а то нелишнимъ было бы Лермонтову, описавшему такъ вѣрно нѣсколько Кавказскихъ типовъ, и его включить туда же.

Однажды я лежалъ еще въ постелѣ, какъ явился ко мнѣ Костенко съ обычными дневными новостями, которыя онъ черпалъ въ полковомъ штабѣ, отъ своихъ товарищей по игрѣ въ карты (страсть, сильно развитая на Кавказѣ) и явился съ лицомъ веселымъ, торжествующимъ: Знаете, Николай Ивановичъ, что Вельяминовъ умеръ въ Ставрополѣ отъ водяной въ груди, и докторъ Мейеръ не могъ ничего сдѣлать съ своимъ искусствомъ.—Чего-жъ вы радуетесь?—Да какъ же не радоваться!... Наконецъ графъ де-Косси будетъ произведенъ въ офицеры.—Если это такъ, замѣтилъ я, и вы надѣетесь надѣть эполеты, то дайте мнѣ слово не играть въ карты!—Не могу, почтеннѣйшій.... не могу.... На Кавказѣ нельзя не играть въ банчишку или штоссикъ.... Не проживешь безъ нихъ. Въ это время вошелъ ко мнѣ ротный командиръ мой Масловичъ и подтвердилъ извѣстіе о смерти Вельяминова. Подали трубки, и мы усѣлись разсуждать о томъ, о семъ. Масловичъ обладалъ здравымъ умомъ и хотя не получилъ образованія, но на многіе предметы смотрѣлъ ясно, свѣтло. Жизнь исправила нѣсколько поверхностное образованіе 1-го кадетскаго корпуса, а 22 года службы на Кавказѣ надѣлили его опытностію въ горной Кавказской войнѣ, и онъ успѣлъ заслужить репутацію храбреца. Впрочемъ, какъ я послѣ узналъ, на Кавказѣ не дозволяется быть трусомъ, и постоянное пре-

бываніе среди опасностей и привычка уравниваютъ со временемъ мало по малу всѣ оттѣнки храбрости. Пусть не удивляются читатели тому, что въ разсказахъ моихъ о Кавказской моей жизни часто встрѣтитъ онъ какъ меня, такъ и многихъ другихъ сосланныхъ и разжалованныхъ, въ обществѣ своихъ начальниковъ различныхъ степеней военной іерархіи, не какъ подчиненныхъ, а на ногѣ товарищеской, дружеской и вѣжливой. Ермоловъ внушилъ эти правила Кавказскому корпусу, и приличное обращеніе съ разжалованными соблюдалось и соблюдается тамъ и понынѣ.

Вскорѣ явился ко мнѣ фельдфебель съ ротнымъ портнымъ и стали примѣрять на мнѣ шинель, мундиръ, а также снабдили меня тяжелымъ ранцемъ и ружьемъ. Портной или закройщикъ безъ церемоніи дергалъ меня то вправо, то влѣво и старался, чтобъ мундиръ, принесенный изъ цейхауза и снятый вѣроятно съ какого-нибудь убитаго, лежалъ на мнѣ по возможности гладко. Во время этой скучной операціи, я невольно припомнилъ себѣ время моего служенія въ гвардіи. Думалъ ли я тогда, стоя предъ своею красивою ротою, что на самаго меня будутъ когда-нибудь примѣривать на Кавказѣ солдатскій мундиръ? Чтобъ покончить поскорѣе съ этимъ скучнымъ дѣломъ, я далъ и фельдфебелю и закройщику по рублю серебромъ и отпустилъ ихъ. Фельдфебель былъ красавецъ собой и любимецъ Масловича. Я отдавалъ ему обыкновенно мое солдатское жалованье, и за это онъ благоволилъ ко мнѣ, и въ каждомъ дѣлѣ назначалъ ко мнѣ въ прикрытіе лучшихъ стрѣлковъ, а въ томъ числѣ моего Антонова, который считался и въ стрѣльбѣ однимъ изъ лучшихъ въ ротѣ. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу о смерти этого фельдфебеля наканунѣ производства его въ офицеры.

Однажды получилъ я записку отъ Масловича съ приглашеніемъ пожаловать къ нему немедленно. Прихожу и застаю Ивана Ивановича съ обыкновенномъ его костюмѣ, съ двумя ротными командирами, изъ которыхъ у одного рука подвязана была черным платкомъ, свидѣтельствуя о ранѣ, полученной въ послѣдней экспедиціи. Меня представили имъ, и мы познакомились; кажется, люди хорошіе. На столикѣ предъ нами стоялъ штофъ водки, съ плавающимъ въ немъ стручковымъ перцемъ, а на тарелкѣ стояла обыкновенная Кавказская закуска: сушеная рыба, колбасы и хлѣбъ. Всѣ плотно завтракали; колбасы и сушеная рыба уничтожались и снова появлялись на тарелочкахъ, штофъ уменьшался мало по малу и снова возрождался, какъ Феникс. Мы стали веселы, нецеремонны и откровенны. Мои новые знакомцы нашли, не знаю почему, что у меня духъ военный, и вообще, кажется, я имъ понравился. При разставаніи, желая упрочить за собою такое хорошее мнѣніе обо мнѣ моихъ новыхъ товарищей, я пригласилъ ихъ всѣхъ на другой день къ себѣ и добавилъ только къ числу приглашенныхъ Костенку. Не желая перемѣнять Кавказскаго обычая, я распорядился моимъ завтракомъ точно такимъ же образомъ, какъ мой ротный командиръ, и также поставилъ на столъ штофикъ водки съ Турецкимъ перцемъ, сушеныхъ карасей и цѣлое блюдо раковъ, которыхъ досталъ гдѣ-то мой Антоновъ. Какъ немного надо человѣку, неизбалованному прихотями! Всѣ остались чрезвычайно довольны моимъ угощеніемъ, а я распотѣшилъ всю компанію въ доcталь, когда поставилъ на столъ оставшуюся у меня еще изъ Екатеринодара бутылку вина и бутылку портера. Антоновъ мой суетился, какъ любой метрдотель, и потъ градомъ катилъ съ его лица. Масловичъ въ шутку замѣтилъ ему, что онъ

ловко прислуживаетъ, и хотѣлъ знать, гдѣ онъ такъ понаторѣлъ въ этомъ искусствѣ. Тогда мой Антоновъ мигомъ преобразился въ рядоваго и вытянулся въ струнку передъ своимъ ротнымъ командиромъ; но Масловичъ тотчасъ же превратилъ его въ обыкновеннаго официанта, сказавъ: ступай, ступай и дѣлай свое дѣло!

Скоро пришелъ приказъ изъ полковаго штаба: ротамъ быть готовыми къ походу, въ новую экспедицію подъ начальствомъ генерала Раевскаго (Николая, друга Пушкина). Извѣстіе это очень меня обрадовало, во-первыхъ потому, что извлекало изъ этой скучной, грязной стоянки въ Черноморіи, а во вторыхъ потому, что сближало меня съ товарищами несчастія, въ другихъ полкахъ находившимися, съ которыми я надѣялся встрѣтиться. Мы стали готовиться. Я сговорился стать вмѣстѣ съ Костенкой въ одной палаткѣ, единственно съ намѣреніемъ быть ему полезнымъ по возможности и удерживать его отъ карточной игры. Сборное мѣсто войскамъ назначено въ Тамани. Эскадра адмирала Лазарева должна прійти къ тому же времени. Говорили, что планъ экспедиціи былъ составленъ покойнымъ Вельяминовымъ; но тогда подробностей его мы еще не знали.

Прекраснымъ весеннимъ днемъ рота наша выступила по назначенію. Костенко и я уложили нашъ скарбъ на повозку, которою заправлялъ Антоновъ, а сами отправились, какъ путешественники, съ посохами въ рукахъ. Масловичъ преважно ѣхалъ верхомъ предъ ротой и пѣсельниками. Дорогой мы соединились съ другими ротами полка и подвигались къ Тамани. Не доходя до нея, насъ обогналъ начальникъ отряда Раевскій, сопровождаемый сотнею Черноморскихъ казаковъ. Мы прошли Фанагорійскую крѣпость (упраздненную нынѣ), постройки Суворова. Гдѣ не былъ этотъ человѣкъ, гдѣ не оставилъ онъ слѣдовъ своихъ, имени своего! Крѣпость заброшена, въ запустѣніи; очертаніе валовъ и подобіе рвовъ свидѣтельствуютъ только о томъ, что здѣсь существовало когда-то укрѣпленіе. Тамъ сохранился однако и въ наше время госпиталь 1-го класса. Въ 10 часовъ утра весь отрядъ собрался, остановился близъ Тамани, въ виду Керчи и Еникале, на бивуакахъ. Офицерство, кто успѣлъ, завелись крышею въ шалашикахъ. Флота нашего не видно было еще въ морѣ; изъ Керчи на пароходѣ прибыло много гвардейскихъ офицеровъ, прикомандировываемыхъ ежегодно къ войскамъ Кавказскаго корпуса для экспедицій. Это были вообще славные молодые люди, и скоро мы сошлись, познакомились и сдружились. Они любили декабристовъ и питали какое-то особое уваженіе ко всѣмъ разжалованнымъ. Въ этомъ отношеніи Костенку, моему сожителю по палаткѣ, это было полезно, и я радовался за него больше, чѣмъ за себя. Биваки наши оживились, музыка гремѣла, пѣсенники гаркали во всѣхъ концахъ, а я часто удалялся отъ этого шума, чтобъ поосмотрѣть Таманскія окрестности, и однажды взошелъ на небольшое возвышеніе, близъ лагеря находившееся. Мнѣ открылась прекрасная картина, достойная кисти живописца: подъ ногами моими, въ тѣни, виднѣлось маленькое мѣстечко Тамань, вправо нашъ лагерь, съ глухимъ шумомъ и синимъ дымкомъ, поднимавшимся въ разныхъ мѣстахъ; далѣе сине-черное Азовское море лежало огромной массой и окаймлялось берегомъ Крымскаго полуострова. Вся въ солнечныхъ лучахъ бѣлѣлась Керчь, а на горѣ Митридата ясно рисовался музей, какъ какой нибудь Африканскій храмъ. На рейдѣ и у пристани выросъ цѣлый лѣсъ мачтъ зафрахтованныхъ судовъ, на перевозку нашего

провіанта, скота, пушекъ и артиллерійскихъ лошадей. Казацкія шаланды и лодки шныряютъ то и дѣло въ Керчь и обратно. Переѣздъ верстъ въ 20 съ небольшимъ, и всѣ, кто можетъ, въ особенности же гвардейская молодежь, пользуются свободой и ѣздятъ въ Керчь погулять и покутить.

Къ обѣду я вернулся въ лагерь и мимоходомъ заглянулъ въ палатку Масловича: коверъ, кругомъ офицерство, въ живописныхъ группахъ, карты, и штосъ, вѣчный штосъ. Костенко мой тутъ же и успѣлъ мнѣ шепнуть, что проигралъ уже сто рублей. Я ни слова не сказалъ ему тогда и, пожелавъ Масловичу обыграть гвардейскихъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ съ деньгами, пошелъ къ себѣ,—и прилегъ читать. Вскорѣ пришелъ Костенко, и я началъ упрекать его въ слабости и безхарактерности. Я стращалъ его гнѣвомъ Раевскаго, который, ненавидя самъ карты, возьметъ его на замѣчаніе и, подобно Вельяминову, станетъ откладывать его производство. Тронутый, какъ казалось, моимъ участіемъ, Костенко долго меня слушалъ, наконецъ сказалъ: „Что прикажете дѣлать, скверная натура такая у меня: такъ и тянетъ поставить карточку.... рискну еще разокъ на послѣдніе 50 рублей, а тамъ баста!...“ Въ эту минуту вбѣжалъ въ мою палатку армейскій капитанъ, назвалъ себя Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ и бросился ко мнѣ на шею. Мы, до сего времени, не были знакомы, и подобная нецеремонная рекомендація самаго себя, даже и на Кавказѣ, могла показаться странною, но имя Пушкина мирило и сглаживало все. Магическое это имя увлекло и меня, и я съ восторгомъ обнималъ брата нашего народнаго поэта и радовался вновь пріобрѣтенному знакомству. Левъ Пушкинъ былъ, въ то время, адъютантомъ при Раевскомъ и кромѣ того пользовался его дружбой: одинъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ, какихъ я когда-либо зналъ, съ отличнымъ сердцемъ и высокаго благородства. Въ душѣ поэтъ, а въ жизни циникъ страшный. Много написалъ онъ хорошихъ стихотвореній, но изъ скромности ничего не печаталъ, не желая стоять на лѣстницѣ поэтовъ ниже своего брата. Левъ Сергѣевичъ похожъ лицемъ на своего брата; тотъ же Африканскій типъ, тѣже толстыя губы, умные глаза; но онъ блондинъ, хотя волоса его также вьются, какъ черные кудри Александра Сергѣевича. Левъ Пушкинъ ниже ростомъ своего брата, широкоплечъ, вѣчно веселъ, надъ всѣмъ смѣется, находчивъ и остеръ въ своихъ отвѣтахъ, пьетъ одно вино, хорошее или дурное, все равно, пьетъ много, и вино никогда на него не дѣйствуетъ. Онъ не знаетъ вкуса чая, кофе, супа, потому что въ нихъ есть вода.... Разсказываютъ, что однажды ему сдѣлалось дурно въ какой-то гостиной, и дамы, тутъ бывшія, засуетившись около него, стали кричать: воды, воды,—и будто бы Пушкинъ, услыхавъ это ненавистное слово, пришелъ въ чувство и вскочилъ какъ ни въ чемъ не бывало. Ѣстъ онъ обыкновенно соленое и острое, сельди, сыръ и проч. Память имѣетъ необыкновенную и читаетъ стихи вообще, своего брата въ особенности, превосходно, хотя не доставляетъ этого наслажденія своимъ жаднымъ слушателямъ до тѣхъ поръ, покуда не поставятъ передъ нимъ Лимбургскаго сыра и нѣсколькихъ бутылокъ вина. Весь лагерь былъ въ восторгѣ отъ Пушкина, и можно было быть увѣрену, что гдѣ Пушкинъ, тамъ кружокъ и весело. Всю экспедицію онъ сдѣлалъ съ одной кожаной подушкой, старой поношенной шинелью, парой платья на плечахъ и шашкой, которую никогда не снималъ. Пушкинъ обыкновенно заглядываетъ по палаткамъ и гдѣ ѣдятъ или

пьютъ, онъ тамъ вездѣ садится, ѣстъ и пьетъ. Въ карты Пушкинъ игралъ и всегда проигрывалъ; табаку не нюхалъ и не курилъ. Вѣчно безъ денегъ, а ежели и заведутся кой-какія, то не надолго: или прокутитъ, или раздастъ. У него не было слуги или деньщика. Однимъ словомъ, Пушкинъ имѣлъ много странностей; но всѣ онѣ какъ-то шли къ нему, можетъ быть потому, что были натуральны, и онъ былъ самый безпечный, милый человѣкъ, какого я зналъ когда-либо. Въ послѣдствіи я слышалъ отъ одного моего хорошаго знакомаго, что Пушкинъ оставилъ военную службу и превратился во франта, строго слѣдующаго модѣ; когда же нашъ общій знакомый замѣтилъ ему это и напомнилъ прежнее военное неряшество, то Пушкинъ отвѣчалъ: „eh, mon chèr, c'est parceque le militaire comporte la cochonnerie“ (*).

Чтобы не отвлекаться впослѣдствіи отъ своихъ воспоминаній Кавказской боевой жизни, къ которой я намѣренъ приступить, я разскажу здѣсь кстати еще нѣсколько случаевъ изъ знакомства моего съ Львомъ Пушкинымъ. Окончивъ одну изъ экспедицій, я поѣхалъ въ Прочный Окопъ къ товарищу моему М. М. Нарышкину и не далеко отъ дома, имъ занимаемаго, помѣстился у казака. Въ одинъ вечеръ, возвратясь отъ моихъ друзей часовъ въ 11, я легъ въ постель и сталъ читать по обыкновенію. Вдругъ слышу стукъ колесъ подъѣхавшей телѣги и голосъ, называющій мою фамилію. Я узналъ, что это былъ Пушкинъ, и не успѣлъ я вскочить съ постели, какъ онъ уже лежалъ на мнѣ и цѣловалъ меня. „Куда тебя Богъ несетъ?“ спросилъ я.—„За Кубань, въ экспедицію съ Зассомъ“ (старшимъ дежурнымъ офицеромъ въ отрядѣ). Я чрезвычайно радъ былъ видѣть милаго Пушкина; всегда, а особенно въ скучной станицѣ, подобное посѣщеніе невыразимое счастіе и находка; въ такія минуты забываешь всю горечь жизни. Послѣ первыхъ разспросовъ и разсказовъ, Пушкинъ, сидя на моей кровати, громко приказалъ позвать своего камердинера, и, въ самомъ дѣлѣ, вошелъ человѣкъ въ бархатномъ чекменѣ, обшитомъ галунами, опоясанный Черкесскимъ поясомъ съ серебряными пуговицами и кинжаломъ у пояса, богато оправленнымъ въ серебро. Знавши прежде Діогеновскую жизнь Пушкина, я невольно улыбнулся, но онъ преспокойно отдавалъ свои приказанія: „Здѣсь поставь мнѣ желѣзную кровать, вынь батистовое бѣлье и шелковое одѣяло, да подай мнѣ красную шкатулку.“ Мы оба громко разсмѣялись. „Скажи пожалуйста, откуда взялъ ты эту роскошную, барскую обстановку?“—„А видишь ли“, отвѣчалъ мнѣ Пушкинъ самымъ простодушнымъ образомъ: „ко мнѣ пріѣхалъ въ Ставрополь мой дальній родственникъ флигель-адъютантъ N; простъ, какъ многіе изъ нихъ и богатъ также. Его отправили курьеромъ въ Тифлисъ, а онъ оставилъ мнѣ своего человѣка и вещи на сохраненіе; а такъ какъ меня самаго отправили въ экспедицію совершенно неожиданно, то я и взялъ все это съ собой, чтобъ сохранить.“ „Помилуй, любезный Пушкинъ, да вѣдь это все чужое“, возразилъ я. — „А что-жъ за бѣда!“ отвѣчалъ, смѣючись, Пушкинъ. Когда мы улеглись, и я увидѣлъ Льва Сергѣевича въ батистовой рубахѣ, покрытаго шелковымъ одѣяломъ, на двухъ сафьянныхъ красныхъ подушкахъ, я не могъ удержаться отъ гомерическаго смѣха, и мы оба захохотали какъ дѣти. На другой день мы пріятно обѣдали у Нарышкиныхъ; для насъ обыкновенно было достаточно вина, но для Пушкина мало,

(*) Э, мой милый, это потому, что военнымъ званіемъ дозволяется нечистоплотность.

и, онъ, выходя отъ нихъ, не могъ не замѣтить мнѣ: „Chez les Нарышкинъ on mange très bien, mais on boit mal“ (*). Я сообщилъ объ этомъ Нарышкину, и тотъ поторопился исправить свою ошибку: за столомъ подали шампанское, и Пушкинъ былъ веселъ и любезенъ.

Вскорѣ Левъ Сергѣевичъ ушелъ въ экспедицію за Кубань; я былъ произведенъ въ офицерскій чинъ, вышелъ въ отставку и поселился въ своей родной деревушкѣ. Съ Пушкинымъ мы опять сошлись, когда онъ вышелъ также въ отставку, женился и служилъ по таможенной части въ Одессѣ. Онъ пріѣзжалъ даже однажды навѣстить меня, одинокаго на моемъ пепелищѣ, и это было наше послѣднее свиданіе. Онъ занемогъ водяною въ груди, ѣздилъ въ Парижъ, получилъ облегченіе, но, возвратившись, снова предался своей гибельной привычкѣ и скоро угасъ, въ памяти и съ тою веселостію, которая преобладала въ немъ во всю его жизнь. Съ улыбкою повторялъ онъ: не пить мнѣ болѣе Кахетинскаго. На рукахъ товарища моего по Сибири А. И. Вегелина, скончался Левъ Пушкинъ на 47-мъ году отъ роду. Хотя мнѣ дали знать объ опасной болѣзни Льва Сергѣевича, но я не успѣлъ принесть ему дружескаго прощанія, а по словамъ окружавшихъ его постель и мнѣ разсказывавшихъ о его послѣднихъ минутахъ, онъ часто и много вспоминалъ обо мнѣ. Миръ праху твоему, дорогой Левъ Сергѣевичъ!

Наконецъ всѣ части, составлявшія отрядъ, назначенный въ экспедицію, собрались и приготовились. Въ 6 часовъ вечера генералъ Раевскій, съ начальникомъ штаба Ольшевскимъ, объѣхалъ войска, а въ 10, темною и душною ночью, отрядъ поднялся съ биваковъ. Тутъ только мы узнали цѣль экспедиціи. Войска должны были сѣсть на суда нашего Черноморскаго флота, идти въ виду восточныхъ береговъ Чернаго моря, занять прибрежье въ извѣстныхъ пунктахъ и строить крѣпости по берегу. Со мною, изъ товарищей Сибирской ссылки, былъ только одинъ Черкасовъ, служившій прежде въ Генеральномъ Штабѣ, и надежда меня обманула, не позволивъ увидѣться и сойтись со многими другими товарищами.

Цѣлую ночь двигались мы къ морю, и прекрасною зарею, открылось оно намъ. На немъ стройно красовался флотъ: 25 военныхъ судовъ и 3 парохода. При нашемъ приближеніи, на одномъ изъ кораблей дали какой-то сигналъ и, мигомъ, со всѣхъ кораблей спустили шлюбки, катера́, направившіе бѣгъ свой къ берегу, подобно цыплятамъ изъ подъ крыльевъ матки-курицы.

Отрядъ нашъ выстроился огромнымъ каре, и начался молебенъ. Я и весь отрядъ любовались на своего новаго начальника, Н. Н. Раевскаго. Высокій, стройный, въ шарфѣ и съ шашкою черезъ плечо, стоялъ онъ серьозно передъ рядами войска, которое готовилось вести къ побѣдѣ. Въ цвѣтѣ лѣтъ, съ черными волосами, лежавшими на красномъ его воротникѣ, и въ синихъ очкахъ, Раевскій на всѣхъ произвелъ хорошее впечатлѣніе; въ фигурѣ его была какая-то гордость и отвага. До сего назначенія онъ жилъ у себя въ имѣніи на южномъ берегу Крыма, занимался ботаникой и въ особенности цвѣтоводствомъ, до котораго онъ страстный охотникъ. Въ 1826 году, оба брата, Александръ и Николай Николаевичи, были арестованы по нашему дѣлу, такъ какъ многіе изъ ихъ родныхъ, какъ-то: *Михаилъ Орловъ*, *Василій Давыдовъ*, *Лихаревъ* и два брата *Поджіо*, были взяты прежде; но слѣдственная комми-

(*) У Нарышкиныхъ ѣдятъ очень хорошо, но пьютъ плохо.

сія никакъ не могла уличить ихъ въ соучастіи заговору. Тогда Государь потребовалъ обоихъ братьевъ къ себѣ и сказалъ Александру Раевскому: „Я знаю, что вы не принадлежите къ тайному обществу; но, имѣя родныхъ и знакомыхъ тамъ, вы все знали и не увѣдомили правительство; гдѣ-же ваша присяга?" Александръ Раевскій, одинъ изъ умнѣйшихъ людей нашего времени, смѣло отвѣчалъ Государю: „Государь! Честь дороже присяги; нарушивъ первую, человѣкъ не можетъ существовать, тогда какъ безъ второй онъ можетъ обойтись еще". Тогда обоихъ братьевъ хотя и отпустили, но взяли на замѣчаніе и считали либералами, опасными людьми. Н. Н. Раевскій былъ извѣстенъ Вельяминову по отличіямъ своимъ въ Персидскую и Турецкую кампаніи, 1826, 1827, 1828 и 1829 годовъ. Въ послѣднюю Раевскій командовалъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ и стоялъ въ Тифлисѣ. Въ началѣ 1830 года онъ сдалъ Нижегородскій драгунскій полкъ, оставилъ тогда и Грузію и былъ въ опалѣ; потомъ получилъ драгунскую бригаду, стоявшую въ Обояни; затѣмъ жилъ въ своемъ имѣніи, въ Болтышкахъ. Затѣмъ онъ жилъ въ Крыму, гдѣ успѣлъ приблизиться ко двору и сдѣлаться любимымъ собесѣдникомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, которая помирила его окончательно съ Государемъ. Вскорѣ онъ получилъ назначеніе на Кавказъ начальникомъ Черноморской береговой линіи. Я говорилъ уже выше, какъ графъ Захаръ Чернышевъ изъ Якутска былъ взятъ съ поселенія и отправленъ на Кавказъ рядовымъ. Онъ опредѣленъ въ полкъ къ Раевскому и, само собою разумѣется, благословлялъ свою судьбу, попавъ въ руки къ такому благородному человѣку. Однажды Раевскій, поссорившійся съ Паскевичемъ за Д. Е. Сакена, изъ подъ Арзерума отпросился возвратиться въ Грузію и получилъ разрѣшеніе взять себѣ конвой изъ своего Нижегородскаго полка. Въ этотъ конвой попросились: Захаръ Чернышевъ, разжалованный за дуэль Довгердъ и еще кто-то, не помню, тоже изъ разжалованныхъ. Въ это время находился въ главной квартирѣ нѣкто Б., присланный именно съ тѣмъ, чтобы какъ нибудь повредить Захару Григорьевичу и не допустить его до *прощенія* и возвращенія права на *маіоратъ*. Узнавъ, что Захаръ Чернышевъ отправился въ конвоѣ съ Раевскимъ, Б. тотчасъ же и самъ пустился въ слѣдъ за нимъ и накрылъ Раевскаго какъ разъ во время обѣда, за которымъ нашелъ вмѣстѣ съ нимъ и разжалованныхъ. Объ этомъ Б. донесъ военному министру. Раевскій былъ арестованъ на два мѣсяца.

Послѣ молебствія, отрядъ приблизился къ берегу, гдѣ ждала насъ перевозочная флотилія съ кораблей. На каждомъ суднѣ былъ свой особенный флюгеръ или значекъ, и каждая рота безъ замѣшательства отыскивала свой катеръ. Жара была страшная, а я, въ толстой шинели, съ ружьемъ, умѣстился въ одной лодкѣ съ своимъ взводомъ. Флотскій офицеръ на рулѣ скомандовалъ: „на воду, навались, ребята". Мы быстро отчалили и понеслись къ кораблямъ, стоявшимъ въ верстѣ отъ берега; лодочки наши казались орѣховыми скорлупками передъ 120-ти пушечнымъ кораблемъ, къ которому мы подъѣхали и стали высаживаться.

Здѣсь я долженъ вернуться въ своихъ воспоминаніяхъ за 40 лѣтъ назадъ. Странные, непредвидѣнные случаи бываютъ въ нашей жизни. Въ началѣ моихъ записокъ я говорилъ о своемъ дѣтствѣ и юности, въ домѣ П. В. Капниста. Въ 1810 году, послѣ Тильзитскаго мира, Государь Александръ Павловичь политическими обстоятельствами былъ вы-

нужденъ приступить къ континентальной системѣ, чтобъ, закрывъ съ цѣлой Европой всѣ порты, подорвать совершенно всю торговлю Англіи. Декретъ объ этомъ Наполеона былъ изданъ въ Берлинѣ, и къ союзу этому вся Европа должна была волею и неволею приступить. Англія, въ самомъ дѣлѣ пострадавшая отъ запретительной системы этой, объявила Франціи войну на жизнь и смерть; тѣмъ не менѣе и всѣ державы много отъ этого терпѣли. У насъ все вздорожало, и я помню, что мы, дѣтьми еще, пили обыкновенно чай съ медомъ, потому что сахаръ былъ очень дорогъ; и суда наши хотя и ходили по морямъ, но украдкой и ощупью, и то подъ Американскимъ флагомъ. Англія въ 1810 г. объявила всѣмъ континентальнымъ державамъ войну, и въ этихъ обстоятельствахъ у насъ въ Россіи стали также готовиться къ войнѣ, и для этого многихъ моряковъ изъ Англичанъ, служившихъ на нашемъ флотѣ, удалили внутрь Россіи. Такъ адмиралъ Грейгъ удаленъ былъ въ Москву, контръ-адмиралу Мессеру назначена какая-то губернія, кажется Рязанская. Съ большимъ семействомъ изъ Севастополя дотащился Мессеръ до Кременчуга и оттуда писалъ Государю на Англійскомъ языкѣ письмо, которымъ испрашивалъ разрѣшенія остаться въ южномъ климатѣ, необходимомъ для него самаго и для дѣтей. Государь милостиво принялъ эту просьбу, дозволилъ ему остаться въ Кременчугѣ и утѣшалъ его тѣмъ, что скоро всѣ Англичане, въ Русской службѣ находящіеся, снова возвратятся къ мѣстамъ своимъ въ Черное и Балтійское море. (Я читалъ оба эти письма). Родители мои жили тогда въ 70 верстахъ отъ Кременчуга. П. В. Капнистъ, какъ благодѣтель всѣхъ страждущихъ и несчастныхъ, при томъ женатый на Англичанкѣ, не могъ оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ соотечественниковъ жены своей и, желая также доставить ей удовольствіе, предложилъ семейству Мессера пріѣхать къ нему въ деревню и провести тамъ все время изгнанія до окончанія войны. Мессеръ съ благодарностью принялъ радушное приглашеніе, и въ одно утро все семейство пріѣхало къ намъ. Можно себѣ вообразить, какъ намъ дѣтямъ весело было принять въ свой кругъ 4-хъ славныхъ мальчиковъ и одну дѣвочку. Старшій сынъ Мессера, Петръ, былъ однихъ лѣтъ со мною, 16-ти, какъ и сынъ Капниста, и мы скоро составили тѣсный тріумвиратъ. Старикъ Мессеръ былъ отличный человѣкъ и славный морякъ, чему служитъ доказательствомъ дружба его съ Нельсономъ. Я помню письма сего послѣдняго, писанныя лѣвою рукою, которыя показывалъ намъ Мессеръ. Все семейство Мессеровъ очень сошлось съ семействомъ Капнистовъ: и мужья и жены сдружились, а объ насъ и говорить нечего. Дочь Мессера была молоденькая, хорошенькая дѣвочка и очень мило танцовала; а такъ какъ и я отличался въ этомъ хореграфическомъ искусствѣ, то всегда былъ ея предпочтительнымъ кавалеромъ. Отъ танцевъ скоро дошли и до сердца. Я угождалъ этой дѣвицѣ по возможности, лѣпилъ и клеилъ ей картоны и ящички, рисовалъ въ ея альбомы, часто подносилъ ей букеты розъ. Все это было такъ невинно, платонически, инстинктивно, что я и теперь, на 70-мъ году моей жизни, вспоминаю съ удовольствіемъ это время, и какъ Гёте готовъ повторить: „gieb mir meine Jugend zurück“! (*) Какъ я сказалъ уже, я особенно сошелся и подружился съ старшимъ Мессеромъ, Петромъ. Наслѣдовавъ, какъ кажется, страсть къ мо-

(*) Отдай мнѣ назадъ мою молодость.

рю отъ своего отца, юный Петръ Мессеръ обѣщалъ уже тогда быть хорошимъ морякомъ и страстно любилъ воду, купанье, и въ этомъ занятіи проводилъ всѣ свои дни, удаляясь отъ нашихъ дѣтскихъ игръ. Страсть къ морской службѣ выражалась у молодаго Мессера тѣмъ, что онъ, по правиламъ и размѣрамъ кораблестроенія, изъ картона дѣлалъ модели разныхъ судовъ, вооружалъ ихъ, оснащалъ, при чемъ струны и шелкъ замѣняли ему канаты и веревки. Скоро онъ купилъ себѣ лодку, и раннимъ утромъ намъ часто удавалось заставать его одного, разъѣзжающаго по водамъ, которые окружали наше деревенское жилище. Однажды мы гуляли съ нимъ по берегу быстрой рѣчки и наслаждались стройнымъ порядкомъ его импровизированнаго судна, которое быстро неслось по теченію и появленіемъ своимъ пугало стаи дикихъ утокъ, которыя съ крикомъ вырывались изъ камышей и удалялись отъ незванныхъ гостей. Я замѣтилъ Мессеру, что это ни на что не похоже, что онъ удаляется нашего общества и единственно занимается своими безполезными кораблями. „Любезный другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ. Это моя одна страсть и цѣль моей жизни. Я хочу, во что бы то ни стало, быть морякомъ, капитаномъ и командиромъ 120 пушечнаго корабля; это единственная карьера, которая мнѣ кажется заманчивою, и ты не повѣришь, какъ весело управлять такой машиной.“ Я съ жаромъ защищалъ прелести кавалерійской службы, которой хотѣлъ себя посвятить, и споры наши длились и повторялись. Мечты и бредни юности! Скоро прошли вы и, казалось, мы о нихъ забыли. Насталъ 11-й годъ. Моряки возвращены были къ своимъ мѣстамъ, и старикъ Мессеръ отправился въ Севастополь. Грустно было наше разставаніе съ товарищами, а въ особенности съ ихъ сестрой! Я подарилъ ей на прощаніе картонный ящикъ, обклеенный цвѣтною бумагою, съ ея вензелемъ, много плакалъ, не спалъ всю ночь и даже навѣщалъ флигель дома, гдѣ они жили, собирая каждый лоскутокъ бумажки, исписанный ея рукою. Но и это прошло! Впечатлѣнія юности живы, но не продолжительны.

12-й годъ смѣнилъ своего предшественника, и насъ юношей бросилъ въ жизнь. Я дѣлалъ походъ 13-го года съ гвардіею, дошелъ до Парижа, служилъ въ Варшавѣ, опять въ гвардіи въ Петербургѣ, перешелъ въ армію маіоромъ, сосланъ въ Сибирь на каторгу, былъ на поселеніи и, наконецъ, очутился солдатомъ на Кавказѣ; а объ юномъ товарищѣ дѣтства, Петрѣ Мессерѣ, ни слуху, ни духу. Не мудрено въ такой промежутокъ времени забыть товарищей юности, разметанныхъ волею судебъ по всему свѣту!

И такъ лодочка, нагруженная взводомъ, въ коемъ я состоялъ рядовымъ, причалила къ 120 пушечному кораблю. По веревочнымъ лѣстницамъ взбирался я съ солдатиками на верхъ и потомъ лѣзъ, согнувшись, въ какую-то дыру у руля, гдѣ каждый занималъ отведенное ему мѣстечко. Я очутился между двухъ огромныхъ чугунныхъ пушекъ, которыя грозно выглядывали въ море. Я усталъ страшно и, какъ мнѣ помнится, едва-ли когда испытывалъ подобное изнеможеніе, развѣ только при ретирадѣ нашего отряда изъ подъ Дрездена въ 13-мъ году. Духота страшная, запахъ смолы, крики и шумъ надъ головою, довершали мои мученія. Я снялъ ранецъ, положилъ его подъ голову, снялъ шинель и растянулся на голомъ полу, благословляя Провидѣніе, что наградило меня и этимъ мѣстечкомъ, потому что все остальное было буквально загромождено солдатами. Настоящее ужасное положеніе мое

заставило меня даже мысленно завидовать ссылкѣ моей въ Курганъ. Ни вѣтерка; солдаты стонутъ, рубаху мою хоть выжми, и обильный потъ покрываетъ мое лице!

Мимо меня пробирается, проталкивается и шагаетъ даже черезъ солдатъ, лежащихъ кучками, морской унтеръ-офицеръ (боцманъ) со свисткомъ на мѣдной цѣпочкѣ, и я совершенно безсознательно, чтобъ что нибудь у него спросить, проговорилъ: „Любезный, кто командиръ корабля?"—Капитанъ перваго ранга Мессеръ.—Его зовутъ Петръ Ѳомичъ?—Точно такъ!—А сколько пушекъ у васъ на кораблѣ?—120, отвѣчалъ онъ мнѣ, и сталъ пробираться дальше. Это онъ, подумалъ я; онъ достигъ того, чего желалъ въ юности, а я? Я живо накинулъ на себя шинель и выползъ на палубу. У дверей капитанской каюты часовой меня не пускаетъ; я приказываю о себѣ доложить.... Скажите капитану, что одинъ разжалованный хочетъ его видѣть. Меня впустили, и я тотчасъ-же узналъ Петра Ѳомича Мессера, друга моей золотой юности. Онъ меня не узналъ и смотрѣлъ на меня равнодушно; а я, подошедши къ нему, сказалъ: „Петръ Ѳомичъ! Цѣль ваша, желаніе, мечты юности достигнуты вами. Вы морякъ, вы славный капитанъ и командиръ 120-ти пушечнаго корабля. Лореръ! воскликнулъ онъ и бросился ко мнѣ въ объятія, и долго держалъ меня у своего благороднаго сердца. Боже мой, 40 лѣтъ мы не видѣлись, любезный другъ мой; и гдѣ же я тебя встрѣчаю? воскликнулъ онъ, снова всплеснувъ руками.—Гдѣ вещи твои? Ко мнѣ въ каюту!—Любезный Петръ Ѳомичъ, у меня нѣтъ вещей, развѣ ранецъ и ружье! Долго не могли мы успокоиться отъ волненія, и Мессеръ плакалъ отъ радости.

Легко себѣ представить, какая сдѣлалась перемѣна въ моемъ житьѣ-бытьѣ, коль скоро я перешелъ въ каюту капитана корабля. Полъ устланъ мягкимъ Англійскимъ ковромъ; кругомъ покойные диваны, покрытые бархатомъ; окна открыты и даютъ свободное движеніе воздуху. Я взялъ морскую ванну и скоро къ обѣду совершенно освѣжился. Въ каютъ-кампаніи собрались и другіе офицеры корабля, и Мессеръ представилъ меня обществу, какъ старинняго друга дѣтства. Всѣ пожимали мою руку и, любя своего капитана, старались на перерывъ обласкать меня. На верхней палубѣ курили сигары, и долго продолжалась наша бесѣда.

Этотъ вечеръ останется неизгладимымъ въ моей памяти! На душѣ было весело и, какъ нарочно, на адмиральскомъ кораблѣ звуки веселой музыки, разносясь по волнамъ, какъ-бы вторили моимъ свѣтлымъ ощущеніямъ. Къ чести Черноморскаго флота могу замѣтить, что всѣ мои новые знакомцы отличались разностороннимъ образованіемъ и свѣтлымъ, прямодушнымъ взглядомъ на свѣтъ и его дѣла. Куда дѣвалась эта славная молодежъ, воспитанники славнаго адмирала М. П. Лазарева? Гдѣ Нахимовы, Корниловы, Истомины и многіе другіе? Они кровью своею заплатили долгъ Отечеству и пали на развалинахъ Севастополя. Я всѣхъ ихъ зналъ лично, когда они были командирами кораблей и участвовали въ нашей экспедиціи, которую описываю. Въ тотъ же день за ужиномъ я замѣтилъ на Мессерѣ множество знаковъ отличія, свидѣтельствовавшихъ о его славной службѣ. У него на шеѣ висѣли Анна и Владиміръ, 18 кампаній въ петлицѣ, бѣлѣлся Георгій, и медалей нѣсть числа.

Скоро эскадра снялась съ якоря и стройно потянулась въ путь, къ восточнымъ берегамъ негостепріимнаго Кав-

каза.... Скоро миновали мы Анапу, послѣднее укрѣпленное мѣсто наше. Новость путешествія, чудная лунная ночь, заставили меня позабыть время обычнаго успокоенія, и я провелъ его на палубѣ, любуясь подвижной панорамой береговъ, гдѣ изрѣдка блестѣли огоньки непріязненнаго намъ населенія.

Едва дневное свѣтило вышло изъ лона водъ и одѣло весь берегъ розовымъ отливомъ, какъ мы были уже у цѣли своихъ желаній и приближались къ тому мѣсту, гдѣ должны были сдѣлать десантъ и которое называется Шапсуго. Передовые наши пароходы шныряли почти у самаго берега и высматривали мѣстность; а корабли, держась на большой глубинѣ, выстроились опять въ одну линію, вдоль берега, на которомъ, какъ муравьи, суетились наши непріятели. Раевскій и Лазаревъ слѣдили за всѣми движеніями въ подзорныя трубы и, равно какъ и мы всѣ: вѣроятно чувствовали, что даромъ этого мѣстечка Шапсуги не отдадутъ.

Съ адмиральскаго корабля грянулъ первый выстрѣлъ, и ядро съ визгомъ ударилось въ берегъ. Со всѣхъ кораблей мигомъ спустились перевозочныя лодки, и войска стали садиться въ нихъ. Я обнялъ моего добраго Мессера, распрощался съ офицерами и, съ ружьемъ въ рукахъ, прыгнулъ въ лодку, съ 15-ю или 20-ю солдатами своего взвода. Лодки понеслись къ берегу, какъ на какой нибудь гонкѣ, а оставшіеся за нами корабли стрѣляли цѣлыми бортами черезъ наши головы. Впереди, на берегу, лѣса валились отъ этой ужасной канонады, и скоро дымъ застлалъ всю окрестность. Раевскій, съ трубкою въ зубахъ, въ рубахѣ и съ шашкою черезъ плечо, стоялъ на носу лодки съ Л. С. Пушкинымъ, и плылъ не далеко отъ насъ. Онъ первый выскочилъ на берегъ, и по всей линіи загремѣлъ огонь нашихъ стрѣлковъ. Горцы, въ числѣ 6-ти тысячъ, залегли за камнями, деревьями, и выжидали насъ, а, подпустивъ на близкое разстояніе, стали съ упорствомъ отстрѣливаться. На лѣвомъ флангѣ нашемъ сборище ихъ было гуще, и потому начальникъ штаба Ольшевскій быстро собралъ два батальона Тенгинскаго полка и, пославъ въ обходъ, во флангъ Навагинцевъ, ударилъ въ штыки. Непріятель поколебался, а полковникъ Полтининъ, съ праваго фланга, смялъ остальныя толпы, и по всей линіи горцы обратились въ бѣгство.

Занятіе берега продолжалось не долго, и скоро мы стали властителями новаго куска земли. Раевскій, проходя по линіи со всѣмъ своимъ штабомъ, поздравлялъ войска, а за поясомъ его торчалъ преогромный букетъ цвѣтовъ Кавказской флоры, который онъ набралъ во время дѣла. Особенныя команды и саперы стали рубить засѣки; выгружали полевыя пушки и прочія тяжести, и скоро даже забѣлѣлось нѣсколько палатокъ, предвѣстницъ бивака. Раевскому разбили огромный шатеръ; музыка загремѣла, и возгласы лихихъ пѣсельниковъ стали раздаваться по ротамъ; а вдали глухо кипѣла еще перестрѣлка.... Съ корабля своего пріѣхалъ Лазаревъ, и многіе офицеры, въ томъ числѣ и я, тѣснились у палатки главнокомандующаго. Появилось шампанское, и всѣ радостно пили скорое и счастливое занятіе новаго мѣста на восточномъ берегу Чернаго моря. При десантѣ мы потеряли немного людей, а 160 тѣлъ горскихъ и между ними два князя приволочены были и сложены у палатки Раевскаго.

Я съ Костенкой устроили свою палатку на небольшомъ возвышеніи, у нашей роты, которая почти въ ногахъ нашихъ лежала въ засѣкахъ. Дежурные часто обходили всю цѣпь стрѣлковъ, даже и почью.

Настали Іюльскіе жары, а фортъ, нами устроиваемый, росъ не по днямъ, а по часамъ! Наряженныя, очередныя команды строили, рыли, тесали, рубили, а въ палаткахъ завязалась сильная игра. Костенко мой, не смотря на частыя перебранки со мной, предался совершенно игрѣ и занималъ у меня частенько деньги. Наконецъ я сталъ ему отказывать, и онъ бродилъ съ грустнымъ лицомъ по цѣлымъ днямъ по лагерю.

Въ одно утро прибылъ въ лагерь изъ Тифлиса главнокомандующій, генералъ Головинъ. Кавказскія боевыя войска были странно поражены, увидѣвъ предъ собою генерала, при 45 градусахъ жара, въ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы и крючки, въ огромномъ галстукѣ.... Потъ градомъ обливалъ его лице, которое онъ тщетно старался утирать носовымъ платкомъ. Разсказывали, что при свиданіи съ Раевскимъ, когда Головинъ, снявъ фуражку, поздравлялъ его съ счастливымъ занятіемъ и покореніемъ новаго мѣста подъ скипетръ Россійской державы, и спросилъ, какой награды онъ желаетъ, Раевскій простодушно просилъ только позволенія снять сюртукъ и галстукъ.

Не помню котораго числа, я званъ былъ обѣдать у подполковника Б. съ заманчивымъ обѣщаніемъ накормить меня жареной индѣйкой, которая конечно была рѣдкость въ нашей лагерной жизни. Отправившись по приглашенію къ 12 часамъ, я засталъ хозяина, хлопотавшаго объ обѣдѣ, и еще одного гостя, поразившаго меня своимъ прекраснымъ, правильнымъ лицемъ. Ему было не болѣе 23 лѣтъ; умные глаза его свѣтились какъ два угля, и черные волосы красиво вились на его прекрасной головѣ. Меня познакомили съ нимъ. Онъ назывался *Бефани*, былъ лейтенантомъ нашего флота и служилъ на пароходѣ Язонъ, стоявшемъ не далеко отъ берега. Едва усѣлись мы за столъ, какъ входитъ матросъ его команды и передаетъ ему приказаніе капитана немедленно пожаловать на пароходъ, такъ какъ пары уже разведены и судно идетъ съ Раевскимъ осматривать берега. Я никогда не забуду выраженія голоса Бефани, когда онъ, выслушавъ приказаніе, сказалъ: „Боже мой, какъ мнѣ это море надоѣло! Не хочу болѣе служить на немъ и, возвратясь въ Николаевъ, подамъ въ отставку. Вотъ служба, не дадутъ и пообѣдать“. Однако дѣлать было нечего покуда, и Бефани насъ оставилъ, чтобы на гичкѣ, которую за нимъ прислалъ капитанъ, переѣхать на свой пароходъ.

Проводивъ гостя, мы безъ него кончили нашъ обѣдъ, и когда вышли изъ палатки, то были изумлены быстрою перемѣною и въ воздухѣ и на морѣ. Оно какъ будто-бы почернѣло и, по временамъ покрываясь пѣною, какъ бы кипѣло; въ атмосферѣ было душно, не смотря на завываніе вѣтра. Транспортныя суда сильно качались на своихъ якоряхъ, а дымящійся Язонъ уже былъ далеко. Вѣтеръ ежеминутно крѣпчалъ, и волны съ ужасною силою неслись и катились на берегъ. Солнце скрылось за черными тучами.

Возвратившись къ себѣ въ палатку, я долженъ былъ заняться, подобно другимъ, удержаніемъ ея на мѣстѣ, потому что вѣтеръ рвалъ ее немилосердно,—и скоро превратился въ штормъ. Хорошо, что флотъ нашъ удалился отъ берега!

Къ вечеру возвратился и пароходъ Язонъ съ генераломъ Раевскимъ. Буря такъ усилилась, что капитанъ парохода не отваживался спустить шлюбки и доставить командующаго войсками на берегъ; но по его настояніямъ и приказанію это было сдѣлано и, какъ увидимъ впослѣдствіи, спасло генерала.

Штормъ разыгрался въ ужасныхъ размѣрахъ; наступила мрачная ночь, и казалось, что облака соединились съ моремъ, открывъ свои хляби, а проливной дождь топилъ буквально наши биваки. За темнотою и ревомъ волнъ, не видно и не слышно было, что̀ дѣлается съ судами и на судахъ, а весь лагерь нашъ бродилъ по берегу въ какомъ-то смертномъ страхѣ. Наконецъ толпы стали рѣдѣть, и каждый, въ душѣ своей, ждалъ съ нетерпѣньемъ утра,—что̀ оно намъ скажетъ. Чуть стала брезжить заря, какъ толпамъ любопытныхъ представилась мрачная картина. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ пароходъ Язонъ, торчали двѣ мачты.... *Пароходъ потонулъ!*... Раевскій со свитою уже былъ тамъ.... На мачтѣ висѣлъ головой внизъ тотъ самый лейтенантъ Бефани, котораго я видѣлъ наканунѣ за обѣдомъ у подполковника Б.; ниже его, на цѣпной лѣстницѣ, кажется, называемой *вантами*, держался еще человѣкъ, въ партикулярномъ плащѣ. Полы его сюртука развѣвались по вѣтру. Видно было, что лейтенантъ былъ босъ и, спасая себя на вершинѣ мачты, вѣроятно падалъ оттуда, но зацѣпился за что нибудь и повисъ головою внизъ, — и она вѣтромъ ударялась о мачту.... Онъ былъ еще живъ, потому что часто хватался за голову.... Страшная судьба! А помочь этимъ единственнымъ двумъ несчастнымъ, оставшимся изъ цѣлой команды Язона, не было никакой возможности! Волны ежеминутно готовы были поглотить и унести съ собою всякаго смѣльчака, приближавшагося близко къ берегу. Далѣе, по берегу, выброшено было славное судно *Ланжеронъ*, а за рѣчкой, отдѣлявшей насъ (при своемъ впаденіи въ море) отъ непріятельскаго берега, еще два фрегата наши, бывшіе подъ командою Панфилова, лежали, выброшенные на берегъ, и довершали картину! Видно было, что все, оставшееся на нихъ живымъ, кучкою стояло у рѣчки, безъ всякаго оружія; но, къ счастью, горцы, привлеченные легкою добычею, начали расхищеніе разбитыхъ фрегатовъ и покуда не трогали беззащитныхъ; пушки, зеркала, посуда, — разносилась горцами проворно. А мы и тутъ не могли помочь горю, потому что рѣченка Шапсуго, отъ дождей, переполнившись въ своихъ берегахъ, съ яростью катила свои волны въ море и представляла намъ непреоборимую преграду. Раевскій приказалъ достать откуда-то уцѣлѣвшую шаланду, вызвалъ охотниковъ и самъ хотѣлъ съ ними ѣхать на спасеніе погибавшихъ, но былъ остановленъ Ольшевскимъ. Едва шаланда отвалила отъ берега, какъ ее, крутя и ломая, понесло въ море. Съ большимъ трудомъ спасли людей и должны были отказаться отъ этого способа, чтобъ перебраться на противуположный берегъ. Полковникъ Полтининъ предложилъ Раевскому съ отрядомъ подняться вверхъ по р. Шапсуго въ горы, въ болѣе удобномъ мѣстѣ перейти ее, и такимъ образомъ выручить нашихъ беззащитныхъ моряковъ. На этомъ рѣшили; Полтининъ немедленно выступилъ съ отрядомъ, достигъ въ горахъ удобнаго для переправы мѣста, спустился на берегъ моря и, взявъ съ собою несчастныхъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, вернулся съ ними.

Мы хоть и стрѣляли по кучкамъ горцевъ, грабившихъ наши зарывшіеся фрегаты, но мало дѣлали имъ вреда, потому что ядра наши едва достигали этого мѣста.

Къ вечеру этого дня казалось, что несчастный Бефани скончался, хотя висѣлъ все въ томъ же положеніи. Человѣкъ въ партикулярномъ платьѣ все еще держался на прежнемъ мѣстѣ, хотя волны поминутно окачивали его. На третьи

сутки почти весь отрядъ снова собрался на берегъ, и такъ какъ штормъ утихалъ, а несчастный все еще держался, то Раевскій вызвалъ охотниковъ спасти его, обѣщая въ награду Георгіевскій крестъ и 300 руб. серебромъ. Небольшаго росту невзрачный Черноморскій казакъ вызвался на славное дѣло, и, обвязавъ себя длинною веревкою, которой конецъ взяли 100 человѣкъ, перекрестился и ринулся въ клокотавшія и ревѣвшія волны!... Онъ исчезъ, а мы съ замираніемъ сердца смотрѣли на эту страшную картину. Но вотъ безстрашный пловецъ уже у цѣли своей.... Мы видимъ, какъ онъ хватаетъ несчастнаго въ охабку и съ нимъ снова погружается въ волны. На берегу стали живо тащить веревку въ гору, и Раевскій самъ помогалъ. Вотъ черная масса подвигается къ берегу, и скоро два крѣпко обнявшіеся трупа вытащены были на берегъ. Спасенный оказался Англичаниномъ, машинистомъ парохода Язонъ. Обоихъ стали приводить въ чувство. Доктора, фельдшера засуетились и дѣлали все, предписываемое наукой. Машинисту пустили кровь; она не пошла.... Казаку влили въ ротъ теплаго рому; онъ вскорѣ очнулся и со временемъ получилъ обѣщанную награду. Машинистъ сталъ приходить въ себя, но сидѣлъ весь почернѣлый, все еще въ какомъ-то забытіи. Когда ему стали пускать кровь изъ другой руки, онъ едва слышнымъ голосомъ просилъ посмотрѣть у него въ карманѣ, цѣлъ-ли его бумажникъ, въ которомъ было 6,000 рублей и векселя; въ противномъ случаѣ умолялъ оставить его умирать. Находясь въ это время близь него и понимая Англійскій языкъ, я исполнилъ его просьбу и, къ удовольствію, вытащилъ его бумажникъ и нашелъ все его богатство хотя и цѣлымъ, но, конечно, размокшимъ. Тогда Англичанинъ сталъ улыбаться. Very good, very good (*), промычалъ онъ и протянулъ свою руку. Кровь пошла, и доктора объявили, что будетъ живъ, а вечеромъ онъ уже прохаживался.

Я сходилъ въ отрядъ казаковъ, чтобъ видѣть и поговорить съ смѣльчакомъ-спасителемъ и допытаться, что подвигло его къ такому самоотверженію: любовь-ли къ человѣчеству или обѣщанная награда? Я засталъ казака у артельнаго котла за ужиномъ, и уже помину не было о добромъ дѣлѣ, имъ сдѣланномъ. Въ природѣ Русской часто можно видѣть примѣры необыкновеннаго самоотверженія, безъ всякой задней мысли; и такъ, кажется, было и съ моимъ казакомъ. Впрочемъ онъ показалъ мнѣ свои плеча въ ранахъ. Всѣ 10 пальцевъ окоченѣвшаго Англичанина ясно на нихъ значились и еще напоминали доброму человѣку его похвальный поступокъ, о которомъ онъ уже не вспоминалъ.

Такъ кончилась эта страшная катастрофа!... Бѣдный Бефани, съ разбитою головою, на пятые сутки былъ снятъ съ мачты и похороненъ съ военными почестями. Сдѣлали слѣдствіе, привели въ извѣстность потерю въ людяхъ и матеріальной части, и донесли Государю; на донесеніи онъ собственноручно написалъ: „Предать волѣ Божіей!“ Справедливо и мудро. Укрѣпленіе, нами возводимое, приходило къ концу и получило названіе: *Фортъ Тенгинскій*. Мѣсто это лежитъ въ глубокой котловинѣ, а по горамъ растетъ вѣковой лѣсъ чинаровъ, орѣшниковъ, дикихъ каштановъ; и хотя все очень грандіозно, но климатъ нездоровый. Сколько разъ любовался я этой картиной и въ подзорную трубку ясно видѣлъ въ ущельяхъ одиночныя сакли и аулы горцевъ. Кажется, такъ бы и полетѣлъ въ эти горы, въ эти рощи; но за цѣпь нашу и ноги показать нельзя

(*) Очень хорошо, очень хорошо.

было: мѣткая пуля врага всегда готова встрѣтить оплошнаго. Когда-то эти Божіи мѣста, путемъ просвѣщенія, цивилизаціи, сдѣлаются достояніемъ образованнаго человѣчества?

Разъ мы были у палатки Раевскаго, когда къ нему привели горскаго князя, пріѣхавшаго просить о выдачѣ тѣлъ убитыхъ горцевъ. Я никогда не забуду разговора ихъ. — „Зачѣмъ вы не покоряетесь нашему великому Государю?“ спросилъ Раевскій князя, „а заставляете насъ проливать кровь напрасно? Знаю, что у васъ въ горахъ скрывается Англичанинъ Бель, мутитъ васъ и обнадеживаетъ помощью Англіи; но вѣрьте мнѣ, что онъ васъ обманываетъ; помощи вы ни отъ кого не получите, а лучше выдайте мнѣ его съ руками и ногами, и получите за это много серебра отъ нашего Государя, который очень богатъ.“ Тогда горскій князь съ достоинствомъ отвѣчалъ чрез толмача: „Удивляюсь я словамъ генерала. Ежели это правда, что Царь вашъ богатъ, то для чего же онъ такъ завидуетъ нашей бѣдности и не позволяетъ намъ спокойно сѣять наше просо, въ нашихъ бѣдныхъ горахъ? Вашъ Царь долженъ быть корыстолюбивый Царь! Что же касается Англичанина Беля, то мы не можемъ его выдать, потому что онъ нашъ другъ и гость и много дѣлаетъ намъ добра. И у насъ, какъ и у васъ, есть негодяи, которыхъ можно купить; но мы князья дворяне, всегда останемся честны, и нѣтъ у васъ столько золота и серебра, чтобъ совратить насъ съ пути чести.“ Я замѣтилъ, что Раевскому сдѣлалось какъ-то не ловко, и онъ поторопился кончить этотъ щекотливый разговоръ, приказавъ выдать князю просимыя имъ тѣла соотечественниковъ, лежавшихъ въ кучѣ какъ дрова. На нарочно присланной за ними арбѣ отправились покойники во свояси, чтобъ быть похороненными на землѣ, не оскверненной погою гяура.

На рукахъ нѣкоторыхъ труповъ я замѣтилъ красные шерстяные шнурки, и мнѣ разъяснили, что это обыкновеніе соблюдается всегда при отправленіи на войну. Жены и возлюбленныя даютъ мужьямъ и любезнымъ этотъ амулетъ, съ пожеланіемъ побѣдить или умереть. Это *со щитомъ иль на щитѣ*, какъ въ древней Греціи, или какъ въ рыцарской, средневѣковой Европѣ дамы украшали шарфами защитниковъ феодальныхъ замковъ своихъ.

Я вскорѣ не могъ вынести непривычнаго климата и занемогъ серіозно. Однажды лежу себѣ въ своей палаткѣ и прислушиваюсь къ отдаленной перестрѣлкѣ гдѣ-то въ горахъ.... Вдругъ въ лагерѣ грянула пушка, и капитанъ Масловичъ второпяхъ вошелъ ко мнѣ. — Любезный Н. И.! Я иду съ ротой на рубку лѣса; горцы сильно защищаютъ его, хотя тамъ нашихъ уже нѣсколько ротъ.— Я иду съ вами, сказалъ я.—Къ чему? Вы не такъ-то здоровы и слабы еще, да къ тому же ужъ представлены къ производству въ унтеръ-офицеры; а лучше сдѣлайте вотъ что: у меня не готовъ еще обѣдъ; понадсмотрите за этимъ, и когда онъ поспѣетъ, отправьте его ко мнѣ въ лѣсъ. Прощайте,—и онъ исчезъ съ своей ротой.

Исполняя просьбу своего капитана, я такъ и распорядился; но когда обѣдъ былъ готовъ, я пошелъ съ палкою въ рукѣ, вмѣстѣ съ деньщикомъ, отыскивать Масловича. Въ салфеткѣ и въ корзинкѣ несли за мной водку, портеръ, битокъ и солонину съ горохомъ. По направленію выстрѣловъ шли мы оба, спустившись съ какого-то возвышенія, по едва протоптанной тропинкѣ, шли небольшою долиною и наткнулись на нашихъ застрѣльщиковъ, залегшихъ въ кустахъ, по берегу рѣчонки. Съ про-

тивуположнаго берега сыпались Черкесскія пули. Въ срубленномъ лѣсу я замѣтилъ солдата нашей роты, тащившаго колоду, и отъ него узналъ, что капитанъ и офицерство на небольшомъ возвышеніи. Шагая по пнямъ и сучьямъ, добрались мы съ деньщикомъ до этого мѣста и, въ самомъ дѣлѣ, застали всѣхъ нашихъ, играющихъ въ карты. Едва они меня замѣтили, то стали мнѣ кричать, чтобъ я нагнулся въ кустахъ. И въ самомъ дѣлѣ нужно было это сдѣлать, потому что неотвязчивыя непріятельскія пули такъ и жужжали кругомъ насъ, обивая съ шумомъ листъ на деревьяхъ. Но и я, и завтракъ благополучно достигли своего назначенія. Перестрѣлка все усиливалась, и капитанъ пошелъ въ цѣпь посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается. Я ему сопутствовалъ. Едва мы спустились съ возвышенія, на которомъ завтракали, и стали приближаться къ нашей цѣпи, которая лежала, какъ я уже сказалъ, увидѣли офицера, прохаживающагося мѣрнымъ шагомъ въ самомъ открытомъ мѣстѣ. Мнѣ показалась странною такая противукавказская логика, а Масловичъ объяснилъ мнѣ, что этотъ чудакъ нарочно выставляется и лѣзетъ на вражескую пулю, чтобъ быть непремѣнно раненымъ и выслужить пенсіонъ. „Я и самъ всякій разъ, что̀ бываю въ дѣлѣ", прибавилъ наивно Масловичъ, всегда желаю, чтобъ меня ранили для пенсіона. Къ несчастію это не случается! По приходѣ въ лагерь, выпадаютъ изъ подъ платья иногда пули, да оглядишь на сюртукѣ нѣсколько новыхъ дыръ. То и дѣло, что зашиваешь ихъ. Вотъ я такъ и маюсь здѣсь на Кавказѣ 20 лѣтъ; а что̀ проку въ побрякушкахъ, которыя я получилъ за все это время? Чинъ капитана, да Станислава на шею: изъ нихъ вѣдь шубы не сошьешь! А будь я раненъ, получилъ бы пенсіонъ, вышелъ бы въ отставку и зажилъ бы паномъ".

Въ это время фельдфебель доложилъ Масловичу, что рота готова съ лѣсомъ. Приказано было собрать стрѣлковъ, и движеніе началось. Смотримъ, несутъ-таки офицера, желавшаго быть раненымъ для пенсіона; и онъ улыбается и радъ-радешенекъ, что пуля прошла ему выше колѣна, а Масловичъ ему завидуетъ и ругается на свое несчастіе. Даже солдаты считали его заколдованнымъ или заговореннымъ противъ Черкесскихъ пуль.

Между тѣмъ здоровье мое все хуже и хуже. Старшій отрядный медикъ Гайдушко, родомъ Богемецъ, навѣстивъ меня, совѣтовалъ уѣхать изъ отряда и предложилъ даже свое ходатайство у отряднаго начальника, тѣмъ болѣе, что завтра отходитъ пароходъ въ Керчь, гдѣ я могу удобно лѣчиться въ госпиталѣ. Я согласился. Скоро Раевскій прислалъ мнѣ сказать, что я могу отправиться въ Тамань на излѣченіе. Я поторопился собраться, простился съ капитаномъ Масловичемъ и Костенкой, который за взятіе Шапсуго представленъ въ офицеры, и по этому случаю далъ мнѣ слово не играть въ карты.

Я говорилъ уже однажды о странной оцѣнкѣ нашей службы, т. е. всѣхъ сосланныхъ по дѣлу 25 года. Ближайшимъ нашимъ начальникамъ не позволялось таксировать нашихъ заслугъ и предоставлялось только прописать „на Всемилостивѣйшее воззрѣніе". Наученный опытомъ, Раевскій насъ боялся, да и мы его избѣгали, чтобъ невольно не ввести его въ непріятное положеніе, такъ какъ доносчиковъ расплодилось многое множество. Часто пріѣзжали къ намъ на Кавказъ флигель-адъютанты, а зачѣмъ? Богъ знаетъ! Помню, что они своимъ присутствіемъ наводили на цѣлые отряды какое-то непонятное, непріятное чувство. Конечно и между ними случались исключенія; но вообще остается сожа-

лѣть, что господа эти, поступками нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, унизили и уронили это почетное званіе. Вельяминовъ не былъ педантомъ въ мелочахъ и всегда оставался строгъ по службѣ, однако, при первомъ свиданіи съ нами, онъ намъ сказалъ: „Помните, господа, что на Кавказѣ есть много людей въ черныхъ и красныхъ воротникахъ, которые слѣдятъ за вами и за нами.“ Была организована система политическаго доноса. Не было общественнаго мѣста, не было гостиной, куда бы не вкрались шпіоны. Даже семейный очагъ не былъ отъ нихъ избавленъ. Повсюду правительство видѣло либераловъ или якобинцевъ. Брали на замѣчаніе тѣхъ, кто съ удовольствіемъ читалъ какой-нибудь журналъ, въ особенности иностранный; и не было границъ мелочнымъ притѣсненіямъ противъ тѣхъ, кто имѣлъ бороду и носилъ длинные волосы или пальто; обѣ эти вещи признавались наружными знаками либерала. Грустно! При Ермоловѣ этого не было. Язва разлилась и въ благородномъ военномъ званіи.

На пароходѣ Колхида отправился я въ Керчь съ моимъ товарищемъ Черкасовымъ, и тутъ же съ нами находился раненый поручикъ, накапунѣ давшій себя подстрѣлить, ради пенсіи. Командиромъ парохода былъ капитанъ Швейдеръ. Погода была хорошая; мы шли всю ночь и рано утромъ бросили якорь предъ Таманью, въ древности называвшейся у насъ Тмутараканью. Выйдя на берегъ, намъ пришлось тащиться пѣшкомъ съ нашими пожитками, въ гору и съ версту, въ крѣпость Фанагорію, гдѣ и госпиталь, цѣль нашего странствованія. Такъ какъ у насъ были билеты для пріема въ лазаретъ, то мы съ Черкасовымъ и явились къ смотрителю госпиталя въ чинѣ подполковника. Вѣроятно по рекомендаціи доктора Гайдушки, насъ троихъ помѣстили въ отдѣльную палату, большую, чистую и довольно пристойную; но мы долго не могли привыкнуть къ запаху различныхъ лекарствъ, которымъ заражены и пропитаны зеленыя кровати, столы, тюфяки и всѣ лазаретныя вещи. Здѣсь мнѣ пришлось видѣть, какъ я думаю и во всѣхъ мѣстахъ подобнаго рода, страданіе человѣчества во всѣхъ его проявленіяхъ и фазахъ; но и здѣсь же, и конечно болѣе нежели гдѣ нибудь, я принужденъ былъ наблюдать безчеловѣчные поступки и обращеніе съ несчастными страдальцами лазаретнаго начальства и коммисаровъ; что только можно украсть и оттянуть отъ больнаго, то все кралось и оттягивалось! Къ чести юнаго поколѣнія докторовъ, могу сказать, что они одни были людьми безкорыстными и почти всѣ знали свое дѣло медиковъ и операторовъ, бывъ выпущенными изъ Виленскаго университета. Со многими изъ нихъ я познакомился и сошелся. Впослѣдствіи ихъ взяли на восточный берегъ, и тамъ они погибли жертвою климата.

Видя ежедневно всѣ ужасы смерти и, что хуже еще, страданій и лишеній бѣдныхъ солдатъ и убійственное равнодушіе начальства, я не въ силахъ былъ болѣе оставаться въ стѣнахъ госпитальныхъ. Однажды бродилъ я по крѣпостцѣ, осмотрѣлъ ея незначительныя укрѣпленія и спустился къ морскому берегу. На обрывѣ стояла чистенькая землянка, съ трубою и тремя окнами, надъ уровнемъ земли продѣланными. Я полюбопытствовалъ и вошелъ. Меня встрѣтила хозяйка этого скромнаго жилища, и я узналъ, что она была казачка и живетъ съ своею 12 лѣтнею дочерью. У нея нашлась особая горенка, и мы скоро сошлись въ цѣнѣ. Столъ, три стула, кровать, составляли мою мебель; полъ былъ вымазанъ желтою глиною и усыпанъ пахучими травами. Я очень обрадовался

своей находкѣ и, предпочтя это чистое помѣщеніе лазаретной вони, въ тотъ же день перебрался въ свое новое жилище.

Землянка моя вырыта въ крутомъ обрывѣ и, какъ бы сказать, лѣпилась у самаго моря, такъ что я постоянно слышалъ плескъ волнъ, ударяющихся въ песчаный берегъ. Противъ моихъ окошечекъ виднѣется, за 30 верстнымъ проливомъ, городокъ Еникале; при попутномъ вѣтрѣ достаточно двухъ часовъ, чтобъ перенестись на тотъ берегъ, что безпрестанно и дѣлаютъ казаки на своихъ парусныхъ лодкахъ и душегубкахъ. Не успѣлъ я оглядѣться хорошенько, какъ посѣтилъ меня Иванъ Ивановичъ Ромбергъ, аптекарь здѣшнихъ мѣстъ. Я чрезвычайно былъ радъ его посѣщенію, а такъ какъ Ромбергъ съ перваго раза мнѣ очень понравился, къ тому же былъ Нѣмецъ, а я съ дѣтства любилъ эту націю, то мы съ нимъ скоро сошлись. Иванъ Ивановичъ былъ женатъ на Нѣмкѣ же и не имѣлъ дѣтей. Думая еще и прежде о средствахъ пропитанія и не желая заводиться хозяйствомъ, я въ разговорѣ сказалъ Ромбергу: Вѣроятно супруга ваша должна быть отличной хозяйкой? — Конечно, отвѣчалъ онъ мнѣ, въ особенности же она отлично печетъ пирожки и мастерица жарить, и я пришелъ пригласить васъ. — Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, и мы пошли. Квартира его была не далеко отъ моей землянки и, при нашемъ приходѣ, мы нашли уже столъ накрытымъ ослѣпительной бѣлизны скатертью. На столикѣ красовался графинчикъ водки, вѣроятно фабрикованной въ аптекѣ. Съ нашимъ появленіемъ показалась сама хозяйка, съ мискою дымящагося супу. Мы познакомились и принялись уничтожать обѣдъ, оказавшійся чистымъ, вкуснымъ; а пирожки были просто объяденіе. За столомъ же мы и порѣшили, что за 25 рублей въ мѣсяцъ я поступаю къ этому доброму семейству на пансіонъ.

Такъ тянулись дни, въ ожиданіи лучшаго. Вѣдь будетъ же какой нибудь конецъ моей драмѣ? Es kann nicht immer so bleiben (*), сказалъ какой-то философъ-флегматикъ.

Въ одно утро посѣтилъ меня Левъ Пушкинъ. Когда онъ доискивался моей квартиры, какой-то праздношатающійся въ крѣпости указалъ ему единственную трубу моей землянки, торчавшую изъ-за обрыва. — Помилуй братецъ! это кузница, сказалъ съ своимъ обычнымъ смѣхомъ Левъ Сергѣевичъ и мигомъ прибѣжалъ ко мнѣ. Послѣ первыхъ объятій, я спросилъ его: откуда и куда? Изъ форта посланъ Раевскимъ по службѣ въ Керчь, а главная цѣль моей откомандировки поѣсть устрицъ! — Это впереди, а чѣмъ тебя теперь подчивать? Хочешь чаю? — Не пью! — Кофею? — Не пью! — Хочешь водки? — Пью, вино пью; давай! И онъ началъ пить. — Знаешь-ли, что я нарочно пріѣхалъ за тобою, продолжалъ Пушкинъ, опоражнивая стаканъ за стаканомъ, и везу тебя въ Керчь къ князю Херхеулидзеву, который желаетъ тебя видѣть и познакомить съ княгиней. Они объявили мнѣ, чтобъ безъ тебя я не смѣлъ къ нимъ являться. — Радъ очень обнять друга моего, князя; но можно ли мнѣ отлучиться? Я считаюсь больнымъ въ госпиталѣ и боюсь скомпрометировать и князя, и лазаретное начальство. — Полно, любезный другъ! Волка бояться и въ лѣсъ не ходить; собирайся, вѣтеръ попутный, и къ обѣду мы тамъ.

Я предупредилъ старшаго доктора о своей отлучкѣ на недѣлю въ Керчь, облачился въ солдатскую шинель и на лодочкѣ съ Пушкинымъ переѣхалъ на

(*) Это не можетъ всегда такъ оставаться.

казенный тендеръ, бывшій въ распоряженіи его.

Странно! Военный тендеръ этотъ назывался Часовой, командиръ лейтенантъ Десятый; на немъ 10 человѣкъ матросовъ, и одинъ изъ нихъ также прозывается Десятый.

Въ крошечной каютѣ капитана, Пушкинъ и Десятый стали пить вино, а потомъ оба заснули, а я вышелъ на палубу. Тендеръ, какъ курьеръ, летѣлъ на всѣхъ парусахъ. Скоро мы миновали много иностранныхъ судовъ, которые каждымъ лѣтомъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ посѣщаютъ наши Азовскіе порты и нагружаются хлѣбомъ и прочими продуктами. Тендеръ, какъ ловкій кавалеръ, миновалъ всѣ препятствія, шибко и граціозно вошелъ въ бухту и бросилъ якорь у пристани. Мы съ Пушкинымъ пошли прямо къ дому градоначальника Херхеулидзева. При входѣ въ переднюю, я просилъ Льва Сергѣевича предупредить князя, а главное, узнать, нѣтъ-ли у него постороннихъ гостей; но черезъ нѣсколько секундъ прибѣжалъ князь, и мы обнялись съ восторгомъ, не видавшись со времени нашей гвардейской службы. Тутъ прибѣжала княгиня и, не давъ мнѣ времени прилично ей представиться, взяла меня за руки и, со свойственною ей любезностію, сказала мнѣ: Знаю васъ давно.... мужъ мой все мнѣ передалъ.... и я надѣюсь, что вы останетесь снова нашимъ другомъ. Пушкинъ стоялъ и улыбался. Скоро подали обѣдъ, и онъ былъ вознагражденъ за свой подвигъ тѣмъ, что ему подали огромный подносъ устрицъ, кажется до 200, такъ, что и онъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать: Господи! За что такъ щедро меня награждаешь!—Шампанскимъ за наше свиданіе завершился обѣдъ.

Князь Захаръ Семеновичъ Херхеулидзевъ, изъ Грузинъ, родился въ Россіи. Мать его, не знаю по какому-то дѣлу, пріѣхала въ Малороссію; И. В. Капнистъ принялъ ее въ свой домъ въ то время, когда и я тамъ воспитывался. Захару Семеновичу было 11 лѣтъ, когда мы съ нимъ познакомились и два года провели вмѣстѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ судьба опять насъ свела, уже молодыми людьми. Князь служилъ въ Преображенскомъ полку штабсъ-капитаномъ и казначеемъ полка, я въ Московскомъ. Не смотря на то, что онъ былъ отличнымъ офицеромъ, любимъ и уважаемъ товарищами, Великій Князь Михаилъ Павловичъ не давалъ ему командовать ротою, такъ какъ у Херхеулидзева не было звучнаго, сильнаго голоса. Князь обидѣлся и хотѣлъ подать въ отставку; но Воронцовъ, назначенный въ то время военнымъ генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, зная благородныя качества души Херхеулидзева, взялъ его къ себѣ въ адъютанты и, въ оправданіе выбора своего, часто говаривалъ: по голосу можно и должно выбирать людей только въ пѣвческую капеллу.

И князь Воронцовъ былъ правъ. Почти такое-же происшествіе случилось съ Дибичемъ, служившимъ въ Семеновскомъ полку. Въ пріѣздъ Прусскаго короля въ Петербургъ, Дибичъ назначенъ былъ во внутренній караулъ, но особымъ повелѣніемъ, за неприличную фигуру, лишенъ былъ этой чести, съ приказаніемъ впредь никогда не назначать подобныхъ ему въ торжественныхъ случаяхъ. Дибичъ обидѣлся и вышелъ изъ полка въ генеральный штабъ подполковникомъ. И эта неприличная фигура, своими военными достоинствами и подвигами, обогатила военную исторію Россіи новыми блестящими побѣдами!—Херхеулидзевъ служилъ адъютантомъ Воронцова до чина полковника и дѣлалъ съ нимъ Турецкую кампанію 1828 года. Въ награду Воронцовъ назначилъ его градоначальникомъ г. Керчи, переименовавъ въ статскіе совѣтники, и тутъ-

то мы съ нимъ свидѣлись, послѣ 20-ти лѣтней разлуки. Г. Керчь—его созданіе. Его трудами она сдѣлалась маленькой Одессой, и Воронцовъ въ шутку называлъ Керчь ея недоноскомъ. Впослѣдствіи, когда князь Воронцовъ назначенъ былъ намѣстникомъ Кавказа, а Ѳедоровъ замѣнилъ его въ Новороссійскомъ краѣ, Херхеулидзевъ не ужился съ новымъ генералъ-губернаторомъ и былъ переведенъ губернаторомъ въ Смоленскъ. Скоро потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, чтобъ заняться воспитаніемъ дѣтей. Нынѣ царствующій Государь, зная его безкорыстіе и неподкупную честность, послѣ сдачи Севастополя поручилъ Херхеулидзеву осмотрѣть и привести въ порядокъ госпитальную часть въ арміи, гдѣ, какъ извѣстно, произошли страшные безпорядки. Князь строго принялся за свою новую обязанность, ежедневно навѣщалъ больныхъ, слѣдилъ неусыпно за порядкомъ, осматривалъ пищу, бѣлье и, конечно къ сожалѣнію всѣхъ несчастныхъ страдальцевъ, заразился, получилъ тифозную горячку и скончался въ Севастополѣ, гдѣ на кладбищѣ и похороненъ. Миръ праху твоему, благороднѣйшій человѣкъ и близкій другъ мой! Ты кончилъ жизнь свою на поприщѣ службы и, до послѣдней минуты, приносилъ пользу человѣчеству и согражданамъ твоимъ.

Скоро я разстался съ семействомъ Херхеулидзева и возвратился въ свою землянку въ Тамань. Пушкинъ проглотилъ нѣсколько сотъ устрицъ и уѣхалъ на восточный берегъ.

Наступила зима, и въ длинные вечера ея я много читалъ и писалъ. Сварливая хозяйка моя то и дѣло ругалась съ моимъ человѣкомъ; но этихъ развлеченій мнѣ было недостаточно. Къ счастію моему, въ сосѣдствѣ жила почтенная старушка вдова Нейдгардъ. Мужъ ея былъ полковникомъ артиллеріи и приходился роднымъ братомъ генералъ-адъютанту Нейдгарду (бывшему впослѣдствіи главнокомандующимъ войсками Кавказа, но не надолго). Онъ, бывши подъ судомъ за какія-то упущенія, умеръ неоправданнымъ и тѣмъ лишилъ свою бѣдную жену небольшаго пенсіона и средствъ существованія. Старушка сама пожелала со мной познакомиться, а мнѣ это было съ руки. Я не замедлилъ отправиться къ ней съ визитомъ и нашелъ предобрую и пречопорную старушку, занимавшую двѣ чистенькія горенки, со множествомъ образовъ, предъ которыми теплилась неугасаемая лампада. Она полюбила меня, какъ сына, а въ послѣдствіи постоянно опасалась за мою жизнь, вѣчно ожидая набѣга горцевъ. Мы съ нею скоро сошлись, и она мнѣ призналась, что по вечерамъ бываетъ спокойна тогда только, когда въ окнахъ моихъ увидитъ огонь. Для нея это значило, что я дома, и она принималась за обычную свою молитву, въ которой не забывала испрашивать и скораго производства моего въ офицеры. Въ крѣпости всѣ любили и уважали почтенную Анну Ивановну, и по праздникамъ всѣ госпитальные чиновники ходили къ ней съ поздравленіемъ.

По окончаніи лѣтней экспедиціи, гвардейцы стали разъѣзжаться, и Раевскій пріѣхалъ въ Тамань. За взятіе Шапсуго меня произвели въ унтеръ-офицеры, и я счелъ долгомъ своимъ лично поблагодарить командующаго войсками и отправился къ нему съ этою цѣлью. Самъ Раевскій былъ произведенъ за экспедицію въ генералъ-лейтенанты, и мы оба, кажется, были довольны, хотя, при обоюдномъ нашемъ поздравленіи, Раевскій прибавилъ мнѣ: „C'est le premier pas qui coûte“ (*). Я хотѣлъ было напомнить генералу, что этотъ первый шагъ дѣлается мною во второй разъ въ мою жизнь, но, замѣтивъ многочисленный штабъ его окру-

(*) Важенъ первый шагъ.

жающій, удержался во время, припомнивъ кстати слова Вельяминова....

Возвращаясь отъ Раевскаго, я зашелъ къ коменданту Тамани маіору Дорошенкѣ, потомку славнаго Запорожца. Не знаю, каковъ былъ его предокъ; но мой знакомый былъ миролюбивѣйшимъ, прекраснымъ человѣкомъ, и всѣ его любили, въ особенности-же гвардейскіе офицеры, которыхъ комендантъ частенько выводилъ изъ бѣды, ссужая своими деньгами. Жена его была также хорошая женщина и любила всѣхъ декабристовъ, а меня отличала, присылая часто отличныхъ бѣлыхъ бубликовъ своего печенья.

Ѣздить въ Керчь зимою весьма опасно, и бываетъ періодъ времени, что даже отважные казаки на своихъ лодкахъ не рѣшаются на эти поѣздки. Наступила масляница, и я получилъ приглашеніе отъ Херхеулидзевой пріѣхать въ Керчь, съ первою возможностію. Но проливъ покрытъ былъ льдомъ, и случая не представлялось. Однажды получаю записку отъ коменданта съ извѣщеніемъ, что есть оказія переправить меня въ Керчь. Прихожу къ нему и застаю капитанъ-лейтенанта *Памфилова*, отправляющагося съ депешами къ Раевскому.

Онъ, во что бы то ни стало, долженъ быть сегодня вечеромъ въ Керчи и предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ это опасное путешествіе. Я согласился; но такъ какъ отъ берега ледъ еще не тронулся, то мы должны были достигнуть косы или выдавшагося мыса, верстъ на 6 впереди, на почтовой тройкѣ и тамъ только сѣсть въ почтовую лодку, которая уже перевезетъ насъ на твердую землю Крыма.

Благословясь, мы пустились въ путь и скоро достигли оконечности косы и казачьяго поста, тамъ стоявшаго. Памфиловъ съ телескопомъ полѣзъ на крышу, чтобъ лучше осмотрѣть проливъ и море, и хотя открылъ опытнымъ взглядомъ своимъ только чернѣющуюся дорожку межъ льдовъ, однако рѣшилъ, что надобно плыть. Мы отчалили отъ берега и стали лавировать межъ огромными льдинами. За версту, мы врѣзались въ ледъ такъ, что могли погибнуть; но подстрекаемые отважнымъ Памфиловымъ, всѣ выскочили изъ лодки на льдину, перетащили ее дружными усиліями въ открывшіяся воды и снова поплыли.

Опасность быть затертыми льдомъ и унесенными теченіемъ въ Черное море грозила намъ снова; но мы, на веслахъ, выждали прохода льда и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, пристали на Павловской батареѣ, а оттуда версты 4 должны были пѣшкомъ, по вязкой глинѣ, еще тащиться въ Керчь. Однакожъ въ 10 часовъ, къ ужину, я былъ у моихъ друзей, очень обрадовавшихся моему нечаянному пріѣзду, и прогостилъ у нихъ нѣсколько недѣль.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ (*).

30.

15 Сентября (1825).

Resumé. Вы находите, что позволеніе ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ; а я думаю, что шагъ назадъ. Но полно объ аневризмѣ. Онъ мнѣ надоѣлъ какъ наши журналы.

Жалѣю, что о Staël писалъ Мухановъ (или адъют. Раевскаго): онъ мой пріятель, и я бы не тронулъ его, а все-же онъ виноватъ. M-me Staël наша—не тронь ея. Впрочемъ я пощадилъ его. Какъ мнѣ жаль, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгой мунштукъ и выѣзжай его на досугѣ. Будутъ и стихи, но погоди немного.

Г. мнѣ живо напомнилъ Лицей. Кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и слѣдств. подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя—меня тошнитъ..... Но предлагаемое да ѣдятъ.

31.

(1825. Михайловское. Осенью).

Поздравляю тебя, моя радость, съ романтическою трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай да....! Юродивой мой—малой презабавной; Марина тебѣ понравится, ибо она Полька и собою преизрядна (въ родѣ К. О: сказывалъ это я тебѣ?) Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословитъ; цензура его не пропуститъ.—Жуковскій говоритъ, что Царь меня проститъ за трагедію. На-врядъ, мой милый! Хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ! Ты уморительно критикуешь Крылова. „Молчи, то знаю я сама; да эта крыса мнѣ кума“. Я назвалъ (1) его представителемъ *духа* Рускаго народа,—не ручаюсь, чтобъ онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался смердъ (см. Истор. Кар.) Дѣло въ томъ, что Крыловъ преоригинальная туша, графъ Орловъ (2) забавенъ, а мы розини и пр.

(*) См. выше, стр. 111.

(1) Въ статьѣ: „О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова,“ напечатанной въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, Сентябрь, № 17.

(2) Графъ Григорій Владиміровичъ, издатель басенъ Крылова на Французскомъ языкѣ.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ было уморительное письмо, да сжегъ. Тамошній архіерей отецъ Евгеній принялъ меня, какъ отца Евгенія (³). Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, далъ мнѣ переправить свои бстишки-съ. Вотъ каково! Прощай, мой милый.

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю; сижу орломъ
И боленъ праздностью поносной....

—

По твой затѣйливый навозъ
Пріятно мнѣ щекотитъ носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей....

Благодарствую, душа моя, и цалую тебя.... Съ тѣхъ поръ какъ я въ Михайловскомъ, только два раза хохоталъ: при разборѣ новой піитики басенъ и при посвященіи... Какъ же мнѣ не любить тебя? Какъ мнѣ предъ тобою не подличать? Но подличать готовъ, а переписывать, воля твоя, не стану: смерть моя и только.

32.

Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р., украденные Савеловымъ (*). Узнаю, что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу на дняхъ съ моего сельца С.-Петербурга.

(³) Т. е. какъ автора Евгенія Онѣгина.

(*) Кажется, это былъ крѣпостной слуга Пушкиныхъ.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ, на распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонте. Мы съ тобою, толкуемъ лишь о Полевомъ, да о Булгаринѣ—а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

Твоя статья о аббатствѣ Байрона? Что за чудо Д. Ж! Я знаю только 5 перв. пѣсенъ; прочитавъ первыя 2, я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это chef d'oeuvre Байрона и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ Англ. яз., и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là..... Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру. Мочи нѣтъ, сердитъ: не выспался.

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ Записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ. Его бы уличили, какъ уличили Рус-

со; а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ геніемъ. Поступокъ Мура (*) лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. Охота тебѣ видѣть его на .... Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости, она въ восхищеніи. *Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы!* Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ—не такъ какъ вы, иначе. Писать свои mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь какъ самаго себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ — невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропастью—на томъ, что посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно.

33.

(Клеймо почтовое: Опочка, 24 Сент. 1825).

Г... въ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ. Впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на Сѣверѣ; мы или сохнемъ, или гніемъ. Первое всетаки лучше. Отъ нечего дѣлать, я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи. Попроси его не говорить объ нихъ; не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивѣетъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни *Рѣжь меня.* Это очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельегорскому. Кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый ([1]). Отдай его Полевому и съ пѣсней. Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы. Видаешься ли ты съ ней? Ради Бога докажи Вас. Льв., что элегія на смерть *Ан. Льв.* не мое произведеніе, а какого-нибудь другаго беззаконника. Онъ восклицаетъ: „А она его сестрѣ 15,000 оставила!“ Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милонова ([2]). Дѣло въ томъ, что

(*) Уничтожившаго по смерти друга своего Байрона Записки его.

([1]) Цыгане усвоили себѣ эту пѣсню. Покойный М. А. Максимовичъ передавалъ намъ, какъ, въ его присутствіи, кто-то изъ знакомыхъ сказывалъ Пушкину, что одна Цыганка вмѣсто: *Рѣжь меня, жги меня* пѣла: *Рѣжь меня, бѣй меня.* Пушкинъ былъ чрезвычайно доволенъ и говорилъ, что въ слѣдующемъ изданіи поэмы непремѣнно сдѣлаетъ эту перемѣну.

([2]) Сатирикъ Милоновъ затронулъ въ

конечно Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ.

Сатирикъ и поэтъ любовный,
Нашъ Аристипъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нѣжный, тонкій, острый,
Мой дядюшка—не дядя твой;
Но, милый, Музы наши—сестры,
И такъ ты все же братецъ мой.

Variante — ***Василій Львовичъ, тонкій, острый.***

Кланяйся княгинѣ и сестрѣ. Некогда болѣе писать

34.

1825. Дек. 3.

Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то Альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть; избираю невиннѣйшія.

(При письмѣ приложены извѣстныя стихотворенія: *Совѣтъ*, *Соловей и Кукушка*, *Движеніе* и *Дружба*).

35.

(1826, Мая 24, Михайловское).

Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо что творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ ли ты мою Эду? Вручила ли она тебѣ письмо? Не правда ли, что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ *). Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливѣе чѣмъ Андрей Шенье, я за живо слышу голосъ вдохновенія.

Твои стихи къ Мн. Красавицѣ (ахъ извини: Счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата. Характеристика зла! Экой ты *неуимчивый*, какъ говоритъ моя няня. Семь Пятницъ—лучшій твой водевиль. Напиши жъ мнѣ что нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ.

Правда ли, что Баратынскій женится? Боюсь за его умъ. Законная жена родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ, я увѣренъ, что ты гораздо былъ бы умнѣе, если бы лѣтъ еще десять былъ

стихахъ своихъ В. Л. Пушкина. Тотъ добродушно замѣчалъ по этому случаю своимъ пріятелямъ: „А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ!“

*) Этими стихами князя П. А. Вяземскаго къ Ольгѣ Сергѣевнѣ Пушкиной начинается стихотворная часть Сѣверныхъ Цвѣтовъ 1826 года:

Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата;
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

холостой. Бракъ холодитъ душу. Прощай и пиши.

Михайловское.
Май
(Почтовый штемпель запечатаннаго чернымъ сургучемъ письма: Опочка, Мая 24, 1826).

36.

(Псковъ 1826. Іюнь).

Ты правъ, любимецъ Музъ. Воспользуюсь правами блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло ([1]). Долженъ-ли я тебѣ что нибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взялъ-ли съ тебя чего нибудь мой человѣкъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное поведеніе? Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полевова, друга нашего. Теперь не до того; а ей Богу, когда нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка ([2]). Читалъ я въ газетахъ, что Lancelot въ П. Б. Чортъ-ли въ немъ? Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ. Кто эти безсмертные? Считаю по пальцамъ и не досчитаюсь. Когда пріѣдешь въ П. Б., овладѣй этимъ Lancelot (котораго я нисколько не помню) и не пускай его по кабакамъ отечественной словесности. Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При Англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ m-me de Stæl заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русской баринъ кричитъ: Мальчикъ! Забавляй Гекторку (Датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если Царь дастъ мнѣ *слободу*, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые карабли, Англ. журналы, или Парижскіе театры и б..., то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его и спросишь съ милою улыбкой: Гдѣ же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится *). Ай-да умница! Прощай.

([1]) Относится къ упомянутой выше Эдѣ.

([2]) Извѣстный путешественникъ, издавшій потомъ книгу: Six mois en Russie (Шесть мѣсяцевъ въ Россіи).

*) Что Пушкинъ, находившійся тогда подъ гнетомъ семейныхъ непріятностей и правительственной опалы, дѣйствительно имѣлъ мысль бѣжать въ чужіе краи, свидѣтельствуется письмомъ П. А. Осиповой къ Жу-

Думаю, что ты уже въ П. Б. и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ, что не прощусь съ Карамзиными *). Богъ знаетъ, свидимся-ли когда нибудь.

Я теперь въ Псковѣ, и молодой докторъ спьяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ. Незабавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ.

37

(1826. Іюня 10. Михайловское)

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во первыхъ, что̀ ты называешь моими эпиграмами противу Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда К. меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ни чуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый, слышишь обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшишь: это Шемякинъ судъ. Естьли ужъ Вяземскій,—такъ что̀ же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю. Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ они холодны, глупы и низки. Неужъ-то ни одна Руская душа не принесетъ достойной дани его памяти! Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это будетъ 13 томъ Руской Исторіи. Карамзинъ принадлежитъ Исторіи. Но скажи все.... [1]). Я писалъ тебѣ въ Пб., еще не зная о смерти К. Получилъ ли ты это письмо? Отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ. Я уже писалъ Царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами [2]). Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Еслибъ я былъ потребованъ Коммиссіей, то я бы конечно оправдался; но меня оставили въ покоѣ, и кажется это не къ добру. Впрочемъ чортъ знаетъ. Прощай, пиши. Что̀ Катенинъ дѣлаетъ.

10 Іюня.

ковскому (Р. Архивъ 1872 г. стр. 2361). Но не было ли это также, какъ въ 1824 году въ Одессѣ, лишь минутнымъ настроеніемъ?

*) Собиравшимися за границу для излеченія историографа.

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

[2]) Это прошеніе, коимъ отчасти опредѣлилась дальнѣйшая судьба Пушкина, остается доселѣ неизданнымъ, и мы не знаемъ, гдѣ искать столь важную для его біографіи бумагу

38.

14 Авг. (1826, Михайловское).

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ [1])?
Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ—земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ—
Тиранъ, предатель или узникъ [2]).

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другаго раза. Правда ли, что Николая Т. [3]) привезли на кораблѣ въ Пб.? Вотъ каково море наше хваленое! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшаны, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ Записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ только для тебя. Прощай, душа.

14 Августа.

Ты находишь письмо [4]) мое холоднымъ и сухимъ. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

Адресъ: Барону Антону Антоновичу Дельвигу въ С.-Петербургѣ въ Большой Милліонной, въ домѣ д-ра Эвтингъ для дост. князю П. А. Вяземскому.

[1]) И этотъ (1826) годъ, какъ и предъидущій, князь П. А. Вяземскій ѣздилъ на морское купанье въ Ревель.

[2]) Писано вскорѣ послѣ казней 13 Іюля 1826 года.

[3]) Н. И. Тургенева.

[4]) Т. е. письмо къ Государю.

39.

(Михайловское, 1826, 9 Ноября).

Вотъ я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно безъ всякихъ замѣчательныхъ пасажей; самый непріятный анекдотъ было то, что сломались у меня колесы, растресенныя въ Москвѣ другомъ и благопріятелемъ моимъ г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла, какъ-то, по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни—ей Богу пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лѣтъ она выучила наизустъ новую молитву *о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости*, молитвы, вѣроятно сочиненной при Ц. Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ. Получила-ли княгиня поясы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь. Въ П.Б. не поѣду; буду у васъ къ 1-му... Она велѣла (*)! Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ.—

*) Это на сей разъ была дальная родственница поэта, сестра г-жи Зубковой, дѣвица Пушкина, вышедшая впослѣдствіи за г. Панина.

Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей Богу грустно. И такъ никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Эта черная работа журнала; вотъ за чѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1) знать граматику Рускую 2) писать со смысломъ, т. е согласовать существ. съ прилаг. и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцова и Ростопчина, и согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими имянами. Впрочемъ ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полевова ты пошлешь къ... Прощай, князь Вертопрахинъ; кланяйся княгинѣ Вѣтронѣ, которая, надѣюсь, выздоровѣла. Что̀ наши? Что̀ Запретная Роза? Что̀ Т.? Какъ жаль что̀ я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу; но и это не ушло.

9 Ноября.

Сей часъ прочелъ мои листы о Карамзинѣ. Нечего печатать. Соберись съ духомъ и пиши. Что̀ ты сдѣлалъ для Дмит. (котораго N.B. ты одинъ еще поддерживаешь), то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина. Не Дмитріеву чета! Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что̀ изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать *). Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. Ахъ! Каламбуръ: скажи княгинѣ, что она всю прелесть Московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

40.

(Псковъ, 1 Декабря 1826).

Ангелъ мой Вяземской, или пряникъ мой Вяземской, получилъ я письмо твоей жены и твою приписку. Обоихъ васъ благодарю и ѣду къ вамъ и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ!.... Изъясню послѣ.—Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ вмѣсто того, чтобъ писать 7-ю гл. Онѣгина, я проигрывалъ въ штосъ

*) За много лѣтъ назадъ, въ 1818 или 1819 гг., князь Вяземскій полушутя сказалъ Пушкину, что онъ завидуетъ стихамъ И. И. Дмитріева. Пушкинъ вспыхнулъ и не отвѣчалъ тогда ни слова, а отозвался только въ 1826 году. Такъ былъ онъ чутокъ и памятливъ.

четвертую. Не забавно! Отовсюду получалъ письмы и всюду отвѣчаю.— Adieu, couple si étourdi en apparence. Adieu, князь Вертопрахъ и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня недостаетъ уже и собственной простоты для переписки.

1 Дек. Псковъ.

При семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сушкова) для дост. Киселеву-вой-вымъ, какъ хошь.

Годъ означенъ на почтовомъ штемпелѣ: 1826 Псковъ. На адресной сторонѣ рисунокъ перомъ, изображающій летящаго голубя, фіалку и пылающее сердце.

41.

(14 Марта 1830. Москва.).

Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица, попавшіяся мнѣ на встрѣчу, были Н. Гончарова и княгиня Вѣра; а вслѣдъ за ними братья Полевые. Пріѣздъ Государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе ([1]). Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени Царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ, что все произошло отъ недоразумѣнія, что Государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноватъ Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ, что онъ радуется оправданію своему предъ Московскимъ дворянствомъ, что ему остается испросить прощенія, или лучше примиренія графини Потемкиной, и такимъ образомъ все кончено, и всѣ довольны.

Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу. Онъ извинялся передъ Потемкиной. Quand à m-de Карцовъ ([2]), tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantoit... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, général, qu'elle chantoit faux. Отселѣ изъясненія. Puisque nous sommes sur le pied de la franchise, vous me permettrez, général, de vous demander la réhabilitation de mon mari. Онъ сказалъ ей, что не доволенъ твоимъ меморіемъ. Я не читалъ его: что̀ такое? Ты жалѣешь о томъ, что тебя не было въ Москвѣ; а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибилевъ сами по себѣ, а ты самъ по себѣ. Не должно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты бы былъ конечно включенъ въ общую амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія, а не при сей вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица, а вотъ что важно: Киселевъ женится

([1]) Объясненіе этого письма см. ниже въ Старой Записной Книжкѣ, въ разсказѣ о Сибилевѣ. Къ великой славѣ покойнаго Государя служитъ то, что онъ тотчасъ замѣтилъ избытокъ усердія своей полиціи и лично явился въ Москву ослабить впечатлѣніе, произведенное арестомъ графа Потемкина и другихъ посѣтителей Французскаго частнаго театра.

([2]) Карцова содержала частный Французскій театръ въ Москвѣ.

на Л. Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы. Вчера обѣдалъ я у Дмитріева съ Жихаревымъ. Дмитріевъ сердитъ на Полевова и на цензора Глинку; я не теряю надежды затащить его въ полемику, дай срокъ. Прощай, помни меня на вечерѣ у Катерины Андреевны ([3]) и пиши мнѣ къ *Копу* ([4]).

14 Марта.

Запечатай и отошли записку Гагарину театральному.

Адресъ:

Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, *въ С. Петербургѣ*, на Моховой, въ домѣ Межуева.

42.

(15 Марта. Москва. 1830).

У меня есть на столѣ письмо, уже давно къ тебѣ написанное. Я побоялся послать его тебѣ по почтѣ. Жена твоя вѣроятно полнѣе и дѣльнѣе разсказала тебѣ, въ чемъ дѣло. Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи революціи Петра ([5]). Вотъ тебѣ случай писать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ Европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу. Что̀ твое здоровье? Каковъ ты съ министрами? И будешь-ли ты въ службѣ новой? Знаешь-ли ты, кто въ Москвѣ возвысилъ свой опозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ. Каковъ? Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжую, не смотря на слезы Лиз. Львовны и нѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны. Москва утихла и присмирѣла. Жду концертовъ и шуму *за проектъ*. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ Моск. Клуба. Прощай, кланяюсь твоимъ. Не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ, что я развращаюсь.

16 Марта.

ПРИПИСКА НЕИЗВѢСТНАГО ЛИЦА.

При сей вѣрной оказіи, не могъ я преминовать, чтобы и мнѣ не засвидѣтельствовать вамъ покорнаго почтенья, мой любезнѣйшій князь Петръ Андрѣ-

([3]) Карамзиной.

([4]) Это была гостинница въ нынѣшнемъ домѣ Обидина, близь Тверской, въ Глинищенскомъ переулкѣ.

([5]) Этотъ проэктъ не удался вслѣдствіе несогласія Великаго Князя Константина Павловича, которому Государь, изъ братской вѣжливости, посылалъ на разсмотрѣніе всѣ важнѣйшія государственныя бумаги и который въ понятіяхъ своихъ водился внушеніями Поляковъ. Польскій мятежъ 1830 года былъ отчасти отвѣтомъ на благія намѣренія Николая Павловича относительно облегченія участи народныхъ массъ. Магнаты испугались освобожденія своихъ хлоповъ и захотѣли устрашить насъ мятежемъ. Сличи „Девятнадцатый Вѣкъ,“ кн. 2-я, стр. 176.

евичь. Желалъ бы писать гораздо и пространнѣе, но истинно такъ, такъ утомленъ удовольствіями, которыя намъ счастливымъ Москвичамъ доставило внезапное прибытіе Государя Императора. Право, князь, еще не могу отдохнуть и опомниться.

43.

(Москва 1830. Мартъ).

Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отыскапъ въ бумагахъ Миллера, *надорванный* вѣроятно въ присутствіи и вѣроятно сохраненный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ *Лит. Газ.* (*) Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность, оставя въ рукахъ ея не плащъ, а рубашку (справься у к. Мещерской). Она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефрейхи. Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою; сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно. Но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ кромѣ графа П. Жену твою вижу часто, т. е. всякій день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ, Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можетъ обойтиться безъ вспоможенія, но все таки лучше бы. Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче. Строевъ написалъ table des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать; поговори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству.

Въ доносѣ пропущено слово *оскорбляя*. Батюшковъ умираетъ (¹).

(*) Порученіе Пушкина было исполнено, и документъ этотъ появился въ Литературной Газетѣ 1830 года.

44.

ПИСЬМО КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ (²).

(1830. Весна).

Vous avez raison de trouver *l'âne délicieux* (²). C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo. J'y vois plus de talent que dans le *dernier*

(¹) Больной Батюшковъ, до водворенія своего въ Вологдѣ, лечился въ Москвѣ, но безуспѣшно.

(²) Найдено между письмами къ князю П. А. Вяземскому.

(³) L'âne et sa femme guillotinée, романъ Жюль Жанена.

jour où il y en beaucoup.—Quand à la phrase qui vous a embarassé, je vous dirai d'abord de ne pas prendre au sérieux tout ce qu'avance l'auteur. Tout le monde a préconisé le premier amour, il a trouvé plus piquant de parler du second. Peut-être a-t-il raison. Le premier amour est toujours une affaire de sentiment: plus il fut bête, et plus il laisse de souvenir délicieux. Le second est une affaire de volupté—voyez vous. On pourrait pousser le parallèle beaucoup plus loin; mais je n'en ai guère le tems. Mon mariage avec Natalie (qui par parenthèse est mon cent troisième amour) est décidé. Mon père me donne 200 paysans que j'engage au Lombard, et vous, chère princesse, je vous engage à être ma посаженая мать.

A vos pieds A. P.

Erratum. Variante, après *200 paysans:* je les engage au Lombard, et vous, divine princesse, à être ma посаженая мать.

45.

(Москва 1830.) 2 Мая.

Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравленія и мадригалы. Я въ точности передамъ ихъ моей невѣстѣ. Правда ли, что ты собираешься въ Москву? Боюсь графини Ф. Она удержитъ тебя въ П. Б. Говорятъ, что у Канкрина ты при особыхъ порученіяхъ, а настоящая твоя служба при ней. Пріѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену, а мы поговоримъ объ газетѣ или альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожъ его газета хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ; должно принять въ союзницы или моду или политику. Соперничествовать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Не ужъ-то Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Не ужъ-то кромѣ Сѣв. Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до Сентября? Не ужъ-то нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и неприлично правительству заключать союзъ—съ кѣмъ? Съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ, по своему обыкновенію, пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься (*).

(*) Предположеніе Пушкина вполнѣ оправ-

Отчего не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изд. Фонтана? Не ужъ-то мой цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, какъ и за чѣмъ.

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева. Жаль, что представлю его не въ прежнемъ его видѣ, доставившемъ ему камергерство (*). Она болѣе благоговѣла бы передъ родственнымъ его брюхомъ. Дядя В. Л. также плакалъ, узнавъ о моей помолвкѣ. Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ, чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ. Сказывалъ ты Катеринѣ Андр. о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи; но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ счастливому.

Прощай, мой милый; обнимаю тебя и Жуковскаго.

2 Мая.

Адресъ:
Князю Петру Андреевичу Вяземскому. *Въ С-Петербургъ.* На Моховой въ домѣ Межуевой.
На почтов. штемпелѣ *Москва*, 3 Мая, 1830.

46.

5 Ноября (1830. Болдино).

Отправляюсь, мой милый, въ зачумленную Москву, получивъ извѣстіе, что невѣста ея не покидала. Что у ней за сердце! Твердою дубовою корой, тройнымъ булатомъ грудь ея вооруженна [1]), какъ у Горацієва мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое, хотя безтемпераментное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ, о холерѣ. Наконецъ и отъ тебя получилъ извѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Вотъ! Да развѣ не видишь ты, что мечутъ намъ чистый баламутъ, а мы еще понтируемъ! Ни одной карты на лѣво, а мы все таки лѣземъ. По дѣломъ, если останемся голы какъ бубны [2]).—Здѣсь я кое-что написалъ; но досадно, что не получалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться и отдѣлалъ бы ихъ на ихъ же манеръ. Въ полемикѣ мы скажемъ съ тобою: и нашего тутъ капля меду есть.—Радуюсь, что ты принялся за Ф. Визина. Что ты ни скажешь о немъ или кстати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истинѣ (т. е. о точности примѣненія истины) нечего тебѣ заботиться: пуля виноватаго сыщетъ. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны этихъ пуль-дуръ. Собери-ка свои статьи критическія;

далось. Булгаринъ, состоя въ близкихъ отношеніяхъ съ канцеляріею шефа жандармовъ, не замедлилъ погубить Дельвига и оклеветать людей, которые могли быть ему опасными совмѣстниками въ газетномъ дѣлѣ.

(*) См. Старую Записную Книжку въ Р. Архивѣ, 1873, стр. 1982.

---

[1]) Стихъ И. И. Дмитріева.

[2]) Пушкинъ не могъ знать причинъ, которыя побудили тогдашнее правительство задержать дальнѣйшій ходъ благодѣтельныхъ преобразованій. См. выше, примѣчаніе 5-е къ письму 42-му.

посмотри что за перестрѣлка подымется [1]). — Когда-то свидимся? Заѣхалъ я въ глушь Нижнюю, да и самъ не знаю, какъ выбраться. Точно еловая шишка: вошла хорошо, а выдти, такъ и шершаво. Кстати, о Л. голенькой не имѣю никакого извѣстія. О Полиньякѣ тоже. Кто платитъ за шампанское, ты или я? Жаль, если я [2]). Кабы зналъ, что заживусь здѣсь, я бы съ ней завелъ переписку въ засосъ, т. е. на всякой почтѣ по листу кругомъ,—и читалъ бы въ Нижегородской глуши le Tems et le Globe. Каковъ Государь? Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ простить. Дай Богъ ему здоровье. Дай Богъ вамъ всѣмъ здоровье, друзья. Покамѣстъ желать лучшаго нечего. Здѣсь крестьяне величаютъ господъ титломъ ваше здоровье: титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значатъ.

5 Ноября.

47.

2 Янв. 1831. (Москва).

Стихи твои прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ въ Альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издастъ къ масленицѣ Альманахъ *Блинъ*. Жаль, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь-ли ты ему Обозы, а Дѣвичій Сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полеваго. Пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь-ли ты, какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ *отъ издателей въ знакъ искренняго почтенія*. Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Немезидѣ. Все это прекрасно, однако жаль: въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены [1]), да скоромщина Французская и отечественная; а впрочемъ странно читать многое напечатанное. Сѣв. Цв. что-то блѣдны. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглой годъ ничего самъ не написавшій и издавшій свой Альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ у тебя буду [2]). Съ удовольствіемъ привезу и шампанское; радуюсь, что бутылка за мною. Съ П. [3]) я помирился. Его вторичное заточеніе въ Венсенѣ, меридіанъ, начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ-Скотта, все это романически-трогательно, а все таки палата права. Рѣчьми адвока-

---

[1]) Къ сожалѣнію, эта мысль Пушкина доселѣ не приведена въ исполненіе.

[2]) Споръ шелъ о томъ, отдадутъ или нѣтъ Французскихъ министровъ Карла X-го подъ судъ. Пушкинъ, утверждавшій, что они будутъ подвергнуты суду, проигралъ.

[1]) Борисъ Годуновъ печатался въ Петербургѣ *съ разрѣшенія правительства.*

[2]) Т. е. въ Остафьево, подъ Москвою.

[3]) Съ Полиньякомъ.

товъ я не доволенъ—всѣ онѣ робки. Одинъ Ламене въ состояніи былъ-бы aborder bravement la question. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано: il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre. Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку V. C. P.*) противу тыс. руб., что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Денисъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый Eloge Раевскаго. Мы совѣтуемъ написать ему жизнь его. Кирѣевскій нашъ здѣсь. Вечоръ видѣлъ его. Лиза пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо. Кажется, послѣднія происшествія произвели на П. Б-ое общество сильное дѣйствіе. Еслибъ я былъ холостъ, то съѣздилъ бы туда. Новый годъ встрѣтилъ я съ Цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ: пріѣхали сани.

	Давыдовъ съ ноздрями,
	Вяземскій съ очками,
Д - Митюша	Гагаринъ съ усами,
В—Петруша	Дѣвокъ испугали
Г—Ѳедюша	И всѣхъ разогнали и проч.

Знаешь-ли ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ. До свиданія.

48.

Постараюсь взять отпускъ и пріѣхать на имянины къ тебѣ. Но не обѣщаюсь. Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ собирается. Вчера видѣлъ я кн. Юсупова и исполнилъ твое препорученіе: допросилъ его о Ф. Визинѣ и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ Ф. Визина, которой нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'était un autre Beaumarchais pour la conversation. Онъ знаетъ пропасть его bon-mots, да не припомнитъ. А покамѣстъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Майковъ, трагикъ, встрѣтя Ф. Визина, спросилъ у него, заикаясь по своему обыкновенію: Видѣлъ ли ты мою Агріопу?—Видѣлъ.—Что̀ жъ ты скажешь объ этой трагедіи?—Скажу: Агріопа ...... Остро и неожиданно! Не правда-ли? Помѣсти это въ біографію, а я скажу тебѣ спасибо. Что̀ до Телескопа (другая Агріопа), то у меня его покамѣстъ нѣту. Да напиши къ Салаеву, чтобы онъ тебѣ всю эту дрянь прислалъ. Твою статью о Пушкинѣ *) пошлю къ Дельвигу. Что̀ ты чужихъ прикармливаешь? Свои голодны. Максимовичу однакожъ отдалъ Обозы, скрѣпя сердце. Кланяюсь княгинѣ и благодарю за любезный зовъ. О Польшѣ не слыхать. Въ Англіи, говорятъ, бунтъ: чернь сожгла домъ Веллингтона. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

*) Т. е. Veuve Cliquot Pontchadrin: клеймо шампанскаго знаменитой фирмы.

*) Т. е. объ умершемъ не задолго передъ тѣмъ В. Л. Пушкинѣ.

49.

(На клочкѣ карандашомъ).

(1831).

Къ тебѣ собираюсь [1]). Но по службѣ долженъ провести сегодняшній и завтрашній день въ Москвѣ у невѣсты. Сѣв. Цв. еще не получилъ. Борисъ Г. здѣсь, но у меня его еще нѣтъ. Поклонъ мой всѣмъ вамъ.

50.

(1831. Генварь).

Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ Пб.: Дельвигъ умеръ гнилою горячкою. Сегодня ѣду къ Салтыкову; онъ вѣроятно уже все знаетъ. Оставь Адольфа у меня—на дняхъ перешлю тебѣ нужныя замѣчанія.

Арабъ (женскаго р. не имѣетъ), житель или уроженецъ Аравіи, Аравитянинъ. *Караванъ былъ разграбленъ степными Арабами.*

Арапъ, ж. Арапка, такъ обыкновенно называютъ Негровъ и Мулатовъ. *Дворцовые Арапы:* Негры, служащіе во дворцѣ. *Онъ выѣзжаетъ съ тремя парадными Арапами.*

Арапникъ, отъ Польскаго *Harapnik* (de harap, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. *Reiff*) NB. *Harap* vient de *Herab*.

А право не худо бы взяться за лексиконъ, или хоть за критику лексиконовъ.

[1]) Т. е. въ село Остафьево, гдѣ князь П. А. Вяземскій въ этомъ году проводилъ и зимніе мѣсяцы.

Письмо Пушкина къ барону Дельвигу *).

Брови царь нахмуря,
Говорилъ: вчера
Повалила буря
Памятникъ Петра.
Тотъ перепугался.
«Я не зналъ! Ужель?» —
Царь расхохотался.
—Первый, братъ, Апрѣль!
Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца:
Вѣшаютъ за моремъ....
Т. е. разумѣю
Вдругъ примолвилъ онъ:
Вѣшаютъ за шею;
Строгъ у нихъ законъ.

Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристова. Поцѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ подъ Полоцкихъ Езуитовъ. Благословляю его во имя Ѳеба и Св. Бобонія безносаго.

Писалъ я брату объ Андреѣ Шенье. Впрочемъ твоя святая воля. Я боюсь, чтобъ томъ *Разн. Ст.* не былъ слишкомъ тонокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до *отъ Ричардсона безъ ума*, да еще конецъ отъ *своимъ Пенатамъ возвращенный.* Какъ ты думаешь? Отпиши, покамѣстъ еще не женатъ. Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему Арзамасцу, будущему своему тестю, а изъ жены своей сдѣлай Арзамаску—непремѣнно. Жду писемъ.

*) Нашлось между письмами къ князю П. А. Вяземскому.

ПАМЯТЬ О 1812 ГОДѢ *).

Наступило 1-е Октября. Съ самаго сего дня генералъ Бенигсенъ не переставалъ каждый день ѣздить къ фельдмаршалу, чтобы склонить его напасть на непріятеля, находившагося близъ села Тарутина, подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля Мюрата; но фельдмаршалъ долго удерживался на разрѣшеніе сего, и не прежде какъ только 4 числа согласился. Изъ сего было видно, что Бенигсенъ успѣлъ убѣдить его представленіемъ ему составленнаго имъ плана, и что наступило самое удобное къ тому время: тогда и фельдмаршалъ изъявилъ согласіе, чтобы подъ главнымъ начальствомъ Бенигсена съ нѣсколькими корпусами приступить къ атакѣ. И такъ, возвратясь отъ фельдмаршала, Бенигсенъ объявилъ намъ, чтобы мы къ 7-му часу вечера готовы были сопровождать его, при чемъ приказано было, чтобы какъ можно болѣе соблюдалась тишина, дабы никакъ не могло быть слышно непріятелю, что мы приближаемся. И только что начало разсвѣтать, открылась съ нашей стороны атака. Первымъ непріятельскимъ ядромъ унесло у насъ храбраго и достойнаго начальника 2-го корпуса генерала Багговута, котораго не болѣе какъ за четверть часа назадъ видѣлъ я разговаривающимъ съ Бенигсеномъ. Что дѣлать! Потужили и начали продолжать свое дѣло; а мѣсто Багговута, какъ старшій по немъ, заступилъ генералъ-лейтенантъ Олсуфьевъ. Съ симъ вмѣстѣ отрадно было видѣть, въ какомъ безпорядкѣ и смятеніи находился непріятель, вовсе не ожидавшій такого внезапнаго нападенія; они расположились въ сіе время, на разостланныхъ по травѣ коврахъ, пить чай, при нѣкоторыхъ находившихся съ ними женщинахъ; и какъ только они насъ увидѣли, то опрометью начали бѣжать, сами не зная куда и не успѣвая ничего съ собою захватить, такъ что и мнѣ пришлось взять чашку съ горячимъ еще чаемъ. Я вылилъ изъ нея чай и положилъ къ себѣ на память въ карманъ, какъ первую военную добычу; еще завладѣлъ я въ богатомъ краснаго сафьяна съ золотымъ обрѣзомъ переплетѣ Французскою библіею, съ эстампами, вѣроятно похищенною Французами въ Москвѣ, можетъ быть изъ библіотеки графа Бутурлина, судя по богатому переплету. И какъ было не радоваться, когда въ первый только разъ, во время всей войны, въ такомъ безпорядкѣ непріятели бѣжали, и безпрестанно были преслѣдуемы со всѣхъ сторонъ, что продолжалось до самой ночи. Видимымъ образомъ сохранилъ меня въ сей день Господь. Ѣхалъ со мною въ то время Бестужевъ Сергѣй Ивановичъ, какъ вдругъ былъ пораженъ ядромъ; у него оторвало правую ногу, и онъ упалъ съ лошади. Онъ и не былъ обязанъ даже быть въ сраженіи, потому что служилъ аудиторомъ, а поѣхалъ изъ одного любопытства. Какъ, во время войны, равнодушно смотрятъ на подобные случаи! Всѣ только обернулись и сказали: «это аудиторъ!» и продолжали ѣхать далѣе; но мнѣ стало жаль оставить его лежащаго на землѣ, и я поспѣшилъ доѣхать до близъ находящихся казаковъ и приказалъ имъ отвезти его въ ближайшую деревню, а самъ догналъ своихъ. Во время продолженія сего дѣла принцъ Ольденбургскій, деверь Великой Княгини Екатерины Павловны, желая показать свои услуги, подъѣхалъ къ генералу Бенигсену, подлѣ котораго и я въ то время находился, и спро-

---

*) См. выше, стр. 95.

силъ его, неугодно ли будетъ ему приказать подвинуть близъ стоявшую батарею противъ имѣвшейся не въ далекѣ непріятельской пѣхоты? Генералъ изъявилъ на то свое согласіе, и принцъ тотчасъ отправился къ батареѣ. Зная, что Его Высочество не совсѣмъ свободно могъ объясняться на Русскомъ языкѣ, счелъ я нелишнимъ за нимъ послѣдовать; и дѣйствительно, когда онъ подъѣхалъ къ батареѣ и скомандовалъ такъ: артиллерій *впрудъ*, тогда я послѣ него повторилъ: «артиллерія впередъ», послѣ чего принцъ возвратился къ генералу, а я еще нѣсколько минутъ тутъ оставался, желая видѣть, чтò изъ того произойдетъ. Но когда я замѣтилъ, что вся пѣхота на меня прицѣлилась и начала пускать пули, то я счелъ тоже нужнымъ къ генералу Бенигсенъ возвратиться. Въ семъ же дѣлѣ получилъ контузію въ ногу и самъ Бенигсенъ, но оставался до конца сраженія на лошади. Непріятеля преслѣдовали въ сей день далѣе 15 верстъ, и когда день уже начиналъ склоняться къ вечеру, то Бенигсенъ со всею своею свитою поѣхалъ къ фельдмаршалу, не въ дальнемъ разстояніи находившемуся. Мы застали его въ полѣ, сидящаго на табуретѣ, окруженнаго своею свитою и многими генералами. Тутъ Бенигсенъ словесно доносилъ ему о происшествіяхъ того дня, о томъ, сколько было убито у непріятеля, сколько взято было въ плѣнъ, о числѣ взятыхъ пушекъ и о множествѣ захваченныхъ экипажей короля Неаполитанскаго, обѣщая на другой день представить подробный рапортъ обо всемъ. Послѣ сего мы возвратились въ свою квартиру, въ деревню *Леташевку*, чрезвычайно усталые, потому что не сходили цѣлые сутки съ лошадей. Примѣчено было мною, что не всѣ могутъ быть равнодушны къ летающимъ ядрамъ; одинъ, котораго не назову по имени, никакъ не могъ прямо держаться на лошади, а всегда наклонялъ свою голову, когда видѣлъ летящее ядро, тогда какъ онъ самъ долженъ былъ знать, что ядро, которое видишь, не убиваетъ, а того, которое убиваетъ, не примѣтишь; но при всемъ томъ невольнымъ образомъ не въ силахъ былъ онъ себя преодолѣть, и съ нимъ дѣлались тошнота и рвота.

Черезъ два дня, я навѣщалъ бѣднаго Бестужева, у котораго нога уже была отнята, и въ то время снимали съ него портретъ, который просилъ онъ препроводить къ своей женѣ и дѣтямъ. Онъ очень благодарилъ меня за то, что я посѣтилъ его. Чрезъ нѣсколько дней онъ окончилъ жизнь.

На другой день Тарутинскаго дѣла, генералъ Бенигсенъ препроводилъ свой подробный рапортъ къ фельдмаршалу. Мнѣ пожелалось списать съ него копію, чтò мною и было исполнено съ помощію Николая Дмитріевича Дурнова, котораго просилъ я вмѣстѣ со мною провѣрить, не найдется ли какой ошибки; и когда я началъ читать такъ: *Je m'empresse de mettre sous les yeux de votre altesse le rapport de l'action qui a eu lieu*, то слушавшій насъ острякъ графъ Ираклій де Полиньякъ остановилъ меня, сказавъ: — «Вотъ уже при самомъ началѣ большая ошибка». Я спросилъ его: «Да какая же ошибка, скажите мнѣ». На это онъ отвѣчалъ: «Какъ же вы читаете *sous les yeux de votre altesse?* Вѣдь извѣстно, что фельдмаршалъ видитъ однимъ глазомъ, слѣдовательно это неправильно». На сіе отвѣчалъ я ему, что «я придерживаюсь вѣрности оригинала, а потому позвольте уже мнѣ хоть на бумагѣ оставить фельдмаршала съ обоими глазами, также и потому, что нѣкоторые смотрятъ въ оба, но не столь ясно видятъ, какъ онъ одимъ».

Въ скоромъ времени принцъ Ольденбургскій пожалованъ былъ орденомъ Св. Георгія 2 степени, а генералъ Бенигсенъ графскимъ достоинствомъ.

Можно смѣло сказать, что Тарутинское

дѣло положило начало всѣхъ нашихъ будущихъ побѣдъ и причинило совершенную гибель Наполеона и всей его арміи. На другой же день Неаполитанскій король извѣстилъ его о проигранномъ сраженіи, въ слѣдствіи чего Наполеонъ повелѣлъ тотчасъ своему войску выступать изъ Москвы, и 11 Октября она была уже очищена. Злоба его простерлась до того, что онъ, желая отмстить за свою неудачу, приказалъ при выходѣ взорвать Кремль, для чего были проведены мины; но ему удалось взорвать только одну пристройку къ Ивану Великому, какъ будто для обличенія его злобы, и дабы онъ не могъ послѣ сказать, что не отдавалъ сего варварскаго повелѣнія. Соборы же всѣ остались невредимыми, исключая внутренняго ихъ ограбленія. Всѣ остававшіеся въ Москвѣ пересказывали, что, во время этаго взрыва, пролился такой дождь, каковаго никто не запомнитъ, какъ будто, по сказанію о всемірномъ потопѣ, всѣ небесныя хляби отверзлись, что и воспрепятствовало минамъ исполнить свое дѣйствіе. Еще часть арсенала была взорвана, и цѣлая половина соприкосновенныхъ къ нему Никольскихъ воротъ; но и тутъ оказалось новое чудо: не только находящаяся на воротахъ икона святителя Николая, но и стекло, покрывающее ликъ его, и фонарь, висѣвшій передъ образомъ, остались въ цѣлости. Свидѣтельствомъ сего служитъ доска съ подписью, помѣщенная подъ образомъ по повелѣнію Государя Императора; а кто пожелаетъ видѣть, въ какомъ видѣ оставались ворота по взрывѣ, то можетъ увидѣть таковое изображеніе въ сѣняхъ Троицкаго подворья, у митрополита Московскаго, какъ только взойдешь на его лѣстницу.

Время мнѣ возвратиться къ прерванной нити моего разсказа и о послѣдствіяхъ, бывшихъ послѣ Тарутинскаго дѣла. Началось дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля. Весь планъ сего преслѣдованія заключался въ томъ, чтобы какъ можно не допускать его удаляться изъ Россіи по вновь избранной имъ дорогѣ, а всячески обращать его на ту же, по которой приблизился къ Россіи. Пробрались они какъ-то къ Малоярославцу, но такъ какъ и тутъ встрѣтили ихъ не съ хлѣбомъ и солью, а съ пушками, то опять вынуждены они были обратиться на назначаемую нами Смоленскую дорогу.

22 Октября подъ Вязьмою имъ не совсѣмъ понравилось, потому что порядочно ихъ угощали тѣми же пушками. Погода стояла прекрасная; такъ было жарко, что я принужденъ былъ разстегнуть мундиръ. Не помню подобной погоды въ толь позднее время года. Англійскій генералъ Вильсонъ не отставалъ отъ Бенигсена и все уговаривалъ его подвигаться впередъ, увѣряя, что непріятель уже выгнанъ изъ Вязьмы, и чтобы намъ ѣхать почевать туда: *Allons coucher à Viasma, Viasma est evaqoué*; но генералъ нашъ не рѣшался исполнить его желанія, потому что еще оставалась тамъ нѣкоторая часть Французовъ. На другой же день начали опять преслѣдовать непріятеля и приближаться къ городу Красному, и тутъ уже очень примѣтно стало, въ какомъ разстроенномъ положеніи находилось непріятельское войско. По проходимому нами пути множество лежало убитыхъ или изнемогающихъ людей. Тутъ же случилось мнѣ встрѣтить огромную Французскую пушку, къ намъ везомую. Вы, можетъ, подумаете лошадьми? Нѣтъ, подъ нее заложены были 40 человѣкъ плѣнныхъ Французовъ, которыхъ погонялъ одинъ только казакъ, держа нагайку и покрикивая: Марширъ впередъ, и эти 40 человѣкъ должны были повиноваться одному казаку, изнуренные, кто въ лохмотьяхъ, кто безъ сапоговъ, и судя по человѣчеству достойны были сожалѣнія.

5-го и 6-го Ноября, подъ Краснымъ, были не малыя и продолжительныя сра-

женія, въ которыхъ не малое число положено непріятельскаго войска. Иные добровольно отдавались въ плѣнъ отъ претерпѣваемаго голода и начавшей усиливаться стужи. Плѣнныхъ гнали къ намъ большими партіями; но 8 числа Ноября сдѣлалась большая оттепель и когда мы выѣхали въ поле, то совершенно все распустилось, и порядочная сдѣлалась грязь. Тѣла убитыхъ, которыми тутъ усыпано было поле, замерзли; но когда сдѣлалась оттепель, то всѣ оттаяли и производили нестерпимое зловоніе. По счастію при мнѣ находился флаконъ съ уксусомъ четырехъ разбойниковъ, что помогало мнѣ хоть на минуту освѣжать себя. Здѣсь же я видѣлъ раздирающую картину. Приказано было рыть ямы, въ которыя крючьями таскали убитыхъ, а вмѣстѣ съ ними и едва уже дышущихъ, но еще живыхъ, и валили въ яму, такъ что примѣтно было, какъ засыпаемая земля отъ ихъ движенія поднималась. Торопились скорѣе кончить сію работу, чтобы не произошло заразы. Чего не насмотришься на войнѣ, и какъ сердцу не ожесточиться?

При осадѣ непріятелями города Смоленска чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, весьма большаго размѣра, находившаяся на воротахъ города, была снята и передана для сохраненія въ нашу армію, которую и сопровождала она съ Августа мѣсяца по Ноябрь, изо дня въ день три мѣсяца; когда же Смоленская губернія была очищена, то икона сія была возвращена въ Смоленскъ и поставлена на обычное свое мѣсто. Отправлено было благодарственное молебствіе, и при чтеніи Евангельскихъ словъ: *Пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяца и возвратися въ домъ Свой*, всѣми молившимися слова сіи отнесены были къ настоящему событію.

Когда мы приблизились къ Березинѣ, Государю Императору угодно было уволить отъ службы Московское ополченіе, какъ принесшее въ то время не малую уже пользу, такъ и потому, что Московская губернія была разорена. Офицерамъ предоставлено было на волю: кто пожелаетъ продолжать службу, тѣ могутъ поступать въ разные полки. Генералъ Бенигсенъ со своей стороны сдѣлалъ представленія о награжденіи всѣхъ отличившихся генераловъ и гг. офицеровъ и находившихся въ его свитѣ. Слышно было о происшедшей между Бенигсеномъ и фельдмаршаломъ какой-то холодности и что первый пожелалъ ѣхать изъ арміи. Демидовъ также за нимъ послѣдовалъ. Мнѣ оставалось размышлять, продолжать ли службу, какъ имѣющему право воспользоваться и тѣмъ и другимъ; но прежде собственнаго рѣшенія пожелалось мнѣ посовѣтоваться съ Демидовымъ, какъ человѣкомъ ко мнѣ истинно расположеннымъ; онъ также затруднился мнѣ дать рѣшительный совѣтъ, сказавъ только, что ежели я пожелаю служить, то онъ снабдитъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ Потемкину, командиру Семеновскаго полка, каковое написавъ отдалъ мнѣ для всякаго случая. Письмо сіе я удержалъ до другаго дня, чтобы въ сей короткій срокъ обстоятельнѣе размыслить самому съ собою, на что мнѣ рѣшиться, и когда я все сіе представилъ въ своемъ разсудкѣ, то, при всемъ желаніи моемъ продолжать службу, нашелъ къ тому много препятствій: во первыхъ, я не имѣлъ въ то время никакихъ средствъ и не зналъ, скоро ли могу получить деньги, потому что мнѣ неизвѣстно было, гдѣ находилась моя матушка, которая могла бы мнѣ ихъ выслать. Все сіе заставило меня оставить мысль о продолженіи службы, и я рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ Демидовымъ въ Петербургъ. Надобно сказать, что въ то время наступили жесточайшіе морозы, которые доходили до 30 градусовъ. Чтобы достигнуть до Петербурга, должно было проѣзжать по мѣстамъ опустошеннымъ, гдѣ ни за что нельзя было ничего купить.

У меня же были сапоги холодные, и вся одежда не зимняя. Не знаю, какъ я могъ все сіе вынесть. Мы проѣзжали Вязьму, городъ, хотя и Смоленской губерніи, но въ немъ былъ тогда Калужскій губернаторъ Павелъ Никитичъ Каверинъ (въ послѣдствіи сенаторъ и Александровскій кавалеръ). Мы пріѣхали прямо къ нему въ домъ. Демидовъ, назвавъ меня, сталъ меня ему рекомендовать. Тогда Павелъ Никитичъ отвѣчалъ ему: «Что вы мнѣ его рекомендуете; я съ батюшкой его былъ старый знакомый и матушку его зналъ очень молодой дамой. Я былъ очень радушно принятъ, и начались съ обѣихъ сторонъ разные разсказы. Мы ему сообщали о военныхъ дѣйствіяхъ и о томъ, что война должна скоро прекратиться, а онъ о своихъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился все это не легкое время. Отобѣдавъ у него въ Вязьмѣ, пустились мы далѣе въ путь. Не помню, какіе города мы проѣзжали, наконецъ достигли до Петербурга и остановились въ наемномъ домѣ Демидовыхъ, на Малой Морской. Онъ тотчасъ рекомендовалъ меня своей супругѣ Елизаветѣ Александровнѣ, рожденной Строгоновой и познакомилъ съ своимъ сыномъ Павломъ Николаевичемъ.

Въ слѣдъ за нами пріѣхалъ изъ арміи и князь Сергѣй Сергѣевичъ Голицынъ; а Бенигсенъ остался въ городѣ Лугѣ и испрашивалъ у Государя Императора дозволенія прибыть въ Петербургъ; но Государь отвѣтствовалъ ему, что онъ самъ скоро отправляется въ армію черезъ Лугу, гдѣ будетъ имѣть съ нимъ свиданіе. Нѣкоторое время мы оставались въ неизвѣстности о немъ. Князь Голицынъ все уговаривалъ Демидова обстоятельнѣе узнать что-нибудь, но Демидовъ медлилъ. Наконецъ князь Голицынъ настоялъ, написавъ къ нему о томъ письмо, въ которомъ писалъ такъ: «Евреиновъ молодъ и проворенъ, онъ не съѣздитъ, а слетаетъ къ графу въ Лугу,» и Демидовъ предложилъ мнѣ сдѣлать эту поѣздку. Сказано и сдѣлано; повозка мнѣ приготовлена, покойная и теплая, и я на другой же день на почтовыхъ пустился въ Лугу, съ нѣкоторыми отправленными со мною гостинцами и провизіями, которыхъ въ Лугѣ трудно найдти. Графъ встрѣтилъ меня очень ласково и какъ дорожнаго человѣка угощалъ меня; онъ представилъ меня своей супругѣ, прибывшей къ нему въ Лугу съ малолѣтними дѣтьми, которыхъ мнѣ рекомендовалъ. Вечеръ проведенъ былъ въ разговорахъ. Графъ жаловался мнѣ на боль, которую онъ чувствовалъ въ ногѣ отъ контузіи, полученной подъ Тарутинымъ, которой онъ тогда не ощущалъ, а въ настоящее время она сдѣлалась весьма чувствительною. Остальной разговоръ продолжался о Тарутинскомъ дѣлѣ и о неудовольствіи его на графа Остермана Толстаго. Онъ повторялъ часто: Вы сами были свидѣтелемъ происходившаго. Вечеръ прошелъ нечувствительно. А какъ онъ узналъ, что на другой день поутру я долженъ былъ отправиться обратно въ Петербургъ, то просилъ жену свою приказать приготовить для меня разныхъ мягкихъ кренделей и булокъ. Это было послѣднее мое съ нимъ свиданіе, и я отправился въ Петербургъ.

Желая какъ нибудь узнать о матушкѣ, о которой ничего не зналъ, я придумалъ написать въ принадлежавшую намъ во Владимірской губерніи деревню къ старостѣ, чтобы онъ извѣстилъ меня, не знаетъ ли онъ чего объ матушкѣ, гдѣ она находится, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что она имѣетъ пребываніе въ Нижнемъ Новгородѣ. Я немедленно отправилъ къ ней письмо съ моимъ адресомъ и получилъ отъ нея письмо съ описаніемъ безпокойства обо мнѣ, о томъ, что меня полагали уже не въ живыхъ, о томъ, какъ, послѣ свиданія со мною 2 числа Сентября на Пехрѣ, вынуждены были выѣхать на скоро и оставить все вывезенное въ кладовыхъ на Пехрѣ, что все послѣ было разграблено, о трудномъ своемъ путешествіи

съ больнымъ моимъ братомъ до Нижняго Новгорода. Матушка обѣщалась возвратиться въ Москву, какъ только возможно будетъ. Чрезъ толь долгое время не зная ничего о ней, я очень обрадованъ былъ симъ извѣстіемъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда матушка пріѣдетъ, чтобы и мнѣ ѣхать для свиданія съ нею и, когда узналъ о ея прибытіи, тотчасъ поѣхалъ въ Москву.

Съ какимъ радостнымъ и вмѣстѣ грустнымъ чувствомъ въѣхалъ я въ Москву, трудно то объяснить. Сколь ни коротко я зналъ сей городъ, но улицы были не узнаваемы. На нѣкоторыхъ, гдѣ находились деревянные дома, представлялись однѣ обгорѣлыя трубы. У каменныхъ же оставались обгорѣлыя закопченыя стѣны. Грустно все было видѣть. Матушка остановилась въ 3-й Мѣщанской, въ домѣ генеральши Апрѣлевой. Домъ очень хорошій, и не знаю, какъ онъ могъ уцѣлѣть: зеркала и шелковыя матеріи со стѣнъ и мебели остались не ободранными, что̀ составляло рѣдкость, потому что почти во всѣхъ домахъ было все обобрано и разбито. Жителей собралось еще не много. Чрезъ нѣсколько времени начинали съѣзжаться, особливо тѣ, у которыхъ дома уцѣлѣли. На другой день моего пріѣзда освящали церковь въ Чудовѣ монастырѣ, и понемногу все начинало приходить въ какой нибудь порядокъ. Стали привозить лѣсъ и разные матеріалы, и топоры заговорили свое; все начало оживать.

Не будучи свидѣтелемъ того что̀ со 2 Сентября дѣлалось въ Москвѣ, разскажу только то, о чемъ я слышалъ, а потомъ что̀ видѣлъ.

Напрасно нѣкоторые люди обвиняли графа Растопчина въ томъ, что онъ своими афишами всѣхъ успокоивалъ и тѣмъ лишилъ многихъ возможности вывести свои имущества. Онъ зналъ, что̀ дѣлалъ. Если бы Москва не была сожжена, то Наполеонъ не такъ бы поспѣшно изъ нея выбрался. Онъ за сіе бѣшенствовалъ и вынужденъ былъ, какъ только она запылала, выѣхать изъ Кремля въ Петровскій дворецъ. Неожидалъ онъ такой встрѣчи, какая ему была сдѣлана въ Москвѣ. Ни въ одной столицѣ, въ какую онъ вступалъ, не было подобной. Онъ ожидалъ, что, при вступленіи его, къ нему явятся и поднесутъ ключи города, но обошлось какъ-то безъ того. Вечеромъ только показалось похожее на торжество, какъ будто для него устроенное, когда начали городъ иллюминовать въ разныхъ частяхъ города, и всюду свѣтлѣе Бенгальскихъ огней запылала Москва. Московскій главнокомандующій, при выѣздѣ своемъ, желая угостить незванныхъ гостей, такъ распорядился: наканунѣ того дня приказалъ вывести всю пожарную команду съ ихъ инструментами и выпустить острожниковъ, которымъ внушено было вездѣ поджигать; а имъ, какъ неимѣющимъ своихъ домовъ, жалѣть было нечего, и Москва запылала. И такая торжественная иллюминація не могла доставить большаго удовольствія мнимому побѣдителю, который, говорили тогда, по взятіи столицы намѣревался выбить медаль съ таковою надписью: *le Ciel à Toi, la terre à moi;* но эта дѣлежка съ Богомъ видимо не состоялась, такъ что онъ тогда прозрѣлъ, что дѣло это можетъ кончиться несовсѣмъ въ его пользу. Тогда онъ началъ подсылать къ намъ, что время бы окончить войну; но фельдмаршалъ говорилъ на сіе, что съ нашей стороны война еще не начиналась. Не привыкъ онъ получать подобные отвѣты, но дѣлать было нечего: оставалось только проглатывать подобныя невкусныя пилюли.

Преосвященный Августинъ, какъ скоро узналъ, что Москва очищена, тотчасъ поспѣшилъ въ оную возвратиться. Тогдаже и главнокомандующій въ Москвѣ графъ Растопчинъ прибылъ. Не считаю лишнимъ сказать о томъ, въ какомъ положеніи найдены преосвященнымъ Московскіе соборы.

При входѣ въ Успенской, съ большимъ трудомъ могъ онъ въ него вступить: все было завалено досками, лѣсами и всякимъ хламомъ и нечистотами. Посреди самаго собора повѣшены были огромные вѣсы, для взвѣшиванія ограбленнаго серебра, а на столбахъ собора записывался вѣсъ серебра. Огромное великолѣпное паникадило, устроенное бояриномъ Морозовымъ, своякомъ царя Алексѣя Михаиловича, иностранной работы, также попало въ вѣсъ съ прочимъ серебромъ. Иконостасъ, обитый весь серебромъ, старинной работы, равно и всѣ иконы, обложенныя серебряными ризами, всѣ были обнажены, кромѣ одного образа во 2-мъ ярусѣ, находящагося надъ ракою святителя Филиппа: вѣроятно по темнотѣ неусмотренный врагами, этотъ образъ остался цѣлъ, съ находящеюся на немъ ризою, какъ будто для того, чтобы онъ могъ послужить образцомъ при возобновленіи иконостаса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился до ограбленія. Мощи святителя Петра, бывшія запечатанными до того, найдены открытыми. Святитель Іона вовсе не допустилъ до себя враговъ, ибо около его гробницы осталось все въ цѣлости; также и образъ его, обложенный серебромъ. Мощи святителя Филиппа, хотя и вынуты были изъ гробницы, но остались цѣлыми; гробъ же, находящійся въ томъ же соборѣ сверхъ земли, обитый бархатомъ, патріарха Германа, умореннаго голодомъ Поляками въ 1612 году, былъ открытъ, и найдено тѣло его нетлѣннымъ, но оставлено на томъ же мѣстѣ гдѣ было и снова закрыто. Преосвященный, осмотрѣвъ все тщательно и приведя въ нѣкоторый порядокъ, запретилъ постороннимъ входъ въ Кремль до тѣхъ поръ, какъ все приведено будетъ въ настоящій порядокъ; между тѣмъ донесъ Св. Синоду о всемъ имъ найденномъ, съ представленіемъ мнѣнія своего о разрѣшеніи оставить мощи святителя Петра навсегда открытыми: такъ какъ они уже были открыты врагами, то за чтоже лишать такого сокровища овецъ бывшей его паствы? Св. Синодъ изъявилъ согласіе, и мощи открывали при мнѣ 2 Іюня 1813 года, въ день сошествія Св. Духа, при чемъ произнесена преосвященнымъ рѣчь, въ которой упоминалось, что непріятель, желая насъ лишить святыни, невольнымъ образомъ умножилъ оную.

Мощи благовѣрнаго царевича Димитрія, почивающія въ Архангельскомъ соборѣ, однимъ изъ благочестивыхъ священниковъ Вознесенскаго монастыря унесены были въ тотъ монастырь и тамъ сохранялись за церковнымъ иконостасомъ. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ иконостасъ, обитый серебромъ, тоже и ризы на иконахъ, всѣ были ограблены; одна только рама вокругъ образа Донской Божіей Матери, сдѣланная изъ червоннаго золота, довольно тяжелая, была оставлена, вѣроятно потому, что сочли ее за мѣдную. Въ Чудовѣ же мощи святителя Алексія изъ церкви вынесены были въ трапезу, а церковь обращена маршаломъ Даву въ его спальную. Вотъ все, о чемъ я достовѣрно тогда слышалъ.

1813 года 15 Августа графомъ Иракліемъ Ивановичемъ Морковымъ возвращена была въ Кремль преосвященному Августину хоругвь, бывшая при Московскомъ ополченіи. Принимая оную, преосвященный Августинъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Совершилось лѣто, какъ святая церковь въ семъ первопрестольномъ градѣ благословеніемъ и моленіями напутствовала васъ, православные воины, при шествіи вашемъ на брань... Военная наука была вамъ неизвѣстна; но ревность по вѣрѣ и вѣрность къ Царю *научила руцѣ ваши на брань;* а пламенная любовь къ Отечеству содѣлала *яко лукъ мѣдянъ мышцы ваши.* Въ предшествіи сея святыя хоругви вы устремлялись на всѣ опасности, уничтожали всѣ усилія врага и, низлагая его, истребили до конца.—Поля ваши, опустошенныя хищною его рукою, сдѣлались могилою для него самаго.—Сынъ и внукъ

твой, влача плугъ по наслѣдственной нивѣ, откроетъ кости злодѣевъ; онъ скажетъ: „Отецъ мой поразилъ ихъ и спасъ для меня достояніе свое. Дѣдъ мой сокрушилъ нечестіе и тиранство и сохранилъ для меня вѣру отецъ моихъ и свободу. Да будетъ во вѣки благословенна память ихъ!“

„Православные воины! Вы возвращаете дому Пресвятыя Богородицы сію святую хоругвь, которую пріяли отъ Нея, шествуя на брань. Мы видимъ, что удары безбожныхъ касались и ея; но Богъ для того попустилъ сему быть, дабы показать, что вы всегда были противъ вражескихъ ополченій и тѣмъ засвидѣтельствовать вашу неустрашимость и мужество.“

„И такъ пріемлемъ отъ васъ хоругвь сію, яко священный памятникъ достохвальныхъ подвиговъ вашихъ. Водруженная предъ очами соплеменныхъ, она будетъ возвѣщать о васъ изъ рода въ родъ.—Идите отселѣ съ миромъ въ праотеческіе домы. Мечи и копія ваши раскуйте на орала и серпы, и подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ Господій вашихъ, среди любезныхъ семействъ, наслаждайтесь покоемъ и тишиною.!“

„Сіятельнѣйшій графъ и вы, благородные сподвижники почтеннѣйшаго вождя своего! Предводительствуя воинами сими, вы всегда предшествовали имъ примѣромъ собственныхъ доблестей и доказали, что вѣра въ Бога, вѣрность къ Царю, любовь къ Отечеству, и безъ сильнаго вооруженія, могутъ торжествовать надъ всѣми усиліями гордыни, надъ всѣми ухищреніями адской злобы! Отечество никогда не забудетъ заслугъ вашихъ. Оно облобызаетъ язвы ваши лобзаніемъ нѣжной признательности. Оно увѣнчаетъ труды ваши вѣчною хвалою. Святая церковь не престанетъ молить Господа, да благословитъ васъ всѣми благами и небесными и земными!“

Тогоже 1813 года Августа 30 былъ освященъ большой Успенской Соборъ, приведенный въ прежнее благолѣпіе; вокругъ него обнесены были мощи святителя Петра, и по вступленіи въ соборъ, по распоряженію преосвященнаго, были пѣты: Христосъ Воскресе и другіе воскресные стихи, что всѣхъ радовало и представляло день Свѣтлаго Воскресенья; а послѣ литургіи сказано было имъ слово, въ которомъ изочтены были всѣ чудеса, бывшія во время пребыванія непріятеля въ Москвѣ; упоминаемо было также и о видимомъ всѣми крестѣ въ небѣ.

Преосвященный, по возвращеніи своемъ изъ Мурома, имѣлъ пребываніе въ Срѣтенскомъ монастырѣ, потому что Савинское подворье, обыкновенное его мѣстопребываніе, сгорѣло, даже и вороты онаго; но находящійся на нихъ образъ Св. Саввы остался невредимъ.—По приведеніи въ устройство всѣхъ соборовъ, много еще предстояло ему заботъ и трудовъ для приведенія прочаго въ порядокъ. Большая часть церквей была раззорена, священнослужители не только лишились своего имущества, но и домовъ; прихожане, иные еще не возвращались, другіе также были раззорены, а потому надобно было и помогать имъ и все устроивать какъ можно поспѣшнѣе, и при томъ не въ одной столицѣ, а и въ раззоренныхъ селахъ. Труды его были выше силъ человѣческихъ, а потому неоцѣнимы. Покойный митрополитъ Филаретъ воздавалъ особенную честь преосвященному Августину и говаривалъ, что не всякій бы нашелся въ его тогдашнемъ положеніи.

Въ слѣдующемъ году я поступилъ на службу въ канцелярію новаго главнокомандующаго графа Тормасова, что впрочемъ уже не принадлежитъ къ настоящему моему разсказу.

Михаилъ Евреиновъ.

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ [1].

Анекдотъ о Иванѣ Эрнестѣ герцогѣ Биронѣ (Anecdote sur le sieur Jean Ernest duc de Biron). Подъ этимъ названіемъ, въ бумагахъ графа Никиты Ивановича Панина, управлявшаго внѣшними дѣлами при Екатеринѣ II, найденъ слѣдующій на Французскомъ языкѣ разсказъ. Подлинникъ поступилъ въ собственность графа Ивана Григорьевича Чернышева, и списокъ съ него переданъ мнѣ сыномъ его графомъ Григоріемъ Ивановичемъ. Достовѣренъ-ли разсказъ, или вымышленъ, или по крайней мѣрѣ искаженъ, рѣшить не беремся. Во всякомъ случаѣ, онъ не согласуется съ извѣстными свѣдѣніями и преданіями о происхожденіи Бирона. Съ другой стороны думать, что разсказъ совершенно вымышленъ, также не правдоподобно: найденный въ бумагахъ графа Панина [2], онъ имѣетъ за себя нѣкоторый дипломатическій авторитетъ. Во всякомъ случаѣ онъ любопытенъ по содержанію и, можетъ быть, наведетъ на затерянные слѣды для объясненія и опредѣленія истины.

—

Сей столь извѣстный мужъ, который игралъ такую значительную роль въ царствованіе императрицы Анны, былъ сынъ золотыхъ дѣлъ мастера. Отецъ готовилъ его къ званію нотаріуса. Онъ пріобрѣлъ всѣ знанія, нужныя для исполненія этой должности. Но онъ соскучился пребываніемъ въ маленькомъ городкѣ. Вскорѣ представился ему случай предложить услуги свои барону Гёрцу (baron de Goertz), который пробылъ нѣсколько времени въ этомъ мѣстечкѣ, за скоропостижною смертью секретаря своего. Молодому Бирону, благодаря приличной наружности и ловкости, удалось снискать согласіе барона опредѣлить его на упраздненное мѣсто. Онъ поѣхалъ съ нимъ въ Стокгольмъ. Знакомство его съ разными языками и умѣніе разбирать и списывать всѣ возможные почерки вскорѣ оправдали выборъ и довѣріе, ему оказанное.

По привычкѣ его съ дѣтства имѣть въ рукахъ старые договоры и документы, писанные большею частью на пергаментѣ, онъ незамѣтно повадился, переписывая подлинники, держать во рту оторванные съ полей ихъ лоскутки, такъ что, наконецъ, онъ находилъ въ этомъ особенное удовольствіе, подобно тѣмъ, которые пріучаютъ себя жевать табакъ. Эта привычка обратилась въ страсть: онъ постоянно имѣлъ во рту такіе бумажные отрѣзки, которые тщательно отдѣлялъ отъ листа; а какъ занятія его по письменной части заключались въ обращеніи со множествомъ бумагъ, то онъ могъ лакомствомъ своимъ вдоволь наслаждаться.

Однажды, въ кабинетѣ начальника, онъ задержанъ былъ долѣе обыкновеннаго по работѣ важной и спѣшной. Изъ побужденія аппетита своего, онъ открылъ ветхую и закопченую бумагу, которая лежала на краю стола. Безсознательно и, такъ сказать, машинально положилъ онъ ее въ ротъ и началъ сосать. Весь погруженный въ занятіе свое и единственно озабоченный работою, онъ такъ разлакомился находкой, что не подумалъ о томъ, чего долженъ былъ опасаться. Только послѣ четырехъ часовъ усидчиваго труда, опомнился онъ и замѣтилъ, что бумага не только все еще во рту его, но что она вся изжевана, такъ что совершенно обезображена. Изумленіе его еще воз-

---

(1) См. выше, стр. 173.

(2) Долго жившаго въ Стокгольмѣ, въ должности нашего посланника при Шведскомъ дворѣ. Молодость знаменитаго графа Никиты Ивановича протекла въ злую эпоху Бироновщины. Онъ родился въ 1718 году. *П. Б.*

расло, когда онъ поспѣшилъ развернуть ее и кое-какъ разобралъ по оставшимся въ цѣлости словамъ, что содержаніе ея было особенной важности и относилось до спорнаго дѣла, которое горячо отстаивалось съ одной стороны Шведскимъ правительствомъ, съ другой императоромъ Петромъ I. Онъ почувствовалъ, что погибъ безотмѣнно. Ничего не могъ придумать онъ къ оправданію своему. Отчаяніе овладѣло имъ, и въ туже минуту вошелъ баронъ. Онъ нашелъ его съ этою злополучною бумагою въ рукѣ и съ перваго взгляда замѣтилъ въ глазахъ его и на всемъ лицѣ признаки необычайнаго смущенія. Достаточно было одного любопытства, чтобы возбудить въ баронѣ желаніе развѣдать эту тайну. Но чтó было съ нимъ, когда, взглянувъ на бумагу, онъ убѣдился, что она нужнѣйшая и драгоцѣннѣйшая изъ всѣхъ дѣловыхъ документовъ, хранившихся въ кабинетѣ его. Въ первомъ порывѣ гнѣва онъ не далъ себѣ времени разобрать дѣло, не слушалъ никакихъ оправданій и объясненій: онъ не сомнѣвался въ измѣнѣ и вѣроломствѣ секретаря своего, будто бы подкупленнаго Русскимъ посланникомъ. Тутъ-же приказалъ онъ отправить несчастнаго въ тюрьму и держать его подъ строжайшимъ присмотромъ.

Въ заточеніи своемъ, молодой человѣкъ какъ ни разсматривалъ бѣду свою со всѣхъ сторонъ и какъ ни чувствовалъ себя невиннымъ, а все приходилъ къ тому заключенію, что для оправданія его нѣтъ никакого средства, потому что всѣ наружныя улики противъ него. Въ подобномъ расположеніи духа, онъ менѣе думалъ о защитѣ своей, нежели о приготовленіи себя къ смерти. Однакоже, какъ объясненіе обстоятельствъ неумышленной вины его не могло ни въ какомъ случаѣ быть для него предосудительнымъ, то онъ рѣшился разсказать откровенно все чтó было, хотя мало надежды имѣлъ убѣдить судей въ чистосердечіи признаній своихъ. Вскорѣ призвали его къ допросу. Четверо изъ важнѣйшихъ Стокгольмскихъ сенаторовъ обвиняли его въ преступленіи и вынуждали сознаться въ тайныхъ сношеніяхъ съ Россіею. Онъ отвѣчалъ имъ со слезами на глазахъ однимъ изложеніемъ обстоятельствъ, которыя вкоренили въ немъ привычку жевать бумагу и старый пергаментъ. Какъ ни слаба могла казаться такая защита, но простота, съ которою онъ выразилъ ее, произвела особое впечатлѣніе на одного изъ старыхъ сенаторовъ: долгая опытность въ судебныхъ дѣлахъ давала ему возможность угадывать признаки правоты и невинности. Всматриваясь болѣе и болѣе въ подсудимаго, сенаторъ замѣтилъ, что пока писалъ онъ свои показанія и былъ углубленъ въ чтеніе допросныхъ пунктовъ и въ обдуманное изложеніе отвѣтовъ, онъ часто протягивалъ руку къ чернильницѣ, бывшей на столѣ, вырывалъ кусочки пергамента, коимъ была она обита и явно, по невольному движенію, бралъ въ ротъ эти обрывки(*).

Это наблюденіе заставило сенатора находить нѣкоторое правдоподобіе въ показаніяхъ подсудимаго. Онъ обратился къ нему съ вопросами о зачатіи и постепенномъ усиленіи привычки его. Онъ потребовалъ оправдывающихъ доказательствъ. По счастію подсудимаго, въ нихъ недостатка не было; онъ вытащилъ изъ кармана множество маленькихъ бумажныхъ и пергаментныхъ свертковъ. Складъ ихъ, запахъ, все согласовалось съ его показаніями. Сенаторъ изъ судіи сдѣлался защитникомъ; другія собранныя справки о поведеніи и связяхъ его были всѣ ему благопріятны. Баронъ первый исходатайствовалъ возвращеніе ему свободы. Не смотря на то, опасеніе, что снисхожденіе можетъ вовлечь его въ новыя непріятности, или что огласка, данная этому событію, можетъ обратиться ему во вредъ и во вся-

(*) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ отъ себя, что эта продѣлка могла-бы быть и умышленной уловкой, чтобы убѣдить судей своихъ въ непобѣдимой привычкѣ, которою онъ оправдывалъ свой поступокъ. *Примѣчаніе автора Старой Записной Книжки.*

комъ случаѣ должна измѣнить отношенія его къ секретарю, онъ уволилъ его съ выдачею ему приличнаго вознагражденія.

Мало было вѣроятія, что человѣкъ, почти выключенный изъ службы самимъ министромъ, могъ найдти случай опредѣлиться къ новому мѣсту въ Швеціи. Несчастный Биронъ рѣшился выѣхать изъ нея и перебраться въ Курляндію, гдѣ приключеніе его не было извѣстно. Онъ поступилъ къ первому дѣловому человѣку, который согласился принять его. Фортуна, которая вела Бирона за руку, приблизила его къ главному сборщику податей въ Митавѣ. Это былъ человѣкъ преданный развлеченіямъ и удовольствіямъ, давно искавшій смышленаго дѣльца, который могъ-бы освободить его отъ бремени занятій и трудовъ, лежавшихъ на немъ по должности. Одаренный необычайнымъ умомъ и прилежностію новый секретарь оказалъ способности, которыхъ отъ него требовали. Онъ скоро снискалъ любовь начальника своего, но не могъ отучиться отъ привычки, которая угрожала ему гибелью въ Швеціи. Главный сборщикъ, покончивъ счеты, возвратился домой съ роспискою, собственноручно подписанною герцогомъ Курляндскимъ. Онъ очень дорожилъ этою роспискою, потому что недоброжелатели, пользуясь извѣстною молвою о немъ, что онъ преданъ сладострастію и мотовству, готовы были обвинить его и въ недобросовѣстномъ соблюденіи общественныхъ денегъ. Потому и отдалъ онъ росписку секретарю съ наказомъ хранить ее бережно и тщательно. Эта бумага не имѣла свойствъ, которыя могли-бы возбудить обыкновенный позывъ его на ѣду: это не былъ лакомый ему пергаментъ; но по силѣ привычки, Биронъ неотлагательно приблизилъ ее къ губамъ своимъ. Къ тому же, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ немъ ослабло впечатлѣніе, оставшееся отъ прежней невзгоды. Какъ бы то ни было, онъ по несчастью предалъ бумагу эту прожорливости зубовъ своихъ, и вскорѣ они врѣзались до того, что уничтожили вовсе подпись герцога, подпись, которая составляла всю важность помянутаго документа. Не долго спустя, убѣдился онъ въ бѣдѣ, но бѣда была уже неисправима. Она показалась ему еще опаснѣе послѣдствіями своими, чѣмъ Стокгольмская, и онъ вообразилъ себѣ, что ему предстоитъ таже гибель. Наконецъ, обдумавъ хорошенько положеніе свое, онъ немного успокоился. Подозрѣніе въ измѣнѣ и предательствѣ не могло въ этомъ случаѣ пасть на него; а въ этомъ подозрѣніи была-бы сильнѣйшая для него опасность.

Потому и рѣшился онъ заблаговременно предувѣдомить начальника своего о своей неосторожности и, чтобы задобрить и разжалобить его, онъ началъ разсказомъ про свое Стокгольмское приключеніе, которое вынудило его оставить Швецію. Послѣ того съ трепетомъ обратилъ онъ рѣчь на новую бѣду свою. Сборщикъ податей хорошо понялъ смущеніе и страхъ его; но, надѣясь поправить дѣло безъ большаго затрудненія, онъ далъ себя удовольствіе продлить сцену и забавлялся тревогою подчиненнаго своего. Наконецъ отъ шутокъ перешелъ онъ къ успокоенію и утѣшенію провинившагося и увѣрилъ его въ продолженіи благорасположенія своего. Между тѣмъ принялъ онъ нужныя мѣры, чтобы обезпечить себя въ отношеніи къ придворнымъ разсчетамъ. Герцогу разсказалъ онъ откровенно всѣ обстоятельства настоящаго дѣла и съ такою похвалою отозвался о способностяхъ и достоинствахъ секретаря своего, что возбудилъ въ герцогѣ желаніе лично узнать его. Наружность его и нѣсколько минутъ разговора съ нимъ достаточны были, чтобы расположить герцога въ пользу его. Милость, оказываемая ему, возрастала съ каждымъ днемъ: онъ былъ уже на очереди сдѣлаться любимцемъ его. Сборщикъ, оцѣняя отличныя качества его, видя, что привязанность къ нему герцога лишитъ его хорошаго помощника и опасаясь, что съ другой стороны несчастная и укрѣпившаяся при-

вычка можетъ вовлечь его въ новый просакъ, рѣшился испытать средство для исцѣленія его отъ этой слабости. Онъ вообразилъ себѣ, что эта привычка, родъ недуга, заключалась въ жилкахъ нёба во рту и въ губахъ, привыкшихъ къ нѣкоторому раздраженію; въ слѣдствіе того онъ намѣревался устранить это предрасположеніе, пріучивъ секретаря своего къ другому ощущенію болѣе сильному, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе пріятному, которое надѣялся возбудить въ немъ хмѣльнымъ напиткомъ. Придумавъ этотъ способъ, рѣшился онъ привести его въ дѣйствіе въ тотъ же день. Онъ пригласилъ секретаря своего съ нимъ отужинать; примѣромъ своимъ побуждалъ онъ его къ осушенію такого числа бокаловъ, что съ перваго раза поставилъ его въ невозможность помышлять во всю ночь о пергаментѣ. Въ слѣдующіе дни возобновлялъ онъ испытанія свои, сколько собственныхъ силъ его на то хватало. Лучшія вина смѣнялись сильнѣйшими ликерами. По исходѣ нѣсколькихъ недѣль, пергамента не было уже въ поминѣ: вкусъ и потребность новыхъ ощущеній рѣшительно взяли верхъ. Но что было еще и того счастливѣе для секретаря, застольная свобода и благотворное дѣйствіе увеселительнаго вина развязывали умъ и языкъ его. Онъ явилъ въ себѣ способности, которыхъ въ немъ и не подозрѣвали. Молва о совершившемся чудѣ дошла до герцога. Онъ захотѣлъ лично убѣдиться въ достовѣрности доходящихъ до него слуховъ, и такимъ образомъ секретарь сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Положеніе его совершенно измѣнилось; фортуна его постепенно возрастала, по мѣрѣ благопріятныхъ впечатлѣній, которыя онъ производилъ на всѣхъ, оправдывая и утверждая мнѣніе о умѣ своемъ и ловкой смышлености. Сдѣлавшись фаворитомъ герцога, Биронъ не замедлилъ еще болѣе понравиться герцогинѣ. Эта привязанность, которая продлилась до кончины герцога, еще болѣе обнаружилась и усилилась послѣ смерти его. И вотъ первыя ступени, которыя вознесли Бирона на высоту, которую онъ занялъ въ послѣдствіи.

*

Въ девятомъ или десятомъ году нынѣшняго столѣтія была издана на Французскомъ языкѣ книга: Les petites misères de la vie humaine (Бѣдушки человѣческой жизни). Кажется, переведена она съ Англійскаго, да и носитъ на себѣ отпечатокъ Англійскаго юмора. Тутъ, въ двухъ большихъ томахъ, исчислены и изложены всѣ промахи, которые можетъ сдѣлать человѣкъ, всѣ просаки, въ которые можетъ онъ попасть, всѣ возможные недочеты и перечеты, ошибки, недосмотры, однимъ словомъ всѣ маленькія придирки, притѣсненія, которыми враждебная и лихая судьбина можетъ въ расплохъ озадачить, одурачить и вывести человѣка изъ терпѣнія. N. N. говорилъ, что эта книга списана съ него и что онъ могъ-бы еще значительно пополнить ее имъ испытанными и автору не пришедшими на умъ разнаго рода дрязгами и булавочными уколами. Онъ говорилъ, что судьба приставила къ нему безсмѣннаго чиновника по особымъ порученіямъ, а эти порученія заключаются въ безпрестанномъ киданіи камушекъ подъ ноги ему и палокъ въ колеса его, въ осѣчкѣ разныхъ предпріятій, отъ большихъ до мельчайшихъ. Всего не исчислить, а вотъ два примѣра. Онъ, т. е. чиновникъ по особымъ порученіямъ, дернулъ его однажды идти любезничать съ молодою дамою. Между тѣмъ N. N. страдалъ жестокимъ насморкомъ. Въ самомъ пылу нѣжныхъ разговоровъ, сидя на диванѣ рядомъ съ молодою и свѣтскою красавицею, онъ расчихался со всѣми послѣдствіями насморочнаго чиханія и только тутъ догадался, что дòма забылъ онъ свой носовой платокъ. Вотъ картина!—Въ другой разъ, онъ же дернулъ его съѣздить изъ Рима въ Неаполь единственно съ тѣмъ чтобы услышать Малибранъ, которой онъ еще не слыхалъ. Пріѣхавъ въ Неаполь, онъ, при выходѣ изъ

коляски, узнаётъ, что пѣвица наканунѣ переломила руку себѣ и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не будетъ въ состояніи явиться на сценѣ. И дня не проходитъ, говоритъ N. N., чтобы сей *онъ* не сыгралъ съ нимъ какой нибудь шутки и штуки.

Онъ же N. N. говоритъ, что судьбу иныхъ людей и участь многихъ жизней иначе объяснить себѣ не можно, какъ съ помощью легенды о добрыхъ и злыхъ феяхъ. Первыя приносятъ къ колыбели новорожденнаго, на зубокъ ему, многіе прекрасные дары, каждая изъ нихъ по своей части. Такъ и кажется, что только стóитъ пользоваться этими дарами. Но подъ конецъ раздачи подкрадывается лихая фея и исподтишка подрѣзываетъ всѣ эти дары, такъ что въ послѣдствіи ни одинъ изъ нихъ вполнѣ развиться не можетъ. Или, пожалуй, вслѣдъ за добрыми феями, приходитъ кривая, кривобокая и злая старая вѣдьма. Она оставляетъ дары неприкосновенными, но изувѣчиваетъ, разслабляетъ въ новорожденномъ и на всю жизнь волю его, такъ что такой господинъ, со всѣми способностями своими, остается на всегда во всемъ и вездѣ *дилеттанте*, а въ виртуозы ему ни на какомъ инструментѣ не попасть. N. N. добавлялъ, что онъ могъ бы въ примѣръ тому указать на подобнаго человѣка; но какъ-то совѣстно ему назвать его.

*

Денисъ Давыдовъ, говоря съ Меншиковымъ о различныхъ поприщахъ службы, которыя сей послѣдній проходилъ, сказалъ: «Ты впрочемъ такъ умно и такъ ловко умѣешь приладить умъ свой ко всему по части дипломатической, военной, морской, административной, за чтó ни возмешься, что поступи ты завтра въ монахи, въ шесть мѣсяцевъ будешь ты митрополитомъ.

*

Шведскій посланникъ Пальменштернъ многіе годы занималъ въ Петербургѣ мѣсто свое. Онъ былъ умный и образованный человѣкъ. Въ сравненіи съ другими сослуживцами его, акредитованными при Русскомъ дворѣ, можно сказать, что онъ довольно обрусѣлъ. Онъ очень порядочно выучился нашему языку, ознакомился съ литтературою нашею и со вниманіемъ слѣдилъ за движеніями ея. За такую внимательность, литтература наша, не избалованная (особенно въ то время) ухаживаніемъ иностранцевъ за нею, должна помянуть его добромъ и признательностію. На его дипломатическіе обѣды бывалъ даже приглашаемъ Гречъ, чтó совершенно внѣ посланническихъ обыкновеній и дипломатическихъ преданій. Пальменштернъ былъ очень вѣжливъ и общежителенъ, хотя и пробивалась въ немъ нѣкоторая Скандинавская угловатость и суровость. Но вѣжливость совершенно измѣняла ему за игорнымъ столомъ. Карты, особенно когда онъ проигрывалъ, пробуждали въ немъ страсти, воинственность и свирѣпость поклонниковъ Одина. Одно время, домъ графини Гурьевой (тещи графа Нессельроде) былъ по вечерамъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ Петербургскаго избраннаго общества и, разумѣется, дипломатическаго корпуса. Однажды, при постоянно-дурныхъ картахъ и по проигрышѣ нѣсколькихъ робертовъ виста, онъ поэтически воскликнулъ, во всеуслышаніе: «Да этотъ домъ былъ навѣрно построенъ на кладбищѣ бѣшеныхъ собакъ!» Можно представить себѣ дѣйствіе подобнаго лирическаго порыва на салонныхъ слушателей. Въ другой разъ заѣзжаетъ онъ къ той же графинѣ Гурьевой съ визитомъ. Швейцаръ докладываетъ ему, что графиня очень извиняется, но принять его не можетъ, потому что она нездорова. Между тѣмъ нѣсколько каретъ стояло у подъѣзда. Пальменштернъ отправляется въ Англійскій клубъ, а оттуда въ разные знакомые дома и всюду разглашаетъ, что графиня Гурьева больна и вѣроятно опасно больна, потому что у нея консиліумъ докторовъ, которыхъ кареты видѣлъ онъ передъ домомъ ея. Вѣсть разнеслась по городу. Со всѣхъ сторонъ съѣзжаются къ подъѣзду навѣдаться о здоровьи

графини, пишутъ ей и приближеннымъ ея записочки съ тѣмъ же вопросомъ. Половина города лично или посланными перебывала у нея въ теченіи сутокъ. Графиня понять не можетъ, какимъ образомъ и совершенно напрасно подняла она такую тревогу въ городѣ. Наконецъ узнали, что это была отплата Пальменштерна за отказъ принять его.—Вотъ еще одна отличительная черта его. Въ гостяхъ, при выходѣ изъ салона, онъ постоянно сбивался дверьми. Будь ихъ три или четыре въ комнатѣ, онъ не преминуетъ стукнуться во всѣ прежде, нежели попадетъ въ настоящую дверь. Онъ очень любилъ Итальянскую оперу, но не любилъ восторженныхъ, шумныхъ изъявленій Петербургской публики. Когда, бывало, при громкихъ рукоплесканіяхъ и вызовахъ Рубини, или г-жи Віардо, нетерпѣливые и горячіе зрители начинали топать ногами, онъ съ злою насмѣшкою говорилъ: вотъ и конница наступаетъ!

*

Одному знатному и богатому Польскому пану пеняли, что онъ мало денегъ даетъ сыновьямъ своимъ на прожитокъ. «Довольно и того», отвѣчалъ онъ, «что я далъ имъ свое имя, которое имъ не слѣдуетъ».

Кто-то говорилъ молодой графинѣ X.: «Понимаю, что связь ваша съ Z продолжается, но не понимаю, какъ могла она начаться».— «А я,» отвѣчала она, «понимаю, что началась она, но не понимаю, какъ можетъ она продолжаться».

*

Вдовый, чадолюбивый отецъ говорилъ о заботахъ, которыя прилагаетъ къ воспитанію дочери своей. «Ничего не жалѣю, держу при ней двухъ гувернантокъ, Француженку и Англичанку; плачу дорогія деньги всѣмъ возможнымъ учителямъ: ариѳметики, географіи, рисованія, исторіи, танцовъ,—да бишь Закона Божія. Кажется, воспитаніе полное. Потомъ повезу дочь въ Парижъ, чтобъ она *канальски схватила Парижскій прононсъ*, такъ чтобы не могли распознать ее отъ Парижанки. Потомъ привезу въ Петербургъ, начну давать балы и выдамъ ее замужъ за генерала». (Все это исторически достовѣрно изъ Московской старины).

Другой отецъ, также Москвичъ, жаловался на необходимость ѣхать на годъ за границу. Да зачѣмъ-же ѣдете вы? спрашивали его.—Нельзя, для дочери!—Развѣ она нездорова?—Нѣтъ, благодаря Бога, здорова; но видите ли, теперь ввелись на балахъ долгіе танцы, напримѣръ котильонъ, который продолжается часъ и два. Надобно, чтобы молодая дѣвица запаслась предметами для разговора съ кавалеромъ своимъ. Вотъ и хочу показать дочери Европу. Не все же болтать ей о Тверскомъ бульварѣ и Кузнецкомъ мостѣ». (И это исторически вѣрно). Есть же отцы, которые пекутся о воспитаніи дочерей своихъ.

*

Принцъ де Конти (братъ великаго Конде) долженъ былъ жениться на одной изъ двухъ племянницъ кардинала Мазарина и не хотѣлъ самъ выбрать изъ нихъ невѣсту себѣ. Онъ говорилъ: Мнѣ все равно та или другая; вѣдь я женюсь на кардиналѣ, а вовсе не на племянницѣ его.

*

Л. спрашивалъ Ф., видѣлъ-ли онъ невѣсту его.—Видѣлъ.—Какъ нравится тебѣ она?—Очень мила: вѣдь ты на младшей женишься?—Нѣтъ, помолвленъ я на средней сестрѣ. А что же, ты думаешь, что меньшая лучше? За чѣмъ же прежде не сказалъ ты мнѣ? Я посватался бы за нее. А впрочемъ, перемѣнить еще можно.

*

А. М. Пушкинъ забавно разсказываетъ одинъ анекдотъ изъ своей военной жизни. Въ царствованіе императора Павла командовалъ онъ коннымъ полкомъ въ Орловской губерніи. Главнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ этой мѣстности, былъ лице, высоко-поставленное по тогдашнимъ обстоятельствамъ и Нѣмецкаго про-

исхожденія. Пушкинъ былъ съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, какъ по службѣ, такъ и по условіямъ общежительности. Однажды и совершенно неожиданно получаетъ онъ, за подписью начальника, строжайшій выговоръ, изложенный въ выраженіяхъ довольно оскорбительныхъ. Пушкинъ тутъ же пишетъ рапортъ о сдачѣ полка по болѣзни своей, старшему по немъ штабъ-офицеру и проситъ о совершенномъ своемъ увольненіи. Начальникъ посылаетъ за нимъ и спрашиваетъ о причинѣ подобнаго поступка. «Причина тому, говоритъ Пушкинъ, кажется, довольно ясно выражена въ бумагѣ, которую я отъ васъ получилъ.» — «Какая бумага?» Пушкинъ подаетъ ему полученный выговоръ. Начальникъ прочитываетъ его и говоритъ: «Такъ эта-то бумага васъ огорчила? Удивляюсь вамъ! Служба одно, а канцелярія другое. Какую бумагу подаетъ мнѣ она, я ту и *подписую*. Службою вашею я совершенно доволенъ и впередъ прошу васъ, любезнѣйшій Пушкинъ, не обращать никакого вниманія на подобныя глупости».

Въ одно изъ пребываній Александра Павловича въ Москвѣ, онъ удостоилъ частное семейство обѣщаніемъ быть у него на балѣ. За нѣсколько дней до бала, хозяинъ дома простудился и совершенно потерялъ голосъ. «Само Провидѣніе, говорилъ тотъ же Пушкинъ, благопріятствуетъ этому празднику: хозяинъ не можетъ выговорить ни одного слова, и Государь избавляется отъ скуки слушать его.»

*

N. N. говоритъ: «Я ничего не имѣлъ бы противъ музыки *будущаго*, если не заставляли бы насъ слушать ее въ настоящемъ».

Вводить реализмъ въ музыку тоже что вводить поэзію въ алгебру.

*

Кто-то сказалъ: Царедворцы вообще ближе и тверже изучаютъ нравственные немощи и недостатки владыкъ своихъ, чѣмъ благородныя и доблестныя свойства ихъ. Это понятно и въ порядкѣ вещей. Они подобны врачамъ: и этимъ отъ здоровья и отъ здоровыхъ ожидать нечего; они промышляютъ и наживаются болѣзнями. Какъ болѣзни для врачей, такъ и царскія слабости для царедворцевъ составляютъ благонадежныя *доходныя статьи*.

С., говоря объ одномъ изъ подобныхъ царедворцевъ, метко и счастливо сказалъ: «Онъ знаетъ государя своего, какъ піанистъ знаетъ свой интрументъ. Одинъ изучилъ звукъ каждаго клавиша, другой изучилъ каждое чувство, каждый нервъ господина своего: онъ знаетъ напередъ, какой отголосокъ отзовется отъ прикосновенія къ нему».

*

Пріятель нашъ Лазаревъ женитьбою своею вошелъ въ свойство съ Талейраномъ. Возвратясь въ Россію, онъ не рѣдко говаривалъ: Мой дядя Талейранъ.—Не ошибаешься ли ты, любезнѣйшій? сказалъ ему князь Меншиковъ. Ты вѣроятно хотѣлъ сказать: Мой дядя Тамерланъ.

Извѣстно, что когда пріѣхалъ въ Россію Рубини, онъ еще сохранялъ все плѣнительное искусство и несравненное выраженіе пѣнія своего, но голосъ его уже нѣсколько измѣнялъ ему. Спрашивали князя Меншикова, почему и поѣдетъ онъ хоть разъ въ оперу, чтобы послушать Рубини.—Я слишкомъ близорукъ, отвѣчалъ онъ: не разглядѣть мнѣ пѣнія его.

У князя Меншикова съ графомъ Клейнмихелемъ была что называется или называлось *контра*; по службѣ ли, или по другимъ поводамъ, сказать трудно. Въ шуткахъ своихъ князь не щадилъ вѣдомства путей сообщенія. Когда строились Исакіевскій соборъ, постоянный мостъ чрезъ Неву и Московская желѣзная дорога, онъ говорилъ: «Достроенный соборъ мы не увидимъ, но увидятъ дѣти наши; мостъ мы увидимъ, но дѣти наши не увидятъ; а желѣзной дороги ни мы, ни дѣти наши не увидятъ».

Когда же скептическія пророчества его не сбылись, онъ при самомъ началѣ ѣзды по желѣзной дорогѣ, говорилъ: «Если Клейнмихель вызоветъ меня на поединокъ, вмѣсто пистолета или шпаги, предложу ему сѣсть намъ обоимъ въ вагонъ и прокатиться до Москвы. Увидимъ, кого убьетъ!»

Онъ же разсказывалъ. «Я ѣздилъ во внутреннія губерніи и заболѣлъ въ одномъ уѣздномъ городѣ. Плохо становилось, и я думалъ, что приходитъ мой конецъ. Посылаю за священникомъ. Онъ исповѣдуетъ меня и подъ конецъ спрашиваетъ: А нѣтъ ли еще какого нибудь грѣшка на душѣ? Отвѣчаю, что, кажется, ничего не утаилъ и все чистосердечно высказалъ. Онъ настаиваетъ и все съ бо̀льшимъ упорствомъ и съ какимъ-то таинственнымъ значеніемъ допытывается, не умалчиваю ли чего.—Да что̀ вы еще узнать отъ меня хотите? спросилъ я.—Вотъ напримѣръ на счетъ казенныхъ интересовъ...—Какъ? Казенныхъ интересовъ! Что̀ вы этимъ сказать хотите?—То есть, по просту сказать, не грѣшны ли вы въ лихоимствѣ?—О, въ этомъ отношеніи я совершенно чистъ, и совѣсть моя спокойна.—Я выздоровѣлъ и поѣхалъ далѣе въ деревню свою. На возвратномъ пути, проѣзжая черезъ тотъ же уѣздный городокъ, вспомнилъ я священника, исповѣдь его и хотѣлъ добраться, по чему такъ напиралъ онъ на своемъ духовномъ допросѣ.—Великодушно простите меня, ваша свѣтлость: не знаю, съ чего взялъ я, что вы офицеръ путей сообщенія».

При одномъ многочисленномъ производствѣ генералъ-лейтенантовъ въ слѣдующій чинъ (полнаго генерала) Меншиковъ сказалъ: «Этому можно порадоваться; такимъ образомъ многіе худые генералы наши пополнѣютъ».

*

Настасья Дмитріевна Офросимова была долго въ старые годы воеводою на Москвѣ, чѣмъ-то въ родѣ Маѳы Посадницы, но безъ малѣйшихъ оттѣнковъ республиканизма. Въ Московскомъ обществѣ имѣла она силу и власть. Силу захватила, власть пріобрѣла она съ помощью общаго къ ней уваженія. Откровенность и правдивость ея налагали на многихъ невольное почтеніе, на многихъ страхъ. Она была судомъ, предъ которымъ докладывались житейскія дѣла, тяжбы, экстренные случаи. Она и рѣшала ихъ приговоромъ своимъ. Молодые люди, молодыя барышни, только что вступившіе въ свѣтъ, не могли избѣгнуть осмотра и, такъ сказать, контроля ея. Матери представляли ей дѣвицъ своихъ и просили ее, мать-игуменью, благословить ихъ и оказывать имъ и впредъ свое начальническое благоволеніе. Что̀ ни говори, это имѣло свою и хорошую сторону. Въ обществѣ нужна нѣкоторая подчиненность чему нибудь и кому нибудь. Многіе толкуютъ о равенствѣ, котораго нѣтъ ни въ природѣ, ни въ человѣческой натурѣ. Ничего нѣтъ скучнѣй и томительнѣй плоскихъ равнинъ: глазъ непремѣнно требуетъ, чтобы что нибудь, пригорокъ, дерево, отдѣлялось отъ видимаго однообразія и нѣсколько возвышалось надъ нимъ. Равенство передъ закономъ дѣло другое. Но равенство на общественныхъ ступеняхъ—нелѣпость. Тутъ, для самой пользы общества и даже для пріятности его, необходимы неровности, преимущества, въ слѣдствіе прихоти судьбы, рожденія, случайныхъ, но узаконенныхъ условій и обстоятельствъ. Для водворенія этого равенства, о которомъ многіе толкуютъ и тоскуютъ, за невозможностію сдѣлать всѣхъ умными, надлежало бы сдѣлать всѣхъ глупыми, чего впрочемъ многіе безсознательно и прямо *инстинктивно*, можетъ быть, и добиваются. Въ старой Москвѣ *живали* и *умирали* тузы обоего пола. Фамусовъ правъ былъ, когда гордился ими. Неужели лучше имѣть въ игрѣ своей однѣ двойки да тройки? У Офро-

симовой былъ умъ не блестящій, но разсудительный и отличающійся Русскою врожденною сметливостію. Когда генералъ Закревскій назначенъ былъ Финляндскимъ генералъ губернаторомъ, она сказала: «Да какъ же будетъ онъ тамъ управлять и объясняться? Вѣдь онъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ Русскаго, не въ состояніи даже попросить у кого бы то ни было табачку понюхать!».

Она имѣла нѣсколько сыновей. Всѣ они истые и кровные Москвичи. Одинъ изъ нихъ, Александръ Павловичъ, кажется старшій изъ братьевъ; былъ большой чудакъ и очень забавенъ. Онъ въ мать былъ честенъ и прямодушенъ. Рѣчь свою пестрилъ онъ разными Русскими прибаутками и загадками. Напримѣръ говорилъ онъ: «Я человѣкъ безчасный, человѣкъ безвинный, но не бездушный».—А почему такъ?— «Потому что часовъ не ношу, вина не пью, но духи употребляю». Онъ прежде служилъ въ гвардіи, потомъ былъ въ ополченіи и въ офиціальные дни любилъ щеголять въ своемъ патріотическомъ зипунѣ съ крестомъ непомѣрной величины Анны второй степени. Впрочемъ, когда онъ бывалъ и во фракѣ, онъ постоянно носилъ на себѣ этотъ крестъ въ родѣ иконы. Проѣздомъ черезъ Варшаву отправился онъ посмотрѣть на разводъ. Великій Князь Константинъ Павловичъ, замѣтилъ его, узналъ и подозвалъ къ себѣ.—Ну, какъ нравятся тебѣ здѣшнія войска? спросилъ онъ его.—Превосходны, отвѣчалъ Офросимовъ. Тутъ ужъ не видать клавикордничанья?—Какъ? Что ты хочешь сказать?—Здѣсь не прыгаютъ клавиши одна за другою, а все движется стройно, цѣльно, какъ будто каждый солдатъ сплоченъ съ другими.—Великому Князю очень понравилась такая оцѣнка, и смѣялся онъ примѣненію Офросимова.

Въ 18-мъ или 19-мъ году, въ числѣ многихъ революцій въ Европѣ, совершилась революція и въ мужскомъ туалетѣ. Были отмѣнены короткіе штаны при башмакахъ съ пряжками, отмѣнены и узкіе въ обтяжку панталоны съ сапогами сверхъ панталоновъ; введены въ употребленіе и законно-утверждены либеральные широкіе панталоны съ гульфикомъ впереди, сверхъ сапогъ или при башмакахъ на балахъ. Эта благодѣтельная реформа въ то время еще не доходила до Москвы. Пріѣзжій N. N. первый явился въ Москву въ такихъ *невыразимыхъ*, на балъ М. И. Корсаковой. Офросимовъ, замѣтя его, подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «Что ты за штуку тутъ выкидываешь? Вѣдь тебя приглашали на балъ танцовать, а не на мачту лазить; а ты вздумалъ нарядиться матросомъ».

Говорили о комъ-то: Что ему за охота ухаживать всегда за дѣвчонками, вѣдь изъ этого ничего не выдетъ, и смѣшно.—Ничуть не смѣшно, перебилъ Офросимовъ; онъ хочетъ быть министромъ, онъ смотритъ и метитъ въ даль. Дѣвчонки выйдутъ за мужъ и вспомнятъ тогда, что онъ обращалъ на нихъ вниманіе, да и отблагодарятъ его.

Онъ уморительно-смѣшно разсказывалъ о сношеніяхъ своихъ съ Кокошкинымъ (Ѳ. Ѳ). У нихъ была общая родственница, старая дѣва. Была она при смерти больна. Та и другая сторона имѣли въ виду наслѣдовать ей. Проживала она у Кокошкина. Офросимовъ отправляется къ нему. Едва вошелъ онъ въ комнату, явился и Кокошкинъ. Больная лежала на кровати, выпуча глаза и не давала почти никакихъ признаковъ жизни.

Офросимовъ. Матушка моя прислала меня къ вамъ узнать о здоровьи.

Больная протяжно хрипитъ.

Кокошкинъ. Сестрица очень благодаритъ матушку вашу и васъ за вниманіе къ ней.

Офросимовъ еще ближе подходитъ къ кровати больной и говоритъ:

Матушка приказала мнѣ спросить васъ, не желаете-ли вы и ненужно ли вамъ, чтобы она васъ навѣстила.

Больная еще протяжнѣе хрипитъ.

Кокошкинъ. Сестрица очень благода-

ритъ матушку вашу за доброе предложеніе, но проситъ ее заѣхать къ ней попозже, когда ей будетъ легче.

Офросимовъ. Да помилуйте, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, что это переводите вы мнѣ по своему мычаніе и хрипѣніе сестрицы? Она ничего не слышитъ и не понимаетъ, и ни одного слова выговорить не можетъ, а вы сочиняете за нее отвѣты.

Сестрица вскорѣ за тѣмъ скончалась, а между наслѣдниками началась тяжба.

Разсказъ Офросимова, цѣликомъ въ лицахъ переданный на сценѣ, могъ-бы придать живое и мастерское явленіе комедіи нравовъ.

Онъ говорилъ оригинально, чистымъ, крѣпко отчеканеннымъ Русскимъ словомъ, говорилъ нѣсколько отрывисто и съ особеннымъ удареніемъ, такъ сказать подчеркивалъ выраженія, которымъ хотѣлъ дать усиленное значеніе и выпуклость.

Старая Москва была богатая руда подобныхъ оригиналовъ-самородковъ. Когда живалъ я въ ней, я ихъ всегда отыскивалъ и привязывался къ нимъ.

На всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ. То-то и бѣда, что не на всѣхъ, а только на нѣкоторыхъ. И за то спасибо! Оригинальность, когда она не напускная, не изученная, не поддѣльная, не подкрашенная, есть всегда болѣе или менѣе признакъ независимости характера; а подобная независимость есть своего рода мужество, своего рода доблесть. Донъ Кихотъ можетъ быть смѣшенъ, но прежде всего онъ рыцарски-благороденъ. Иногда уже и то вмѣняется въ достоинство, что бываешь не похожъ на другихъ. Мы не касаемся здѣсь историческихъ оригиналовъ, этихъ почтенныхъ обломковъ другаго вѣка, другаго славнаго царствованія. Они на почвѣ Москвы, хотя и старой, но которую все же начинало уже провѣтривать свѣжее вліяніе новыхъ временъ, составляли, такъ сказать, особый, заматерѣлый слой: онъ не смѣшивался съ другими. Для изображенія подобныхъ археологическихъ оригиналовъ надобно приступить къ начертанію исторической картины. Здѣсь довольствуемся тѣмъ, что накидываемъ бѣглымъ карандашемъ отдѣльные очерки, рисунки для альбома или политипажи.

Вотъ еще нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, которыя выглядываютъ изъ памяти моей.

Старикъ Приклонскій, едва ли не единый на твердой землѣ, добросовѣстно и по глубокому убѣжденію, не признавалъ за Наполеономъ императорскаго титла. До конца жизни своей честилъ онъ его не иначе какъ первымъ консуломъ, къ которому питалъ сочувствіе. Онъ горячо отстаивалъ мнѣніе свое и не менѣе горячо негодовалъ на слабодушіе правительствъ и журналовъ, которые величали Наполеона императоромъ.

Былъ еще оригиналъ, повсемѣстный, всюду являющійся, вездѣ встрѣчаемый. Онъ не былъ оригиналъ тонкой и примѣчательной грани; все было въ немъ довольно грубо и аляповато; со всѣмъ тѣмъ всѣ любили его. Онъ вхожъ былъ во всѣ лучшіе дома. Дамскій угодникъ, онъ находился въ свитѣ то одной, то другой Московской красавицы. Откуда былъ онъ? Какое было предыдущее его? Какія родственныя связи? Никто не зналъ, да никто и не любопытствовалъ узнать. Знали только, что онъ дворянинъ Сибилевъ, и довольно. Аристократическая, но преимущественно гостепріимная Москва не наводила генеалогическихъ справокъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы за обѣдомъ имѣть готовый приборъ для того и для другаго. Сибилевъ имѣлъ въ Москвѣ вѣроятно двадцать или тридцать такихъ ежедневно готовыхъ для него приборовъ. Хотя и нахлѣбникъ, не былъ онъ, такъ сказать, дворовымъ ни въ одномъ домѣ, а держалъ себя пристойно и даже съ нѣкоторою независимостію. Бѣдный или покрайней мѣрѣ весьма ограниченный въ средствахъ своихъ, никогда не былъ онъ подлипалою предъ богатою знатью. Еще одно достоинство: несмотря на проживанье его то тамъ, то

здѣсь, или тамъ и здѣсь, онъ не былъ сплетникомъ и не переносилъ сору изъ одного дома въ другой. Вообще былъ онъ права веселаго и большой хохотунъ. У него были кошачьи ухватки. Онъ часто лице свое словно облизывалъ носовыми платками, которыхъ носилъ въ карманахъ по три и по четыре. Князь Юсуповъ говорилъ про него: онъ не только Московскій Ловеласъ, но и Московскій ложелазъ. Такъ прозвалъ онъ его потому, что, бывая во всѣхъ спектакляхъ, онъ никогда ничего не платилъ за входъ, а таскался по ложамъ знакомыхъ своихъ барынь.

Забавно, что, не зная Французскаго языка и не понимая на немъ ни полслова, онъ попался въ театральную Французскую исторію, которая въ свое время надѣлала много шуму въ Москвѣ, какъ сама по себѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ. Русская барыня *) содержала нѣкоторое время труппу Французскихъ актеровъ. Лучшее Московское общество охотно посѣщало ея театръ. По какимъ-то закулиснымъ или внѣкулиснымъ обстоятельствамъ, содержательница не возлюбила молодой актрисы, которая была любимицею публики. Однажды въ ея ролѣ на сцену явилась другая актриса. Публика встрѣтила ее дружнымъ шиканьемъ: не давали ей пикнуть. Вслѣдъ за тѣмъ стали требовать прежней актрисы. Шумъ и разныя наступательныя заявленія поминутно разростались. Публика начала вызывать къ отвѣту директрису театра. Завелась гласная и крупная полемика между креслами и сценою. Пересылалась съ одной стороны къ другой колкости и разные поджигательные вызовы. Полиція была въ недоумѣніи и не знала на что рѣшиться, тѣмъ болѣе, что спектакль не принадлежалъ императорской дирекціи, а совершенно частной. Казусъ выходилъ неслыханный въ лѣтописяхъ полиціи и театра. Разумѣется, донесли о немъ въ Петербургъ и, вѣроятно, съ нѣкоторыми преувеличеніями и вышивками. Изъ Петербурга не замедлило приказаніе арестовать зачинщиковъ театральнаго скандала и разсадить военныхъ или военно-отставныхъ по гаубтвахтамъ, а статскихъ по съѣзжимъ домамъ. Нашъ бѣдный *ложелазъ*, не повинный тутъ ни единымъ словомъ, попалъ въ сей послѣдній разрядъ. Въ числѣ временныхъ жильцовъ съѣзжей былъ и богатый графъ Потемкинъ. Сей *великолѣпный* Потемкинъ, если не *Тавриды*, а просто Пречистенки, на которой имѣлъ онъ свой домъ, перенесъ изъ него въ съѣзжій домъ всю роскошную свою обстановку. Здѣсь давалъ онъ намъ лакомые и веселые обѣды. Въ осьмой день заточенія пріѣхалъ, во время обѣда, оберъ-полицмейстеръ Шульгинъ 2-й и объявилъ узникамъ, что они свободны. Все это было довольно драматически и забавно, и Замоскворѣцкій съѣзжій домъ долго не забудетъ своихъ неожиданныхъ и необычайныхъ арестантовъ. Сибилевъ получилъ новый оттѣнокъ извѣстности своимъ въ чужомъ пиру похмѣльемъ.

Въ числѣ оригиналовъ какъ не помянуть Новосильцова, пріятеля графа Растопчина! Онъ слылъ какимъ-то таинственнымъ нелюдимомъ, запертымъ въ своемъ недоступномъ домѣ. Москва только и знала его какъ какого нибудь Стамбульскаго пашу. Съ трубкою во рту разъѣзжалъ онъ по городскимъ улицамъ на красивомъ конѣ, покрытомъ богатымъ и золотомъ вышитымъ чепракомъ и увѣшанномъ богатою цѣпочною сбруею. Народъ, встрѣчаясь съ нимъ, снималъ шапки, недоумѣвая, какъ величать его.

Развѣ все это не живописно? Встрѣчаются ли еще подобные оригиналы-самородки въ нашей бѣлокаменной, или и они переплавлены въ общемъ литейномъ горнилѣ

*) Карцева, см. выше стр. 435, письмо А. С. Пушкина къ князю П. А. Вяземскому объ этой театральной исторіи.

(*) Объ этомъ Новосильцовѣ, отцѣ того юноши, котораго дуель съ Черновымъ надѣлала столько шуму въ 1825 году, см. „Девятнадцатый Вѣкъ,“ кн. 2-я, въ письмахъ графа Растопчина къ князю Циціанову.

въ одну сплошную и безличную массу? Жаль, если такъ!

*

Вскорѣ послѣ учрежденія жандармскаго вѣдомства, Ермоловъ говорилъ объ одномъ генералѣ: «Мундиръ на немъ зеленый, но если хорошенько поискать, то навѣрно въ подкладкѣ найдешь голубую заплатку».

«Что значитъ это выраженіе *Армяшка*, которое вы часто употребляете?» спросилъ Ермолова князь Мадатовъ.—«По нашему, отвѣчалъ Ермоловъ, это означаетъ обманщика, плута.» — «А понимаю, подхватилъ Мадатовъ, это то что мы поармянски называемъ Алексѣй Петровичъ.»

*

Во время Польской кампаніи 1831 года и неудачныхъ съ той и другой стороны ошибокъ между барономъ Розеномъ и генераломъ мятежниковъ Розмарино, Денисъ Давыдовъ говорилъ, что они между собою дѣтски разыгрываютъ какую-то жалкую басню: Розанъ и Розмаринъ.

Онъ же говорилъ о генералѣ, который претерпѣлъ въ морѣ ужасную бурю: Pauvre homme, comme il a du souffrir, lui qui craint l'eau, comme le feu. (Бѣдняжка, что онъ долженъ былъ выстрадать; онъ, который боится воды, какъ огня).

*

Въ числѣ невинныхъ шалостей и шутокъ Арзамаса находится и слѣдующая:

Шишковъ не даромъ корнесловъ;
Теорію въ себѣ онъ съ практикою вяжетъ:
Писатель, вкусу *шишъ* онъ кажетъ,
А логикѣ онъ строитъ *ковъ*.

*

Въ старой тетради одного изъ покойныхъ Молчалиныхъ отыскались нижезаписанные стихи.

I.

Послѣ отставки.

Друзья, опять я вашъ! Я больше не служу.
Въ отставку чистую и чистъ я выхожу.
Одинъ изъ множества рукой судьбы избранный,
Я чести дѣвственной могу идти въ примѣръ.
Я даже и святыя Анны
Не второкласный кавалеръ.

II.

Княжнинъ! Къ тебѣ былъ строгъ судебъ уставъ,
И надъ тобой сшутилъ онъ необычно:
Вадимъ твой былъ сожженъ публично,
А публику студитъ холодный твой Росславъ.

Вотъ и шарада, относящаяся также къ старой нашей литтературной эпохѣ.

Что *первое* мое? Пожалуй, родъ мѣшка,
Въ который всунула, про насъ, судьбы рука
Послѣднихъ множество и всѣхъ возможныхъ качествъ;
А въ *цѣломъ* смотришь: бичъ пороковъ и дурачествъ (*)

*

Когда въ нѣкоторыхъ журналахъ нашихъ встрѣчаются (а встрѣчаются часто) Французскія слова и поговорки вкривь и вкось употребляемыя, это всегда приводитъ мнѣ на память разсказъ Толстаго. Онъ ѣхалъ на почтовыхъ по одной изъ внутреннихъ губерній. Однажды послышалось ему, что ямщикъ, подстегивая кнутомъ коней своихъ, приговариваетъ: Ой вы, Вольтеры мои! Толстому показалось, что онъ обслушался; но ямщикъ еще раза два проговорилъ тѣ же слова. Наконецъ Толстой спросилъ его: да почемъ ты знаешь Вольтера?—Я не знаю его, отвѣчалъ ямщикъ.—Какъ-же могъ ты затвердить это имя?—Помилуйте, баринъ: мы часто ѣздимъ съ большими господами, такъ вотъ кое-чего и понаслушались отъ нихъ.

*

Была и царствовала въ Варшавѣ знакомая и Петербургу женщина, отъ природы и отъ обстоятельствъ поднятая на высокую общественную ступень. Она не была красавица ни по Греческому образцу, ни по какимъ другимъ пластическимъ образцамъ. Живописецъ и ваятель, можетъ быть, не захотѣли бы посвятить ей ни кисти своей, ни рѣзца: могущество и очарованіе прелестей ея остались бы для нихъ неуловимыми. Можно сказать, что красота сама по себѣ, а прелесть сама по себѣ. Есть яркіе, роскошные цвѣты безъ благоуханія; есть

(*) Разгадка будетъ въ слѣдующемъ выпускѣ Р. Архива. *П. Б.*

цвѣты, не бросающіеся въ глаза, не поражающіе своею стройностью, своимъ блескомъ, но привлекающіе къ себѣ и пропитывающіе кругомъ себя воздухъ невыразимымъ благоуханіемъ. Приближаясь къ нимъ, уже ощущаешь силу очарованія ихъ, и чѣмъ долѣе остаешься въ этой атмосферѣ, тѣмъ болѣе чувствомъ, умомъ, душою проникаешься ею и предаешься ей. Даже заочно, даже вдали, и по пространству и по времени, это вліяніе, это таинственное наитіе не совершенно теряетъ силу свою. Перебирая въ памяти былое время, случайно наткнешься на одинъ изъ этихъ знакомыхъ образовъ, и вдругъ обдастъ тебя душистымъ вѣяніемъ. Такъ въ старой шкатулкѣ своей найдешь неожиданно забытую, но завѣтную вещицу, женскую записочку, женскую перчатку, платокъ, еще сохранившій запахъ духовъ, употребляемыхъ тою или другою владычицею твоею, и при этомъ запахѣ всколеблется и воскреснетъ цѣлый міръ воспоминаній и преданій сердечныхъ. Есть Польское выраженіе, которымъ вознаграждается въ женщинѣ недостатокъ полновластной красоты, а именно говорятъ о ней, что она bardzo zgrabna: и многія Полячки довольствуются, и хорошо дѣлаютъ, что довольствуются, этою примѣтою, особенно и почти исключительно свойственною Польской женской натурѣ. Эта примѣта господствующимъ и очаровательнымъ образомъ выдавалась въ княгинѣ и графинѣ, о которой завели мы рѣчь. Говоримъ княгинѣ и графинѣ, могли бы сказать и шляхтянкѣ, потому что она перебывала, не на долгомъ вѣку своемъ, подъ этими тремя видами. По общей молвѣ, или, что̀ называется, въ свѣтѣ, знали ее по тремъ мужьямъ, которыхъ послѣдовательно носила она имя, по романическимъ приключеніямъ жизни ея, вообще вполнѣ независимой, нѣсколько своевольной и не рѣдко шедшей на перекоръ и перерѣзъ нѣкоторымъ статьямъ устава объ общественномъ благочиніи. Но кто зналъ ее ближе, видѣлъ въ ней и другія свойства, искупающія, по крайней мѣрѣ въ глазахъ посторонняго, отступленія отъ общественной дисциплины. Она была отмѣнно добрая, благотворительная и честная, если не жена, то женщина, даже набожная въ своемъ родѣ. И набожность ея, не смотря на ея увлеченія и, скажемъ прямо, слабости, не была въ ней ни ханжествомъ, ни обманомъ, ни лицемѣріемъ. Она была набожна, потому что въ слабости своей имѣла нужду въ опорѣ, въ убѣжищѣ покаянія, можетъ быть и скоротечнаго, но не менѣе того, на данную минуту, успокоительнаго и освѣжающаго. *Ригористы*, строгіе духовные законоучители не могутъ признавать подобную набожность за настоящую и требуемую церковнымъ и нравственнымъ уставомъ, и они вполнѣ правы съ своей точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія самой истины. Но мы не предпринимаемъ здѣсь ѳеологическаго разсужденія на эту тему. Мы просто списываемъ, или фотографируемъ подлинникъ, который имѣли подъ глазами, и подлинникъ, не смотря ни на что, особенно сочувственный. И такъ, какъ бы то ни было, она имѣла про себя набожность мягкосердечную, такъ сказать, общедоступную, домашнюю, ручную, къ которой прибѣгала она во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и въ которой находила минутное успокоеніе волненію своему, а можетъ быть и минутное очищеніе своей внутренней атмосферы. Какъ бы ни провела она день свой наканунѣ, ей нужно, ей было необходимо ѣхать утромъ въ церковь. Такъ начинала она день свой. Какъ проводила и кончала его, это не наше дѣло. Она разсказывала мнѣ, что въ молодости ея, молитва, на всякій обиходъ дня, была ей такъ нужна и такъ привычна, что, готовясь быть вечеромъ на балѣ, она поутру молила Бога въ косціолѣ, чтобы такой-то кавалеръ, который занималъ ея думы, пригласилъ ее на котильонъ. Это странная молитва; но не страннѣе той, которую два воинскіе враждебные стана возсылаютъ къ небу предъ сраженіемъ съ

тѣмъ, чтобы удалось тому и другому положить на мѣстѣ поболѣе ближнихъ своихъ по человѣчеству и предъ Небомъ, которое призывается въ союзники къ этому побіенію. Въ Варшавѣ разсказывали про нее слѣдующій случай изъ первой молодости ея. Въ это время обладателемъ сердца ея, или воображенія (въ точности опредѣлить трудно) былъ князь Р. Они ѣхали верхами по мосту надъ Вислою. Не знаемъ, по какому поводу, а князь сказалъ ей: «Вотъ вы говорите, что любите меня, а въ воду для меня не броситесь». Не отвѣчая на то ни слова, она тутъ же ударила хлыстомъ коня своего и перескочила съ нимъ перила моста, прямо въ рѣку. Въ достовѣрности этого разсказа ручаться не могу; какъ-то не случалось мнѣ провѣрить его собственнымъ свидѣтельствомъ ея, къ тому же не знавалъ я лошади ея и ея способностей; но что сама всадница была способна, въ данную минуту, совершить подобный скачекъ, въ томъ никакого сомнѣнія не имѣю и имѣть не могу. Къ довершенію портрета ея, скажемъ, что, по собственному признанію ея, въ физическомъ организмѣ ея не было врожденныхъ свойствъ, объясняющихъ ея увлеченія. Зародыши этихъ увлеченій прозябали въ сердцѣ ея, выростали и созрѣвали въ головѣ и окончательно развивались на почвѣ Польской натуры.

*

Клочки разговоровъ, мимоходомъ схваченныхъ.

X. Въ этомъ человѣкѣ нѣтъ никакихъ убѣжденій.

С. Какъ никакихъ? Есть одно неизмѣнимое и несокрушимое убѣжденіе, что *всегда* должно плыть по теченію, куда несла бы тебя волна, всегда быть на сторонѣ силы, къ какой цѣли ни была бы она направлена, всегда угождать тому или тѣмъ, отъ котораго и отъ которыхъ можно ожидать себѣ пользы и барыша.

*

X. Можно ли было предвидѣть, что онъ такъ скоро умретъ! Еще третьяго дня встрѣтился я съ нимъ; онъ показался мнѣ совершенно здоровымъ.

Р. А я уже нѣсколько времени безпокоился о немъ. Онъ былъ не по себѣ, какъ говорятъ, не въ своей тарелкѣ.

X. Что же вы замѣтили что по дѣламъ, въ присутствіи?...

Р. Нѣтъ, тутъ не замѣчалъ я ничего особеннаго. Все шло какъ слѣдуетъ, и никакой перемѣны въ немъ не оказывалось. Онъ слушалъ и подписывалъ бумаги безостановочно; но въ послѣдніе три-четыре дня онъ дѣлалъ такія ошибки въ вистѣ, по которымъ можно было заключить, что начинается какое-то разстройство во внутреннемъ его механизмѣ.

*

Г. (хозяинъ за обѣдомъ): А вы любите хорошее вино?

N. N. Да, люблю.

Г. У меня въ погребѣ отличное вино, еще наслѣдственное: попотчую васъ, въ первый разъ, что пожалуете ко мнѣ обѣдать.

N. N. (меланхолически и въ полголоса): Зачѣмъ же въ первый разъ, а не въ этотъ?

*

*Князь **** (хозяинъ за ужиномъ): А какъ вамъ кажется это вино?

Пушкинъ (запинаясь, но изъ вѣжливости): Ничего, кажется, вино порядочное.

*Князь ****. А повѣрите ли, что, тому шесть мѣсяцевъ, нельзя было и въ ротъ его брать.

Пушкинъ. Повѣрю.

*

Другой хозяинъ (за обѣдомъ). Вы меня извините, если обѣдъ не совсѣмъ удался. Я пробую новаго повара.

Гр. Мих. Вьельгорскій (наставительно и нѣсколько гнѣвно): Впередъ, любезнѣйшій другъ, покорнѣйше прошу звать меня на испробованные обѣды, а не на пробные.

Третій хозяинъ. Теперь подпесу вамъ вино историческое, которое еще отъ дѣда хранится въ нашемъ семейномъ погребѣ.

Гр. Мих. Вьельгорскій. Это хорошо, но то худо, что и поваръ вашъ, кажется, употребляетъ на кухнѣ масло историческое, которое хранится у васъ отъ дѣда вашего.

*

N. N. говоритъ о Вьельгорскомъ: Personne n'est plus aimable que lui, mais à un mauvais diner il devient féroce. (Нельзя быть любезнѣе его, но за дурнымъ обѣдомъ онъ становится свирѣпымъ).

*

Зрѣлая дѣвица (гуляя по набережной въ лунную ночь): Максимъ, способенъ ли ты восхищаться луною?

Слуга. Какъ прикажете, ваше превосходительство.

Политическій разговоръ.

X. Сами признайтесь, вѣдь Пальмерстонъ не глупъ; вотъ, что̀ онъ на это скажетъ?..

N. N. (перебивая его). Нѣтъ, позвольте, если Пальмерстонъ что нибудь скажетъ, то рѣшительно не то что̀ вы скажете.

—

Вальтеръ-Скоттъ основалъ въ свое время не только историко-романическую школу, но школу эпиграфовъ. Каждая глава романа его носила приличный, а иногда и замысловатый и остроумный ярлычекъ. Разумѣется, и у насъ бросились на историческіе романы, и особенно на эпиграфы. Вальтеръ-Скоттъ бралъ свои изъ старыхъ народныхъ легендъ и старыхъ комедій. У насъ мало этого запаса. Вообще эпиграфы носятъ болѣе или менѣе индивидуальный характеръ; а у насъ и въ литтературѣ есть какое-то общинное начало. Просматривая старый Россійскій Θеатръ, я отыскалъ кое-гдѣ отдѣльныя изрѣченія, которыя могли бы пригодиться въ эпиграфы. Напримѣръ, въ комедіи *О время!* (Императрицы Екатерины): «Чудно! Нашлась и въ Москвѣ молчаливая дѣвица».

Имянины г-жи Ворчалкиной (тоже сочиненіе Екатерины). Тутъ есть роль прожектера Некопѣйкина, который предлагаетъ проектъ *о употребленіи крысьихъ хвостовъ съ пользою.* Тутъ много забавныхъ выходокъ и поживовъ для эпиграфиста. «Казна только что грабитъ, и я съ нею никакого дѣла имѣть не хочу». Кто тутъ не узнаетъ царскаго пера, которое не страшится цензуры?

«Тьфу, пропасть какая! Да какъ тебѣ не скучно столько бѣдную бумагу марать чернилами?»

«Только позвольте мнѣ всегда, когда захочу, ѣздить въ комедіи, на маскарады, на балы, гдѣ бы они не были: въ этомъ только дайте мнѣ свободу, и не прекословьте никогда; впрочемъ я вѣкъ ни за кого не хочу, и съ вами не разстанусь»

Олимпіада матери своей Ворчалкиной: «Пропустимъ чрезъ кого нибудь слухъ, что скоро выдетъ отъ правительства запрещеніе десять лѣтъ не вѣнчать свадебъ, и что въ это время, слѣдственно, никто ни замужъ выдти, ни жениться не можетъ».

«Да и указъ есть такой, чтобъ дураковъ и дуръ не вѣнчать, да этотъ указъ изъ моды вышелъ.» (*Пустая Ссора* Сумарокова).

«Я его еще не *защипнулъ*» (говоритъ Дорантъ въ комедіи Сумарокова: *Лихоимецъ*).

Изяславъ: «Что̀ ты въ домѣ здѣсь, лакей или шутъ?»

(*Три брата-совмѣстника* Сумарокова).

Много еще можно было бы выкопать эпиграфовъ изъ старыхъ нашихъ комедій и старыхъ сатирическихъ журналовъ. Но кому теперь охота и время рыться въ нихъ? Подавай намъ все изготовленное à la minute, все прямо съ журнальной сковороды.

(*Продолженіе будетъ*).

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ГРАФИНИ РАСТОПЧИНОЙ.

Не бойтесь насъ, цари земные.
Не страшенъ искренній поэтъ,
Когда порой въ дѣла мірскія
Онъ вноситъ Божьей правды свѣтъ.

Во имя правды этой вѣчной
Онъ за судьбой людей слѣдитъ;
И не корысть, а пылъ сердечный
Его устами говоритъ.

Онъ не завистникъ: не трепещетъ
Вражда въ груди, въ душѣ его;
Лишь слабыхъ ради въ сильныхъ мещетъ
Онъ стрѣлы слова своего.

Онъ врагъ лишь лжи и притѣсненій,
Онъ мрака, предразсудка врагъ;
Въ немъ нѣтъ ни тайныхъ ухищреній,
Ни алчности житейскихъ благъ.

Нѣтъ,—не въ упрёкъ, не для обиды,
Звучитъ его громовый стихъ,
Когда, гласъ высшей Немезиды,
Караетъ онъ и зло и злыхъ.

Не знаетъ онъ любостяжанья;
Благоговѣйно принялъ онъ
Отъ Неба въ даръ свое призванье,
Добра желаньемъ вдохновленъ.

Не нужно ничего поэту,
Ни лентъ, ни мѣста, ни крестовъ:
Поэтъ за благостыню эту
Вамъ не продастъ своихъ стиховъ!...

Не бойтесь насъ, земныя власти,—
Но не гоните только насъ:
Мы выше станемъ при несчастьи,
Въ гоненьи доростемъ до васъ.

Подъ стражей общаго вниманья
Ростетъ и множится нашъ родъ:
За гнѣвъ, за стыдъ, за поруганье,
Любовью намъ воздастъ народъ.

Молва за насъ!... Судьба бѣдою
Грозитъ-ли намъ издалека,—
Ужъ надъ безпечной головою
Молвы хранящая рука.

Не обижайте насъ! Преданье
За насъ потребуетъ отчетъ,—
И въ месть за насъ, вамъ въ наказанье,
И васъ, и насъ переживетъ.

Не бойтесь насъ! Мы правду знаемъ.
Вамъ больше всѣхъ она нужна;
Мы смыслъ ея вамъ разгадаемъ,
Хоть вамъ не нравится она.

Не бойтесь насъ! Мы правду скажемъ,
Народный гласъ къ вамъ доведемъ;
Мы путь ко славѣ вамъ укажемъ
И вашу славу воспоемъ.

*

Но бойтесь устъ медоточивыхъ
Низкопоклонниковъ, льстецовъ;
Но бойтесь ихъ доносовъ лживыхъ
И ихъ коварныхъ полу-словъ.

Но бойтесь похвалы лукавой
И царедворческихъ рѣчей:
Въ нихъ ядъ, измѣна и отрава,
Отрава царства и царей.

Но бойтесь всѣхъ подобострастныхъ,
Кто лижутъ, ластятся, ползутъ.
Они васъ, бѣдныхъ-самовластныхъ,
И проведутъ, и продадутъ!...

Они поссорятъ васъ съ народомъ,
Его любовь къ вамъ охладятъ,
И неминуемымъ исходомъ,
Они въ томъ насъ же обвинятъ!...

Графиня Евдокія Растопчина.

Москва.
Августъ. 1856.

(Сообщено И. С. Аксаковымъ)

КУРЬЕЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНИ УПРАВЛЕНІЯ ВОЕННЫМЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

Со времени указа о вольности дворянства (1763 г. Полное Собр. Зак. № 1175,) и грамоты Императрицы Екатерины II, данной Россійскому дворянству, въ 1785 году (Полное Собраніе Зак. № 16187), члены этого благороднаго сословія пользовались полною свободою нести государственную службу и оставлять оную, когда пожелаютъ. Право это оставлено за дворянствомъ во всей силѣ и по восшествіи на престолъ Александра Благословеннаго. Не было оно, законодательнымъ порядкомъ, отмѣнено или ограничено и во все славное царствованіе сего Монарха. Но тѣмъ неменѣе графъ Аракчеевъ, управляя, въ 1808 и 1809 годахъ Военнымъ Министерствомъ, показалъ, въ какой мѣрѣ былъ онъ силенъ и какъ смѣло и рѣшительно, административнымъ порядкомъ, попиралъ, можно сказать, дарованныя дворянству привилегіи и дѣлалъ что̀ хотѣлъ. Рѣзкій примѣръ, къ сожалѣнію не единственный, его произвола доказывается печатаемыми ниже тремя документами, находящимися въ копіяхъ въ дѣлѣ Моск. Отд. Общ. Архива Главнаго Штаба, оп. 56, св. 346, № 25, объ отставкѣ провіантскаго коммисіонера 6-го класса Валуева (Дмитрія). Документы эти не нуждаются въ комментаріяхъ: они сами говорятъ о жалкой и вмѣстѣ смѣшной сторонѣ дѣла.

1-е) Предложеніе графа Аракчеева Государственной Военной Коллегіи отъ 11-го Апрѣля 1808 года за № 1666-мъ.

Штата провіантскаго коммисіонеръ 6-го класса Валуевъ [1] просилъ, чрезъ г. генералъ-провіантмейстера Мертваго, о увольненіи его, по болѣзни, отъ службы. Вскорѣ послѣ того, когда послѣдовалъ Военной Коллегіи въ 4 день Марта сего года именной Высочайшій Его Императорскаго Величества указъ, чтобы чиновниковъ коммисаріатскаго и провіантскаго департаментовъ не увольнять въ отставку, доколѣ департаменты сіи не отдадутъ по своему вѣдомству надлежащихъ отчетовъ [2], вошелъ онъ вторично съ

---

[1] Этотъ Дмитрій Валуевъ, какъ видно по Родословной Книгѣ, не былъ родственникомъ извѣстнаго въ то время дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Степановича Валуева. *П. Б.*

[2] Извѣстное распоряженіе императора Александра Павловича, вызванное безпорядками этихъ вѣдомствъ во время войны 1806 и 1807 годовъ. Эти чиновники, кромѣ того, всѣ лишены были мундира. Общей опалѣ подвергся, между другими и разумѣется безъ личной виновности, отецъ Пушкина Сергѣй Львовичъ, служившій въ Коммиссаріатѣ. *П. Б.*

просьбою объ отпускѣ его до излеченія уже болѣзни, и генералъ-провіантмейстеръ присовокупилъ съ своей стороны, что Валуевъ, по причинѣ болѣзни, давно уже никакой должности не отправляетъ.

Главный инспекторъ по медицинской части г. дѣйствительный статскій совѣтникъ баронетъ Виллie, коему поручилъ я освидѣтельствовать коммиссіонера Валуева, донесъ мнѣ нынѣ, какъ онъ по личному осмотру своему нашелъ его, каковое мнѣніе въ оригиналѣ препровождая у сего, предлагаю Государственной Военной Коллегіи сдѣлать сіе, чрезъ кого надлежитъ, извѣстнымъ коммисіонеру Валуеву и вытребовать *во первыхъ* отъ него желаніе, согласенъ ли г. Валуевъ быть отставленъ со внесеніемъ въ указѣ изъясненнаго мнѣнія главнаго инспектора? А *во вторыхъ*, вытребовать отъ генералъ-провіантмейстера, нѣтъ ли какихъ на немъ, г. Валуевѣ, недоконченныхъ отчетовъ или взысканіевъ? И по полученіи всего онаго Коллегія имѣетъ представить о томъ ко мнѣ, для поднесенія къ Высочайшему утвержденію.

Военный министръ графъ Аракчеевъ.

2-е) Мнѣніе лейбъ-медика Виллie.

Такъ какъ человѣческія дѣйствія трехъ родовъ бываютъ, естественныя, жизненныя и животныя: то по отклоненію оныхъ отъ здороваго состоянія, можетъ врачъ судить о здоровомъ и больномъ состояніи. Провіантскаго штата коммисіонеръ 6-го класса г. Валуевъ самъ признается, что онъ хорошо ѣстъ, пьетъ, спитъ спокойно, испражненія имѣетъ натуральныя; да и дородность тѣла его, равно какъ и цвѣтъ онаго, явственно доказываютъ что естественныя дѣйствія не страждутъ. Вольное дыханіе, пульсъ сообразный здоровому состоянію, свободное дѣйствіе членовъ доказываютъ неповрежденныя его животныя дѣйствія. Въ теченіе получаса нашихъ съ нимъ разговоровъ не могъ я замѣтить излишняго въ немъ ума, однакоже много неохоты къ службѣ. И такъ по всему можно почесть его болѣе моральнымъ страдальцемъ, нежели удрученнымъ физическими недугами. Если онъ получитъ отставку отъ теперешней должности, при которой онъ довольное время находился безъ дѣла, то, кажется мнѣ, чрезъ сіе будетъ совершенно излеченъ и осчастливленъ; да и въ службѣ безъ него обойтиться можно.

Яковъ Виллie.

Апрѣля 2 дня
1808 года.

Примѣч. Яковъ Васильевичъ Виллie въ послѣдствіи управлялъ всею медицинскою частію Россіи и во все царствованіе Императора Александра Павловича состоялъ при его особѣ. Шотландецъ, родился въ 1765, умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1854 году.

Вслѣдствіе такого министерскаго предложенія Военная Коллегія, указомъ отъ 15 того же Апрѣля за № 9748-мъ, требовала отъ генералъ-провіантмейстера Мертваго вышеозначенныхъ свѣдѣній. Сей послѣдній, 20 числа, донесъ Коллегіи, что по справкамъ на Валуевѣ „*неоконченныхъ отчетовъ и казенныхъ взысканій никакихъ нѣтъ*,“ при чемъ представилъ и отзывъ Валуева относительно помѣщенія въ его указѣ объ отставкѣ мнѣнія о немъ баронета Вилліе. Отвѣтъ данъ уклончивый, именно: что онъ, Валуевъ, „около пяти лѣтъ былъ одержимъ безпрерывно болѣзнію и нынѣ подверженъ частымъ припадкамъ,“ въ удостовѣреніе чего онъ напрасно ссылался на свидѣтельство пользовавшихъ его: генералъ-штабъ-доктора Рожерса и доктора Гальве, на прежнихъ своихъ начальниковъ и многихъ частныхъ лицъ и наконецъ на аптекарскія книги. Отъ него потребовали вновь *прямаго* отвѣта. Наконецъ Валуевъ, въ Маѣ, далъ отзывъ, что „*чувствуя себя неспособнымъ къ исполненію какой-либо должности, соглашается быть отставленнымъ на томъ основаніи, на какомъ благоугодно будетъ начальству.*“

По донесенію о семъ Военной Коллегіи, графъ Аракчеевъ, объявилъ оной 11-го Іюня 1808 года, за № 721-мъ, слѣдующее Высочайшее повелѣніе.

3-е) Государь Императоръ, по докладу моему отношенія ко мнѣ Государственной Военной Коллегіи №3039, содержащаго отзывъ провіантскаго коммисіонера 6-го класса Валуева, который просилъ сначала о увольненіи его отъ службы, потомъ, когда состоялся въ 4 день Марта сего года указъ о пріостановленіи отставки чиновниковъ провіантскаго департамента, доколѣ по вѣдомству его отчеты представлены будутъ, возобновилъ просьбу объ увольненіи его въ отпускъ для излеченія болѣзни, наконецъ опять настоятельно уже проситъ о увольненіи вовсе отъ службы по болѣзненнымъ припадкамъ, Высочайше указать соизволилъ: отставить его изъ штата провіантскаго, какъ чиновника, неимѣющаго къ службѣ усердія и внести въ видъ о его отставкѣ мнѣніе главнаго инспектора по медицинской части, свидѣтельствующаго о болѣзни его, которое для того при семъ препровождается.

Военный министръ графъ Аракчеевъ.

За симъ уже повелѣніемъ Валуевъ получилъ отставку и указъ объ оной, данный ему изъ Военной Коллегіи 23 Іюня 1808 года за № 19260-мъ, въ которомъ прописано и вышенапечатанное мнѣніе доктора Вилліе.

Фактъ этотъ не принадлежитъ-ли исторіи того времени, предоставляю рѣшить просвѣщенному читателю.

Григорій Александровъ.

12 Декабря 1873 года,
Москва.

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

ИСТОРІЯ.

Первый раздѣлъ Польши, сочиненіе Адольфа Беера. 2 тома, съ приложеніемъ документовъ въ третьемъ томѣ. (Beer. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873). Это сочиненіе основано на документахъ, открытыхъ и изслѣдованныхъ авторомъ въ Дрезденскомъ, Берлинскомъ, и особенно въ Вѣнскомъ архивахъ, и имѣетъ въ виду разъяснить Австрійскую политику въ этомъ дѣлѣ, равно какъ и участіе Фридриха Великаго. По этому главнымъ содержаніемъ книги служатъ дипломатическіе переговоры. Аргументація автора клонится къ опроверженію существующаго мнѣнія о томъ, что Фридрихъ II былъ главнымъ виновникомъ раздѣла Польши. Въ числѣ документовъ помѣщена переписка Маріи Терезіи съ Екатериною II и со Станиславомъ Августомъ, и корреспонденція между Вѣнскими и Петербургскими министрами.

*

Великая ландграфиня Каролина Гессенская. Біографическій очеркъ Вальтера (Walther. Die grosse Landgräfin Caroline v. Hessen. Ein Lebensbild. Darmstadt. 1873. 88 стр.) Каролина, супруга Людвига IX, ландграфа Гессенъ - Дармштатскаго (1728 — 1790) славилась умомъ и талантами и была въ близкомъ сношеніи съ знаменитостями Германской литературы и науки въ концѣ 18 столѣтія. Фридрихъ II, глубоко ее уважавшій, почтилъ ее извѣстною надгробною надписью: по природѣ женщина, по уму мужчина (femina sexu, vir ingenio). Для Русскихъ читателей любопытно въ этой книжкѣ описаніе поѣздки ландграфини Каролины въ Петербургъ съ тремя дочерьми, изъ коихъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ выбралъ себѣ невѣсту.

*

Исторія и записки графа Сегюра. (Histoire et mémoires: mélanges, par le général comte de Ségur. Paris. 1873). Подъ этимъ названіемъ изданы, въ первый разъ вполнѣ, въ 7 томахъ, историческія Записки графа Сегюра. Въ составъ ихъ входитъ и извѣстная исторія Наполеоновскаго похода въ Россію. Къ самымъ интереснымъ мѣстамъ Записокъ принадлежитъ разсказъ Сегюра о своихъ похожденіяхъ въ Россіи. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ Русскими въ 1807 году и, въ качествѣ опаснаго политическаго плѣнника, отосланъ на житье въ Вологду; въ плѣну оставался онъ до Тильзитскаго мира. Графъ Сегюръ, любимецъ и страстный чтитель Наполеона, состоялъ при немъ во всѣхъ знаменитыхъ его кампаніяхъ; онъ разсказываетъ много любопытнѣйшихъ подробностей о немъ и его сподвижникахъ, и передаетъ много словъ его и разговоровъ.

*

Въ Лондонѣ изданы **Записки о жизни адмирала Кодрингтона**, составленныя дочерью его леди Берчиръ. (Memoirs of the Life of Admiral sir Edward Codrington, with selections from his Public and Private Correspondence. Edited by his Daughter Lady Bourchier. Lond. Longmans. 1873). Кодрингтонъ,

родившійся въ 1770 году, прославилъ свое имя въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ трехъ кампаніяхъ Англійскаго флота противъ Франціи; а для Россіи особенно замѣчателенъ тѣмъ, что командовалъ соединенными эскадрами Британскою, Французскою и Русскою, въ Наваринскомъ сраженіи 1827 года. Записки о жизни его содержатъ въ себѣ много подробностей, относящихся къ этой эпохѣ и къ этому событію. Извѣстно, что вскорѣ послѣ битвы смѣнилось въ Англіи министерство, и новое правительство, въ главѣ коего сталъ герцогъ Веллингтонъ, выказало не радость, а скорбь о побѣдѣ подъ Наварином и нерасположеніе къ побѣдителямъ. Англійская эскадра была отозвана, безъ благодарности; Кодрингтонъ попалъ въ неловкое положеніе неудачнаго побѣдителя и вскорѣ принужденъ былъ выдти въ отставку. Ему предложили пенсію въ 800 фунт. стерл.; но онъ, къ чести своей, отказался отъ пенсіи, считая недостойнымъ получать одинъ награду, тогда какъ сподвижники его въ Наваринскомъ дѣлѣ остались даже безъ заявленія признательности. Кодрингтонъ до конца жизни пользовался уваженіемъ и отъ правительства, и отъ народа. Онъ умеръ въ 1851 г.

*

Къ тому же предмету, т. е. къ описанію Наваринской битвы, съ политическими ея причинами и послѣдствіями, относится одна изъ статей адмирала Жюрьенъ де ла Гравьера (Les missions extérieures de la marine) о политическихъ и военныхъ событіяхъ на Востокѣ, помѣщенная въ книжкѣ Revue de deux Mondes 15 Дек. 1873 года.

*

Жизнь и корреспонденція сера Джона Боргойна. (Life and Correspondence of sir John Burgoyne. By his Son-in-Law Wrottesley. 2 vols. Lond. 1873). Боргойнъ, одинъ изъ знаменитыхъ ветерановъ Испанской войны, призванъ былъ къ участію въ восточной войнѣ и въ Крымской экспедиціи. Въ 1854 году Англійское правительство командировало его въ Турцію для осмотра таможнихъ укрѣпленій, а затѣмъ, въ Августѣ того же года, онъ назначенъ состоять при лордѣ Регланѣ въ качествѣ главнаго инспектора инженерной части, отплылъ вмѣстѣ съ экспедиціей изъ Варны и за тѣмъ до половины 1855 года принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ совѣтахъ и распоряженіяхъ по осадѣ Севастополя.

Второй томъ изданной теперь (по смерти его) корреспонденціи заключаетъ въ себѣ любопытнѣйшіе матеріалы для оцѣнки дѣйствій Британской арміи въ теченіе осады. Боргойнъ былъ съ самаго начала въ числѣ противниковъ задуманнаго предпріятія и оставался до конца при своемъ мнѣніи, въ которомъ утверждалъ его опытъ всей кампаніи.

*

Біографія графа Линара, сочиненіе Янсена (Rochus Friedrich Graf zu Lynar. Zur Geschichte der nordischen Politik im 18 Jahrhunderte, v. G. Jansen. Oldenburg. 1873) содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о событіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ Русской исторіи. Графъ Линаръ, родомъ Саксонецъ, посвятилъ свою службу, по дипломатическимъ дѣламъ, Даніи и въ 1749 году посланъ былъ въ Россію для переговоровъ по трудному и запутанному вопросу о Шлезвигъ-Голштинскомъ наслѣдствѣ. Онъ оставался въ Петербургѣ до 1751 года. Въ сочиненіи Янсена описывается между прочимъ дѣятельность Линара въ Петербургѣ, съ любопытными подробностями о Русскомъ Дворѣ и объ отно-

шеніяхъ Великаго Князя Петра Ѳедоровича къ Екатеринѣ.

*

Шведскій профессоръ Фриксель (Fryxell) предпринялъ съ 1823 года изданіе **Изслѣдованій объ исторіи Швеціи**, въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Недавно, на 50 году изданія, вышелъ 41-й томъ его, содержащій въ себѣ исторію придворныхъ и дипломатическихъ интригъ въ Стокгольмѣ, по отношенію къ Россіи и къ Пруссіи, съ 1765 года по 1770 годъ.

*

Папскій нунцій при дворѣ Екатерины II (Un nonce du pape à la cour de Catherine II. Paris. 1872). Іезуитъ о. Гагаринъ предпринялъ изданіе подъ заглавіемъ: „Іезуиты въ Россіи съ 1783 по 1785". Первая книжка этого изданія содержитъ въ себѣ „Разсказъ Бѣлорусскаго Іезуита;" вторая, которой заглавіе выписано выше, заключаетъ въ себѣ записки о пребываніи въ Россіи монсиньора д'Аркетти, нунція, посланнаго папою Піемъ VI въ Россію. Онъ посланъ былъ, по словамъ Гагарина, для того, чтобъ уладить подъ рукою дипломатическія затрудненія, возникшія въ слѣдствіе дѣйствій епископа (вскорѣ архіепископа) Могилевскаго Сестренцевича-Богуша. Сестренцевичъ учредилъ въ Полоцкѣ Іезуитскій новиціатъ, чѣмъ сильно встревожилось Испанское правительство враждебное къ Іезуитамъ, и въ угоду ему папа, въ тайнѣ покровительствовавшій Іезуитамъ, послалъ д'Аркетти въ Россію.

*

Бартенштейнъ и его время, соч. Арнета (Arneth. Johann Christoph Bartenstein und seine Zeit. Wien. 1871). Бартенштейнъ съ 1727 года завѣдывалъ протоколами Австрійской тайной государственной конференціи, пользовался особеннымъ довѣріемъ Карла VI и Маріи Терезіи и лишь въ 1753 году оставилъ свою должность графу Кауницу. Во все это время Бартенштейнъ посвященъ былъ въ тайны Австрійской дипломатіи. Матеріалы, собранные Арнетомъ для его біографіи, во многомъ касаются до отношеній Австрійскаго правительства къ Русскому въ эту эпоху. Особеннаго вниманія заслуживаетъ помѣщенная въ приложеніи секретная записка, составленная Бартенштейномъ въ 1762 году по порученію императрицы, для эрцгерцога Іосифа, объ отношеніяхъ Австріи къ иностраннымъ державамъ и о внѣшней ея политикѣ съ 16 столѣтія до начала Семилѣтней войны.

*

Батскій архивъ (The Bath Archives. A Selection from the Diaries and Letters of sir Geo. Jackson, from 1809 to 1816. Edited by Lady Jackson. 2 vls. Lond. 1873) Подъ этимъ названіемъ издаются въ послѣдовательномъ порядкѣ записки и корреспонденція сера Джексона, Англійскаго дипломата, бывшаго въ 1813 году Британскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Прусскомъ дворѣ. Въ этой должности онъ имѣлъ возможность видѣть близко многихъ знаменитыхъ военныхъ и политическихъ дѣятелей той эпохи. Въ томъ числѣ, въ воспоминаніяхъ его, сохранилось нѣсколько интересныхъ подробностей объ императорѣ Александрѣ I и о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ. Таково напр. описаніе пребыванія союзныхъ монарховъ въ Теплицѣ и великолѣпнаго праздника въ лагерѣ въ день коронаціи Александра I, церемоніи принятія императоромъ ордена подвязки, пребыванія его въ Парижѣ съ союзными войсками и т. п.

*

Въ Вѣнѣ начато изданіе документовъ, (на Латинскомъ языкѣ) относящихся къ переговорамъ о соединеніи Латинской церкви съ Греческою. Документы извлечены, по большой части, изъ Ватиканскаго архива. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ документы съ 1124 по 1582 годъ. (Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum graecae et romanae, edita ab Aug. Theiner et Franc. Miklosich. Cum tabula. Wien. 1872).

*

Переписка между графомъ Бернсторфомъ и герцогомъ Шуазелемъ съ 1758 по 1766 годъ, изданная въ Копенгагенѣ, имѣетъ главнымъ предметомъ политическія отношенія Даніи къ Франціи и къ Россіи во время Семилѣтней войны. (Correspondance entre le comte Johann Hartwig Ernst Bernstorff et le duc de Choiseul. Copenhague. 1871).

*

Извѣстный Датскій ученый, изслѣдователь Скандинавскихъ древностей, профессоръ Ворсе (Warsaae), въ Копенгагенѣ, издалъ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Заселенія и древнѣйшія культурныя отношенія въ Россіи и на Скандинавскомъ Сѣверѣ.* (Russlands og det Skandinaviske Nordens Bebyggelse og aeldste Kulturforhold). Въ этомъ сочиненіи авторъ доказываетъ, что первоначальная культура на Сѣверѣ Европы произошла изъ Азіи и изъ сѣверной Африки, и что движеніе цивилизаціи съ начала такъ называемаго каменнаго періода совершалось въ направленіи съ Сѣвера-востока.

*

Ранке издалъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями, любопытную переписку Прусскаго короля Вильгельма IV съ другомъ его Бунзеномъ. (Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilgelms IV mit Bunsen. Leipz. 1873). Въ этой перепискѣ многое касается Восточнаго вопроса и Крымской войны.

*

Къ исторіи Русской политики въ концѣ 18 столѣтія относится изданная въ Вѣнѣ переписка императора Іосифа II съ Кауницемъ и съ Леопольдомъ II. (Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel, herausgeg. V. Adolph Beer. Wien. 1873).

*

Существующее въ Парижѣ общество Польской исторіи и литературы издаетъ отъ времени до времени сборникъ трудовъ своихъ, подъ названіемъ Ежегодника. Въ 1873 году, послѣ трехлѣтняго перерыва, появился въ Познани новый выпускъ Ежегодника. Въ немъ напечатаны между прочимъ письма Станислава Августа съ 1784 по 1792 годъ, и переписка Іоахима Лелевеля съ Карломъ Сипкевичемъ.

*

Исторія Финляндіи, сочиненіе **Коскинена** (Koskinen, Geschichte von Finnland. Leipzig. 1873).

*

Петръ Великій, идеалъ государя по понятію Гердера, брошюра сочиненіе Суфана. (*Suphan.* Peter der Grosse, Herder's Fürstenideal. Königsberg. 1873).

*

Забытый памятникъ Петра Великаго. Рѣшеніе одной нумизматической задачи. Брошюра соч. Эрбштейна (*Erbstein.* Ein vergessenes Denkmal Peters des Grossen. Lösung eines numismatichen Räthsels Dresden. 1872).

*

Szaraniewiz. Die Hypatios-Chronik als Quellen-Beitrag zur österreichishen Geschichte. Lemberg. 1872. Подъ этимъ

заглавіемъ докторъ Исидоръ Шараневичь собралъ, въ переводѣ, тѣ мѣста Ипатьевской лѣтописи, которыя имѣютъ отношеніе къ исторіи земель, входящихъ въ составъ владѣній Австрійской монархіи, съ толкованіями по другимъ источникамъ.

*

Реслера. О началѣ Славянскихъ поселеній на нижнемъ Дунаѣ. Изслѣдованіе, въ 42 стр. (Roesler. Ueber den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau. Wien. 1873. 53 стр). Авторъ извѣстенъ въ ученой литературѣ прежнимъ своимъ сочиненіемъ объ исторіи Придунайскихъ поселеній. Въ этой книжкѣ онъ доказываетъ, что древнѣйшія Славянскія поселенія были на Днѣпрѣ, и что во 2-й половинѣ 5 вѣка ихъ оттѣснило наступательное движеніе Германскихъ племенъ. Въ 6 вѣкѣ они появляются на Савѣ и распространяются въ равнинахъ и горахъ Паннонін. Главный предметъ разсужденія составляютъ Аварско-славянскія войны при императорѣ Маврикіи и его преемникахъ; авторъ доказываетъ, что лишь послѣ этихъ войнъ, и не ранѣе половины 7-го столѣтія, Славянскія племена распространяются за Дунайскою границею.

*

Нѣсколько членовъ Англиканскаго духовенства издаютъ сборникъ статей о современныхъ церковныхъ вопросахъ подъ заглавіемъ: *Церковь и Вѣкъ* (The Church and the Age. London. Murray. 1872). Во второмъ томѣ этого сборника помѣщена между прочимъ статья Вилліамса (Кембриджскаго университета) о настоящемъ положеніи Православной восточной церкви относительно церквей Англиканскаго исповѣданія. Эта статья содержитъ въ себѣ краткій очеркъ сношеній Православной церкви съ Англиканскою и попытокъ къ соединенію обѣихъ церквей. Первое обстоятельное извѣстіе о Православной церкви появилось въ Англіи, по словамъ автора, ровно 200 лѣтъ тому назадъ, въ книгѣ, изданной Ѳомою Смитомъ, членомъ Магдалининской Коллегіи въ Оксфордѣ, жившимъ нѣкоторое время въ Константинополѣ, въ пасторской должности при Англійскомъ посольствѣ. Книга эта носитъ такое заглавіе: Account of the Greek Church as to its Doctrine and Rites of Worship (Извѣстіе объ ученіи и обрядахъ Греческой церкви).

Въ нынѣшнемъ столѣтіи, по замѣчанію автора, интересъ къ Грековосточной церкви оживился въ лицѣ тоже Оксфордца и члена той же Коллегіи, Пальмера. За тѣмъ общее любопытство вновь привлечено было къ тому же предмету съ появленіемъ сочиненій Ниля, составляющихъ донынѣ главный источникъ свѣдѣній о Греческой церкви въ Англійской литературѣ (Neale, Introduction to the History of the Holy Orthodox Church, и еще: History of Patriarchate of Alexandria). Прибавимъ отъ себя, что Ниль (уже умершій) своими учеными изысканіями, безъ всякаго посредства, дошелъ до убѣжденія въ томъ, что истина церковнаго ученія сохраняется въ одной Православной церкви, предался этимъ изысканіямъ всею душою, безъ матеріальныхъ средствъ, въ нуждѣ и бѣдности, въ борьбѣ съ преслѣдованіями, которыя обрушились на него именно за это со стороны ревностныхъ Англиканцевъ. На труды его въ свое время графъ Протасовъ обратилъ вниманіе покойнаго Государя Николая, который прислалъ ему денежное вспоможеніе.

За тѣмъ Вилліамсъ обращается къ разсказу о возникшей въ 1864 году East-Church-Association и о бывшемъ въ Лондонѣ совѣщаніи съ членами Рус-

ской церкви по вопросу о соединеніи. Потомъ останавливается на посѣщеніи Лондона въ 1870 году архіепископомъ Сирскимъ, на преніяхъ о церковномъ ученіи, происходившихъ у него съ епископомъ Еляйскимъ (Bishop of Ely) и на возникшей въ слѣдствіе того богословской переискѣ.

*

Мы упоминали уже (Книжныя Вѣсти 1872 года) о первомъ томѣ изданнаго Пальмеромъ сочиненія о патріархѣ Никонѣ. Въ нынѣшнемъ году появились второй и третій томъ того же изданія, подъ заглавіемъ Патріархъ и Царь (The Patriarch and the Tsar. Lond. 1873). Второй томъ содержитъ въ себѣ переводъ, съ примѣчаніями Пальмера, извѣстнаго описанія поѣздки въ Россію Макарія, патріарха Александрійскаго; третій томъ—изложеніе отвѣтовъ Никона и соборнаго опредѣленія о его низложеніи (Паисія Лигарида). Пальмеръ доходитъ до фанатизма въ своемъ ученіи о Никонѣ, котораго возвеличиваетъ непомѣрно. Свидѣтельствомъ этого увлеченія служитъ самое изданіе трехъ толстыхъ томовъ (въ каждомъ до 600 страницъ)—изданіе, которое едва ли можетъ имѣть значительный расходъ въ публикѣ.

*

Путешествія и описанія.

Изъ Петербургскаго общества (Aus der Petersburger Gesellschaft. Leipz. 1873). Сборникъ живо написанныхъ очерковъ, безъ имени автора, которые прежде того помѣщались выдержками, въ газетѣ Neue Freie Presse. Очерки эти политическаго содержанія и содержатъ въ себѣ характеристику главныхъ политическихъ дѣятелей, партій, журналовъ, общественныхъ кружковъ и т. п. Написаны они въ духѣ неблагопріятномъ Россіи. О тонѣ книги можно судить по ея эпиграфу: La facilité de faire sa carrière préserve la Russie du mécontentement.— Авторъ, по всей вѣроятности, одинъ изъ недовольныхъ Россіей уроженцевъ Прибалтійскихъ губерній. Хотя онъ касается только слегка и мимоходомъ такъ называемаго Остзейскаго вопроса, но умственное его отношеніе къ этому вопросу видно по тому, кого изъ Русскихъ общественныхъ дѣятелей онъ осыпаетъ похвалами и о комъ говоритъ несочувственно. Книжка эта появилась и въ Англійскомъ переводѣ подъ названіемъ *Замѣтныя лица въ Русскомъ обществѣ* (Distinguished persons in Russian Society, transl. by Bunnett. Lond. 1873).

*

Славянскій міръ, путевыя и литературныя впечатлѣнія, соч. Луи Лежè. (Le monde slave, voyages et littérature, par Louis Leger. Paris 1873). Собраніе очерковъ и статей, хорошо и умно написанныхъ. Общая цѣль книги—возбудить въ Французахъ сочувственный интересъ къ явленіямъ Славянскаго міра, и общая мысль та, что свѣдѣнія объ этомъ мірѣ слѣдуетъ пріобрѣтать непосредственнымъ изученіемъ, а не изъ чужихъ рукъ, особенно не изъ Германскихъ и не изъ Польскихъ источниковъ. Введеніе содержитъ въ себѣ очеркъ Славянскихъ племенъ и прежнихъ попытокъ къ изученію ихъ во Франціи. Одна глава занята изслѣдованіемъ о происхожденіи такъ называемаго панславизма и о первыхъ стремленіяхъ къ нему въ литературѣ Славянской до нынѣшняго столѣтія. Сверхъ того въ книгѣ еще девять статей. Три изъ числа ихъ заняты описаніемъ поѣздки по Чехіи и по Южно-славянскому краю. Далѣе слѣдуютъ: очеркъ жизни и дѣятельности Штросмайера, очеркъ исторіи

литературы у южныхъ Славянъ, разборъ одной Сербской драмы, разборъ трагедіи Толстаго: Иванъ Грозный, сочиненій Диксона и Барри о Россіи, книги Рольстона о Русскихъ пѣсняхъ, и статья объ управленіи театрами въ Россіи.

*

Сочиненіе Венгерца Гунфальви о поѣздкѣ по Прибалтійскому краю съ изслѣдованіемъ Эстонскаго племени и его литературы (см. Книжныя Вѣсти 1872 г.) издано въ Нѣмецкомъ переводѣ: Reise in den Ostseeprovinzen Russlands, von Paul Hunfalvy. Frei aus dem Ungarishen. Leipzig. 1873.

*

Поѣздка въ Севастополь и Іерусалимъ, соч. Крига (James Creagh. A Scamper to Sebastopol and Jerusalem in 1867. Lond. 1873). Авторъ, самъ принимавшій участіе въ Крымскомъ походѣ Англичанъ, описываетъ живымъ языкомъ, не безъ таланта, хотя и безъ ученыхъ свѣдѣній, мѣстности Крымской войны, памятники знаменитой осады, картины южнаго берега Крыма и Кавказа.

*

По дорогѣ въ Константинополь и изъ Константинополя (To and from Constantinople. By Jerningham. Lond. 1873). Г. Джернингемъ, одинъ изъ чиновниковъ Англійскаго посольства въ Турціи, издалъ подъ этимъ заглавіемъ очерки своихъ путешествій и наблюденій въ Турціи и въ Греціи. Для Русскаго читателя въ этой книгѣ имѣютъ особый интересъ описанія Аѳона и бесѣдъ автора съ Греческими монахами, въ которыхъ выражается нынѣшнее раздраженіе Греческаго духовенства противъ Россіи и противъ Русской политики на Востокѣ.

*

Фонтенѐ. Сельско-хозяйственная поѣздка по Россіи (Voyage agricole en Russie, par Fontenay. Paris. 1872. 569 p.). Книга эта состоитъ изъ путевыхъ писемъ автора, совершившаго поѣздку по Россіи, съ спеціальною цѣлью изучить Русское сельское хозяйство въ естественныхъ и бытовыхъ его условіяхъ, подобно тому какъ въ прежнихъ путешествіяхъ изучалъ онъ съ тою же цѣлью Англію съ Шотландіей и Данію съ Швеціей. Поѣздка въ Россію совершена имъ лѣтомъ 1869 года. Онъ пріѣхалъ черезъ Берлинъ въ Петербургъ, осматривалъ хозяйство въ окрестностяхъ столицы, потомъ, черезъ Москву, ѣздилъ по Тульской, Нижегородской, Казанской, Самарской и Тамбовской губерніямъ. Болѣзнь остановила его въ Орлѣ и заставила вернуться домой. Письма его наполнены замѣтками и расчетами по части сельскаго хозяйства и описаніями наблюденій, относящихся до помѣщичьяго и крестьянскаго быта. Въ концѣ книги напечатана полуоффиціальная записка, поданная имъ, по возвращеніи, Французскому министру финансовъ, Пуйе-Кертье, съ докладомъ объ условіяхъ сельскаго хозяйства въ Россіи и о томъ, чего можетъ надѣяться или опасаться Французская промышленность отъ Русской производительности. Вообще тонъ писемъ г. Фонтенѐ критическій и нисколько не сочувственный къ Россіи, на которую онъ смотритъ съ высшей точки Французскаго цивилизатора.

*

Фрисъ, профессоръ Лапландскаго языка въ Христіаніи, издалъ сочиненіе подъ названіемъ: *Лѣто въ Финмаркѣ, Русской Лапландіи и сѣверной Кареліи* (En Sommer i Finmarken, russisk Lapland og Norp-Karelen. 1872). Того же автора вышла книга *о Лапландской*

миѳологіи и народныхъ сказкахъ. (Lappisk Mythologi, Eventir og Folkesagn).

*

Weber. Reiseerinnerungen aus Russland. Leipzig. 1873. (Воспоминанія о поѣздкѣ въ Россію, Вебера).

*

Путешествіе по Ледовитому морю въ 1870 и 1871 годахъ, фонъ-Гейглина (Reisen nach dem Nordpolarmeer in den Jahren 1870 und 1871, von M. T. v. Heuglin. Brauschweig, 1873). Фонъ-Гейглинъ, извѣстный путешественникъ по Африкѣ, описываетъ въ этой книгѣ свои впечатлѣнія въ экспедиціи къ сѣверному полюсу на фрегатѣ Германія въ 1871 году. Эта экспедиція не доставила новыхъ свѣдѣній для географической науки и не успѣла даже исполнить первоначальный планъ, по которому предполагалось дойти вдоль береговъ Сибири до устьевъ рѣки Оби. Главнымъ ея результатомъ было изслѣдованіе Новой Земли и нѣкоторыхъ другихъ острововъ, и главное содержаніе книги относится къ этому предмету.

*

Преданія и сказки.

Появился новый трудъ почтеннаго Англичанина, любителя Русской народной литературы, Рольстона: *Русскія народныя сказки*, посвященный памяти А. Н. Аѳанасьева (Russian Folk-tales, by W. R. S. Ralston, of the British Museum. London. 1873. Smith, Elder et Co). Книга эта содержитъ въ себѣ прекрасный переводъ 51 сказки, выбранной авторомъ изъ собраній Аѳанасьева, Худякова, Эрленвейна и Чудинскаго. Между сказками помѣщены въ изобиліи толкованія и подстрочныя примѣчанія со ссылками на богатую литературу сравнительнаго изученія сказокъ и преданій у разныхъ народовъ древности. Книга дѣлится на 6 главъ. Первая, вступительная, о Русскихъ сказкахъ вообще и объ отношеніи ихъ къ Русской жизни и народному быту. Вторая и третья содержатъ въ себѣ миѳологическія сказки. Въ четвертой — сказки о колдунахъ и вѣдьмахъ; въ пятой — о мертвецахъ и вампирахъ; въ шестой — народныя легенды о животныхъ, духахъ и демонахъ.

Книга эта пріятна для Русскаго читателя: въ ней видно сочувственное отношеніе автора къ Русскому народу и искренняя любовь къ народной его литературѣ. Почитаемъ не излишнимъ привести послѣднія слова, которыми заканчивается сочиненіе Рольстона. „Я буду удовлетворенъ, говоритъ онъ, если эта книга окажется полезною для любителей народной литературы. Но мнѣ будетъ еще пріятнѣе, когда посредствомъ этой книги читатели вообще заинтересуются сказками Русскаго народа, а черезъ эти сказки бытомъ тѣхъ самыхъ Русскихъ крестьянъ и крестьянокъ, которыя любятъ ихъ сказывать и Русскихъ дѣтей, которыя любятъ ихъ слушать. Однажды вечеромъ, въ первую мою поѣздку въ Россію, поѣздъ, на которомъ я ѣхалъ, задержанъ былъ на нѣсколько часовъ на станціи между Петербургомъ и Москвою. Покуда исправляли локомотивъ, пассажиры гуляли по линіи, между кучками крестьянскихъ дѣтей, которыя собрались поглазѣть на нихъ. Въ первый разъ удалось мнѣ тутъ видѣть близко Русскихъ крестьянскихъ дѣтей, и я былъ удивленъ, когда замѣтилъ, до какой степени походили они на Англійскихъ дѣтей и чертами и выраженіемъ лицъ. Съ той поры пришлось мнѣ много разъ знакомиться съ дѣтьми въ Россіи, но у меня не выходятъ изъ памяти тѣ маль-

чики и дѣвочки, какъ они стояли на дорогѣ, облитые лучами заходящаго солнца въ ожиданіи, пока тронется поѣздъ. Казалось мнѣ, точно они составляютъ живое звѣно между страною, которую я только что покинулъ и тѣмъ обширнымъ краемъ, съ которымъ я только что начиналъ знакомиться. Можетъ быть подобнымъ же звѣномъ между Англійскимъ и Русскимъ чувствомъ послужили бы сказки, въ которыхъ находятъ такое наслажденіе дѣти (старыя и малыя), какъ Англіи, такъ и Россіи. Иная черта въ иной сказкѣ соединяетъ весь міръ взаимнымъ родствомъ. Позволяю себѣ надѣяться, что исторіи, помѣщенныя въ этой книгѣ, возбудятъ хотя въ нѣкоторыхъ изъ Англичанъ доброе сочувствіе къ Славянскимъ нашимъ, хотя и отдаленнымъ, сродникамъ.“ Сочиненіе Рольстона встрѣчено рѣдкимъ сочувствіемъ въ Англійской литературной и ученой критикѣ. И въ Германіи ученая критика крайне была заинтересована имъ. Изъ Англійскихъ критическихъ журналовъ наиболѣе замѣчательныя статьи о книгѣ помѣщены были въ Athenaeum и въ Academy. Статья послѣдняго журнала принадлежитъ Либрехту, извѣстному въ Германіи ученому знатоку народной литературы.

Вообще въ Англійской литературѣ замѣтно, въ послѣдніе годы, оживился интересъ къ памятникамъ народнаго творчества въ Россіи. Въ слѣдствіе того, конечно, попадаются иногда въ Англійскихъ журналахъ статьи объ этомъ предметѣ, присылаемыя изъ Россіи. Такъ напр. въ Athenaeum, 29 Ноября, есть статья Кіевскаго профессора Драгоманова по поводу чтеній въ Кіевскомъ отдѣлѣ Географич. общества о Южнорусскихъ думахъ и бандуристахъ.

*

Этнографія, языкъ, политика, смѣсь.

Епископъ Мельхиседекъ, въ Бухарештѣ, издалъ на Румынскомъ языкѣ, подъ названіемъ „Lipovenismulu“ (Липованцы), описаніе раскольничьихъ сектъ и толковъ между Русскими поселенцами въ Буковинѣ, Добруджѣ и въ Придунайскихъ княжествахъ. Въ числѣ сектъ, указываетъ онъ между прочимъ, на низовьяхъ Дуная, одну, которую называетъ сектою Наполеоновцевъ. Они вѣруютъ будто бы въ Наполеона и убѣждены, что онъ не умеръ, но скрывается около Иркутска, въ Сибири, и когда нибудь выйдетъ оттуда съ великою арміей покорять вселенную.

*

Сказки дальняго востока, изъ Калмыцкаго и Монгольскаго преданія (Sagas from the Far-East; or Kalmouk and Mongolian traditionary Tales. With Historical Preface and Explanatory Notes, by the Author of „Patranas“. London. 1873).

*

Вюрстенбергера. О нынѣшнихъ сельско-хозяйственныхъ отношеніяхъ въ Россіи (V. Würstenberger. Die gegenwärtigen Agrarverhältnisse Russlands. Leipzig. 1873.)

*

Къ вопросу о чистотѣ породы Орловскихъ рысаковъ. Соч. Іессена (Jessen, zur Frage über die Reinheit der Race des Orlow'schen Träber-pferdes. Wien. 1873.)

*

Христіанъ Саровъ (см. Книжныя вѣсти 1871 года), издалъ новое сочиненіе о финансовомъ и экономическомъ развитіи Россіи со времени Крымской войны (Sarauw. Das russ. Reich in seines

finanziellen u. ökonomischen Entwickelung, seit dem Krimkriege. Nach offiziellen Quellen dargestellt. Leipzig. 1873).

*

Русскіе въ Средней Азіи, соч. Гелльвальда (Die Russen in Centralasien. Eine Studie über die neueste Geographie und Geschichte Centralasiens, v. Friedrich Hellwald. 1873. Augsburg). Самое основательное изъ сочиненій изданныхъ въ послѣднее время по этому предмету. Авторъ воспользовался всѣми матеріалами, которые могли дать ему ученая и журнальная литература по вопросу о Средней Азіи. Первая половина книги содержитъ въ себѣ обстоятельное изложеніе географическихъ и историческихъ свѣдѣній. Во второй половинѣ обсуждается вопросъ о просвѣтительномъ значеніи Русскаго владычества въ Средней Азіи и политическомъ значеніи его для Англіи. Авторъ держится того мнѣнія, что Россія, по своему характеру и положенію, призвана и одна только можетъ внесть просвѣщеніе въ эти пустынныя страны.

*

Одинъ изъ образованныхъ поевропейски представителей старой Турецкой партіи, фанатикъ Суннитскаго магометанства, Али Суави Эффенди, издалъ въ Лондонѣ Французскій переводъ своего Турецкаго сочиненія о *Хивѣ и ея значеніи.* (Le Khiva en Mars 1873. Lond. Quaritch). Это сочиненіе замѣчательно тѣмъ, что объясняетъ взглядъ правовѣрнаго Мусульманства на нынѣшнее Хивинское дѣло. Авторъ, разъясняя исторію Хивинскаго ханства по Арабскимъ и Турецкимъ источникамъ, старается доказать, что Хива была въ Средней Азіи не просто разбойничьимъ гнѣздомъ, но служила центромъ и оплотомъ Суннитско-мусульманскаго *просвѣщенія*, въ борьбѣ съ проклятымъ, по мнѣнію автора, шіитствомъ и съ ненавистною автору Россіей. Мусульманству пророчитъ онъ въ будущемъ судьбу новой религіи, долженствующей обновить человѣчество.

*

Извѣстный путешественникъ Вамбери написалъ *Исторію Бухары съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.* Книга издана почти одновременно въ Штутгартѣ, въ Нѣмецкомъ оригиналѣ, и въ Лондонѣ въ Англійскомъ переводѣ (Geschichte Bochara's oder Transoxaniens, von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Nach orientalischen benutzten und unbenutzten handschiftlichen Geschichtsquellen. Zum erstenmal bearbeitet von Herrm. Vambery. Stuttgard. 1872. 2 тома). Послѣдній отдѣлъ книги содержитъ въ себѣ обстоятельный историческій очеркъ новѣйшихъ Русскихъ завоеваній въ Средней Азіи, съ описаніемъ занятія древней столицы Тамерлановой, Самарканда. Противъ обычая своего Вамбери воздерживается въ этомъ сочиненіи отъ ожесточенныхъ нападокъ на Россію и довольствуется объективнымъ изложеніемъ событій. Вѣрность ученыхъ изысканій автора въ этомъ сочиненіи подвергается сильнымъ опроверженіямъ со стороны ученыхъ оріенталистовъ (см. ст. въ Litterarsiches Centralblatt 1873 № 19); и одинъ изъ проживавшихъ въ Бухарѣ Европейцевъ, бывшій Американскій консулъ въ Москвѣ, г. Скайлеръ возражаетъ и противъ вѣрности этнографическихъ и географическихъ его описаній (въ Англ. журналѣ. Athenaeum 1873 г.).

*

По Среднеазіатскому вопросу вышли еще слѣдующія сочиненія:

Гольдсмида, Центральная Азія и вопросъ объ ней (Goldsmid, Central Asia and its Question. Lond. 1873).

Грина, Защита Сѣверозападной границы Индіи отъ Русскихъ (Colonel Green. The Defence of the North-West Frontier of India with reference to the advance of Russia in Central-Asia. Lond. 1873).

*

Въ журналѣ Unsere Zeit, 1873, № 21, статья Вамбери: Русскій походъ на Хиву и результаты похода.

*

Рутенское литературное движеніе въ Россіи и въ Галиціи (Il Movimento Literario Ruteno in Russia e Gallizia. Firenze. 1873).

*

Веске. Изслѣдованія для сравнительной грамматики Финскаго нарѣчія (Untersuchung zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes, v. Mich. Weske. Leipzig. 1873).

*

Словарь Литовскаго нарѣчія, Куршата (Kurschat, Wörterbuch der litthauichen Sprache. Halle. 1873). Изданіе это еще не окончено.

*

Въ Лейпцигѣ издана первая часть Словаря Польскаго и Русскаго языка, составленнаго Потоцкимъ; первая часть содержитъ въ себѣ Польско-русскій словарь (Potocki. Slownik polskiego i rossyiskiego jezyka. Czesć 1. Polsko-rossyjska. Leipzig. 1873).

*

Маттеи. Промышленность Россіи въ историческомъ развитіи и въ нынѣшнемъ состояніи. Ручная книга промышленности во всей области Россійской имперіи. Томъ 2 (Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwickelung und in ihrem gegenwärtigen Zustande. Industrielles Handbuch für das Gesammtgebiet des russ. Reiches. Leipzig. 1874. 514 стр).

*

Въ засѣданіи Лондонскаго общества искусствъ (Society of Arts), въ Декабрѣ 1872 года, была читана записка профессора Леона Леви: о промышленности, торговлѣ и путяхъ сообщенія въ Россіи.

*

Тайлоровъ институтъ въ Оксфордѣ, въ исполненіе воли Илчестера, завѣщавшаго особый денежный фондъ на пособіе къ изученію Славянскихъ нарѣчій, исторіи и литературы, открылъ, въ Февралѣ 1873 года, конкурсъ на премію въ 50 фунтовъ, за Англійское сочиненіе о лучшемъ способѣ къ изученію Славянскихъ нарѣчій, и въ особенности Русскаго языка. Это сочиненіе должно быть изложено въ видѣ практическаго руководства, и содержать въ себѣ: 1) сжатое обозрѣніе всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, съ означеніемъ по каждому древнихъ памятниковъ литературы и съ указаніемъ грамматическихъ руководствъ и лексиконовъ каждаго нарѣчія; 2) практическія указанія источниковъ и руководствъ для изученія Русскаго языка; 3) сжатый историческій очеркъ Русской литературы.

*

Въ Германской литературѣ продолжаются, съ новымъ ожесточеніемъ, пристрастныя нападки и клеветы на Россію и на Русское правительство по поводу воображаемаго преслѣдованія лютеранской вѣры въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Выставляя себя поборниками терпимости и обличителями религіознаго фанатизма, авторы подобныхъ сочиненій не замѣчаютъ, въ пылу ложной своей ревности, что сами они, въ сущности, служатъ дѣлу фанатизма, ослѣпленнаго гордостью такъ называемой Германской и протестантской культуры. Въ 1872 году появилось сочиненіе Вюрстембергера, одного изъ членовъ-эмиссаровъ извѣстнаго Евангелическаго Союза, по-

сланныхъ ходатайствовать за лютеранство у Русскаго правительства. Оно называется такъ: *Свобода совѣсти въ Русскихъ прибалтійскихъ провинціяхъ* (Die Gewissensfreiheit in den Ostseeprovinzen. Erfahrungen gesammelt während einiger Reisen. Leipzig. 1872). Сочиненіе это, растянутое и неискусно написанное, вѣрно принятой въ подобныхъ случаяхъ тактикѣ—отдѣлять верховное правительство въ Россіи отъ Русскаго народа и общества. Другое подобное изданіе, г. Штернберга, содержитъ въ себѣ переводъ Самаринскихъ Окраинъ, съ пространными опровerженіями автора (Die Livländischen Bekehrungen wie sie Herr Samarin erzählt. Leipzig. 1872).

На книгу Вюрстембергера явилось возраженіе, со стороны Тишендорфа: Die evangelische Alliance-Deputation an Kaiser Alexander zu Friedrichshafen. Zur Abwehr der groben Entstellungen u. Verläumdungen des H. v. Würstemberger. Leipz. 1872.

На книгу Тишендорфа Вюрстенбергеръ напечаталъ опроверженіе: Die evangelische Allianz-Deputation und Herr v. Tischendorff. Leipz. 1873.

*

Право законодательства въ Лифляндіи (Das Gesetzgebungsrecht in Livland. Eine landestaatliche Erörterung. Leipzig. 1873. I. Allgemeiner Theil. 43 стр.).

*

Степанъ Никитичъ Сарафановъ. Изъ церковно-политическаго быта Лифляндіи. Разсказъ, сочиненіе г. Шульца (R. Schulz. St. Nik. Sarafanow. Aus dem kirchlich-politischen Leben Livlands. Erzählung. Leipzig. 1873. 320 стр.).

*

Вышелъ IV-й томъ Окраинъ Россіи. Онъ содержитъ въ себѣ статьи: о депутаціи Евангелическаго союза въ Штутгартѣ, о раздачѣ казенныхъ участковъ православнымъ въ Лифляндіи и о Русскихъ школахъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.

*

Разсказы изъ Русской исторіи.

Сахеръ-Мазохъ, новый писатель, пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ Германской литературѣ, повѣстями и разсказами на сюжеты изъ Славянскаго и Русскаго міра. Критика причисляетъ его къ подражателямъ Тургенева въ Германской литературѣ. Французская Revue des deux mondes въ нынѣшнемъ году напечатала нѣсколько его разсказовъ (напр. въ книжкѣ 1 Августа повѣсть: La barina Olga, изъ помѣщичьяго и крестьянскаго быта въ Малороссіи). Въ послѣднее время онъ издалъ рядъ очерковъ и картинъ изъ придворнаго быта въ Россіи 18-го столѣтія, подъ слѣдующими заглавіями: 1) Разсказы изъ исторіи Русскаго Двора 2 тома (Russische Hofgeschichten. Leipz. 1873.) Здѣсь помѣщены между прочимъ—*Описаніе послѣднихъ дней жизни Петра Великаго* и *Исторія Ледянаго Дома.* 2) Историческій романъ въ 3 томахъ, изъ Елисаветинской эпохи, подъ названіемъ *Женщина Султанъ* (Ein weiblicher Sultan. Leipzig. 1873.)

*

Въ томъ же родѣ появилось еще нѣсколько книгъ, въ числѣ коихъ замѣчательнѣе прочихъ съ талантомъ написанные очерки быта и нравовъ Русскаго общества въ царствованіе Екатерины II, г. Милиуса, изданные въ формѣ историческаго романа. Онъ называется такъ: *При Дворѣ Сѣверной Семирамиды* (Am Hofe der Nordischen Semiramis, v. Otfrid Mylius. Hannover. 1873).

*

Грасгофа, романъ подъ загл. Сибирь или разжалованные 14-го Декабря 2 тома. 1) На Невѣ и на Волгѣ. 2) За Ураломъ (Grasshoff. Sibirien oder die Declassirten, vom 14 December. Kassel. 1874).

*

Смерть Лжедимитрія послужила еще разъ темою для драмы. Драма эта, въ 5 актахъ и 9 картинахъ, на Французскомъ языкѣ, появилась подъ заглавіемъ: Минута верховнаго владычества (Un moment de Toute-Puissance, drame tiré de l'histoire de Russie par Jules F. Paris. 1873).

*

Жизнь Петра Великаго, соч. Г. Барро (The Life of Peter the Great. By J. Barrow. Lond. 1873. Will. Tegg).

*

Siebigk. Katherina der Zweiten Brautreise nach Russland 1744—1745. Eine historische Skizze. Dessau. 1873. (Свадебный поѣздъ Екатерины II въ Россію. Историческій очеркъ, Сибигка.)

*

Переводы.

Дружинина — Полинька Саксъ и Пушкина Барыня-крестьянка, Французскій переводъ г-на Клей (Alph. Clayes.) Brux. 1872.

*

Khomiakoff. L'église latine et le protestantisme au point de vue de l'église d'Orient. Lausanne. 400 страницъ.

*

Во Французскомъ переводѣ изданы повѣсти Тургенева: Вешнія воды и Степной Король Лиръ.

*

Revue de deux mondes. 1872, 1 Декабря. Переводъ повѣсти Тургенева: Конецъ Чертопханова, подъ названіемъ *Le gentilhomme de la steppe*.

*

Стихотворенія Александра Пушкина въ Нѣмецкихъ подражаніяхъ, Шмитта (Dr. Schmitt. Gedichte von Al. Puschkin in deutscher Nachbildung. Wiesbaden. 1873. 119 стр.).

*

Избранныя проповѣди покойнаго митрополита Московскаго Филарета, въ Англійскомъ переводѣ (Select Sermons by late Metropolitan of Moscow, Philaret, translated from the Russian. London. 1873). Наша соотечественница, жительница Москвы и почитательница таланта митрополита Московскаго, перевела на Англійскій языкъ и издала подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ 31 проповѣдь покойнаго святителя. Для этого выбраны ею тѣ проповѣди, которыя, по общему мнѣнію и по собственному ея сужденію, представлялись наиболѣе замѣчательными и могли представить наиболѣе интереса для Англійскихъ любителей церковной литературы. Сюда вошли, напримѣръ, извѣстныя проповѣди на Страстную пятницу, о Крестѣ, на Вербное воскресенье, на Пасху, проповѣди о дѣвствѣ, о чудесахъ, о разныхъ предметахъ вѣры и нравственности. Двѣ проповѣди на Благовѣщеніе и на Успеніе выбраны съ особливою цѣлью разъяснить Англиканскимъ читателямъ православное ученіе о Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ. Точная, сжатая, выразительная рѣчь Филарета представляла переводчицѣ немало затрудненій въ передачѣ на Англійскій языкъ; но она преодолѣла эти затрудненія съ большимъ успѣхомъ, и переводъ ея пріятенъ для Русскаго читателя, знакомаго съ языкомъ Филарета. Онъ оказался пріятенъ, судя по отзывамъ мѣстныхъ журналовъ, и для Англійскихъ читателей. Въ началѣ книги помѣщена, кромѣ предисловія, краткая біографія Филарета, а въ концѣ обстоятельное примѣча-

ніе о Русскомъ старообрядствѣ съ различными его толками, и о единовѣріи *).

*

Статьи въ журналахъ.

Въ Revue de deux mondes.

1 Января, ст. г. Блерзи, объ успѣхѣ желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи (Les chemins de fer en Russie).

1 Февраля ст. г-жи Дора д'Истріа (Масальской) о народной поэзіи у восточно-турецкихъ племенъ, между проч. на Алтаѣ и у Киргизовъ, на основаніи книги Радлова о народной литературѣ Сибирскихъ племенъ и описанія Киргизскихъ степей, Левшина и Залѣсскаго.

15 Марта. Статья Рамбо, о женскомъ воспитаніи, и въ особенности о новыхъ женскихъ гимназіяхъ въ Россіи.

Г. Альфредъ Рамбо, Французъ бывавшій въ Россіи, помѣстилъ въ R. d. d. mondes нѣсколько статей, составленныхъ по Русскимъ источникамъ: 1) Объ отступленіи отъ Москвы великой арміи, по книгѣ Толычевой: Разсказы очевидцевъ о 12-мъ годѣ. 2) Легенды о Петрѣ Великомъ, въ современныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ (1 Авг.). 3) Московскія царицы и Русское общество въ эпоху возрожденія (1 Октября); составлено по извѣстнымъ сочиненіямъ Забѣлина о домашнемъ бытѣ Русскихъ царей и царицъ.

Въ томъ же журналѣ рядъ статей г. Леруа-Болье, подъ названіемъ L'empire des Tsars et les Russes (15 Авг., 15 Сент., 15 Окт.): Россія и Русскіе. Природа, черноземъ, степи и населенія. Племена и національности. Финны. Татары. Славяне. Народный характеръ и темпераментъ. Пейзажи и портреты. Эти статьи, составленныя также по Русскимъ источникамъ, обращаютъ на себя вниманіе обстоятельнымъ и серіознымъ изложеніемъ.

Въ Academy 1872, 1 Декабря, ст. Рольстона о книгѣ, изданной Е. В. Барсовымъ: *Причитанія сѣвернаго края.*— Въ Saturday Review, 1873 г. 22 Ноября, его же статья о книгѣ Гильфердинга, изданной по смерти его: *Онежскія былины.*

Въ Британскомъ 4—мѣсячномъ обозрѣніи (British Quarterly Review) за Январь 1873 г. статья: *Императоръ Александръ и Русская политика.*

Въ журналѣ: Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, ст. Тильмана о торговлѣ Россіи съ Европою въ послѣднее десятилѣтіе. 1873 г. 2—3 книжка.

Въ Historische Zeitschrift, Зибеля, 1873, кн. 4, ст. Лиске: О политикѣ Екатерины II въ Польскихъ дѣлахъ.

Въ Книжныхъ Вѣстяхъ 1868 года упоминалось о сочиненіи Русскаго ученаго, г. Ѳедора Вешнякова, подъ заглавіемъ: Recherches sur les conditions anthropologiques de la production scientifique est esthétique. Сочиненіе это продолжало выходить отъ времени до времени выпусками, изъ коихъ послѣдній появился въ 1872 году подъ названіемъ Contribution à la recherche sur les conditions и пр. Paris—Moscou.

Въ этомъ выпускѣ, равно какъ и въ предшествовавшихъ (особливо въ выпускѣ 1865 года), авторъ обращаетъ особенное вниманіе на психическое изслѣдованіе научной дѣятельности Александра фонъ-Гумбольдта. Сочиненіе нашего соотечественника нашло себѣ похвальную оцѣнку въ Германской критикѣ, которая въ послѣднее время обратилась къ изслѣдованіямъ о Гумбольд-

(*) Какъ мы слышали, Русскій рукописный текстъ этой статьи о старообрядствѣ и единовѣріи принадлежитъ И. С. Аксакову. *П. Б.*

тѣ, по поводу изданной въ 1872 году цѣлою компаніею ученыхъ полной научной біографіи Гумбольдта.

*

Извѣстный ревнитель спиритизма Александръ Аксаковъ издалъ, въ Нѣмецкомъ переводѣ съ Англійскаго, книгу Крукса, подъ названіемъ *Спиритуализмъ и наука*, съ присовокупленіемъ къ ней результатовъ, добытыхъ на бывшихъ въ Петербургѣ (и какъ извѣстно неудачныхъ) засѣданіяхъ спирита Юма съ Петербургскими учеными (Crookes. Der Spiritualismus und die Wissenschaft. Experimentelle Untersuchungen über die physische Kraft. Leipz. 1872).

*

Кустодіевъ. Петръ Великій въ Карлсбадѣ, 1711 и 1712. Историческія воспоминанія. Буда-Пештъ. 1873. Тоже сочиненіе издано и въ Нѣмецкомъ текстѣ.

*

Изслѣдованіе о рублѣ цесаревича великаго князя Константина Павловича, сочиненіе кн. Трубецкаго (Prince Alexandre Troubetzkoy. Rouble de Constantin Césarewitch, Grand Duc de Russie. Marseille. 1873.)

*

Вырубова брошюра: Мнѣніе гражданскаго человѣка о защитѣ Парижа. (Wyrouboff. Opinions d'un civil sur la défense de Paris. Paris. 1872.)

*

Ивана Головина: Интернаціоналка въ экономическомъ, политическомъ и соціальномъ отношеніи (L'internationale sous le rapport économique, politique et social. Paris. 1873.)

*

Планъ уничтоженія Грекоуніатской церкви, изданіе Мартынова (Іезуита). (Le Plan d'abolition de l'église grecque-unie. Document historique. Paris. 1873.)

*

Въ Лондонѣ вышла книга: Избранныя сочиненія Эмануила Сведенборга въ Русскомъ переводѣ съ Латинскаго подлинника, съ приложеніями. Лондонъ. 1872. Выпускъ 1. Истинно-христіанская религія. XIII и 73 стр.

*

Тѣни прошедшаго (Ombres du passé. Souvenirs d'un officier du Caucase. Par Georges Wl... off. Paris). Книга эта содержитъ въ себѣ очерки военнаго быта на Кавказѣ въ 50-хъ годахъ. Въ концѣ помѣщено этнографическое изслѣдованіе о Кавказскихъ племенахъ.

*

Basaroff. Die russische orthodoxe Kirche. Ein Umriss ihrer Entstehung u. ihres Lebens. Stuttg. 1873. 36 S.

*

Его же. Die Ehe nach der Lehre u. dem Ritus der orthodoxen russischen Kirche. Neue Ausgabe Stuttg. 1872.

*

Письмо къ Государю Наслѣднику Цесаревичу (Lettre à Son Altesse Impériale le Grand Duc Tzarevitch de toutes les Russies par Iowan Danilowitch. Paris. 1873). Брошюра въ 51 стр., занятая краткимъ обозрѣніемъ исторіи Славянскихъ государствъ и вѣковой ихъ борьбы съ германизаціей. Цѣль сочиненія доказать, до какой степени необходимо для дальнѣйшаго успѣха этой борьбы значеніе Польскаго государства.

ДѢЛА ИЛЬ ПУСТЯКИ ДАВНО МИНУВШИХЪ ЛѢТЪ.

(Письмо къ М. Н. Лонгинову.)

Премного благодарю васъ, любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ, за присылку мнѣ Сентябрьской книжки Русскаго Вѣстника. Въ ней напечатана статья о „неизданныхъ піесахъ Грибоѣдова.“ А какъ въ одной изъ помянутыхъ піесъ есть и мое участіе, то вы, по любознательности своей, желаете имѣть отъ меня справки и объясненія по этому дѣлу. Не могу не повиноваться требованіямъ вашимъ: вы отецъ и командиръ всей пишущей, грамотной и полуграмотной братіи нашей, какъ строевой и наличной, такъ и безсрочно-отпускной и инвалидной. Вы не только *начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати* живой и нынѣшней, но и мертвой, вчерашней, третьягоднишней, и едвали не допотопной. Трудолюбивый, неутомимый изыскатель по Русской части біографической и библіографической, вы всё прочуяли, перевѣдали, пересмотрѣли, до всего добрались и продолжаете добираться. Отъ вашихъ истинно цензорскихъ, то есть сотенныхъ Аргусовыхъ глазъ ничто печатное до нынѣ, и чуть-ли не все писанное, не ускользнуло. Всевѣденіе и память ваша изумительны. На ловца и звѣрь бѣжитъ. Вотъ нечаянно попалось вамъ на глаза давнымъ давно забытое, да и въ свое время мало извѣстное и, можно сказать, случайное произведеніе Грибоѣдова: „Кто братъ? Кто сестра?“, и вы сей часъ производите, хотя и по остывшимъ отъ времени слѣдамъ, дознаніе, чтобы опредѣлить, какъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ оно возникло и совершилось. Изъ всѣхъ отвѣтчиковъ и свидѣтелей по этому дѣлу, чуть ли не я одинъ на лицо изъ числа всѣхъ живущихъ на землѣ. Присягнувъ предъ вами, что буду говорить правду и одну правду, начинаю показаніе свое. Но извольте принять въ соображеніе, что съ того времени прошло нѣсколько законныхъ и крупныхъ давностей; слѣдовательно, могу передать только то, что помню и что уцѣлѣло въ памяти моей подъ спудомъ, нынѣ неожиданно пробужденной вашимъ вопросомъ и предъявленными уликами. Теперь къ дѣлу, но съ маленькимъ предисловіемъ.

Литтература наша въ настоящее время переродилась въ Чичикова. Вѣроятно за неимѣніемъ живыхъ, наличныхъ душъ, она принялась промышлять мертвыми. Вездѣ, гдѣ бы то ни было, у кого-бы то ни было, скупаетъ она мертвыя души, выгребаетъ ихъ изъ могилъ и закладываетъ въ разные журнальные банки. Иныя изъ этихъ операцій хорошо и блистательно удаются, но далеко не всѣ. Другія проваливаются, за недостаткомъ достовѣрныхъ и законныхъ свидѣтельствъ, за неблагонадежностью лицъ, представляющихъ эти залоги. Впрочемъ это дѣло банковъ—быть осмотрительными и строго контролировать свои кредитныя распоряженія. Жаль только, что частыя несостоятельности и ложные документы могутъ подрывать довѣріе публики къ подобнымъ сдѣлкамъ. Впрочемъ и то сказать, публика наша такая благонравная, такая цѣломудренно-довѣрчивая, что за нее печалиться намъ не для чего. Одинъ тесть говорилъ про зятя своего: „мой

зять прекрасный человѣкъ; что ни поставь передъ нимъ—все съѣстъ.“ Наша публика сродни этому зятю.

Какъ-бы то ни было, я никогда не думалъ и не гадалъ, чтобы по истеченіи полустолѣтія вынырнуло изъ театральныхъ подваловъ дитя почти мертворожденное и вскорѣ погребенное. Мнѣ казалось, что, не удержавшись на сценѣ, оно вовсе и безвозвратно погибло. Не тутъ-то было. Выходитъ, что Французская поговорка: „discret comme la tombe“ не всегда вѣрна. Въ наше время и могилы сдѣлались очень нескромными и болтливыми.

Во время оно и я былъ присяжнымъ Московскимъ театраломъ. Привычка къ театру есть родъ запоя. Въ извѣстный часъ послѣ обѣда запоетъ какой-то червь въ груди; дома не сидится; покидаешь чтеніе самой занимательной книги, отрываешься отъ пріятнаго и увлекательнаго разговора и отправляешься въ театръ, чтобы въ креслахъ своихъ смотрѣть на посредственныхъ актеровъ и слушать скучную драму. Московская труппа была такъ себѣ. Большихъ талантовъ, и въ особенности образованныхъ актеровъ, тогда не было. Репертуаръ, какъ и вообще весь Русскій репертуаръ, былъ слабъ и скуденъ. Насъ, между прочимъ, забавляло смотрѣть, какъ нѣкоторые изъ актеровъ, на сценѣ, въ самомъ пылу дѣйствія или любовнаго объясненія, однимъ глазомъ ни на минуту не смигнутъ съ директорской ложи, чтобы видѣть, доволенъ ли игрою ихъ Апол. Александ. Майковъ, тогдашній директоръ театра. Но насъ, на ту пору *блестящую* Московскую молодежь, привлекалъ въ особенности балетъ, пламенно воспѣтый Денисомъ Давыдовымъ въ лицѣ красавицы Ивановой и удостоенный похвальнымъ отзывомъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. Когда говорю балетъ, то должно подъ нимъ скорѣе разумѣть *разнохарактерный дивертисементъ*. Тутъ подлинно, въ разнообразныхъ пляскахъ, являлись красивыя, граціозныя и талантливыя танцовщицы. Это было своего рода поэзія. Кромѣ помянутой и царствующей Ивановой, было нѣсколько блестящихъ личностей: въ числѣ ихъ назову Новицкову, живую, увлекательную черноглазую и густо-черноволосую Цыганочку. Особенно памятенъ мнѣ одинъ дивертисементъ подъ названіемъ, кажется, „Семикъ.“ Тутъ на выборъ подобрано было всё что ни есть лучшаго въ Московскомъ театрѣ по вѣдомству пляски и пѣнія. Молодой Лобановъ въ ролѣ Цыгана, съ черною бородою и въ яркокрасномъ архалукѣ, приводилъ въ восторгъ всю публику отъ креселъ до райка своими эксентрическими и неистовыми *колѣнцами*. Тогда *канканъ* не былъ еще изобрѣтенъ, и мы безпорочно довольствовались нѣкоторою отвагою въ движеніяхъ. Со славою Лобанова, соперничалъ, помнится, какой-то Лебедевъ, не принадлежавшій Московскому театру, но „со стороны“ учавствовавшій въ „Семикѣ,“ какъ пѣсельникъ. Голосомъ своимъ онъ звонко заливался; руки его, вооруженныя ложками, фейерверочно вертѣли ими; ноги его такъ прытко изворачивались въ присядку, и все тѣло его такъ изгибалось и трепетало, что онъ былъ живой и превосходный образецъ бѣснующагося. Въ одинъ изъ проѣздовъ чрезъ Москву Государя Александра Павловича театральная дирекція вздумала угостить его „Семикомъ.“ Но онъ вообще не охотникъ былъ до эксентрическихъ изъявленій и выказалъ мало сочувствія разгулу и дикой поэзіи „Семика.“ Напротивъ, узнавъ, что бѣснующійся *ложечникъ*—служащій писарь по какому-то военному вѣдомству, онъ остался очень недоволенъ: приказалъ, чтобы сей артистъ-дилеттанте впередъ не осмѣливался показываться на сценѣ, а воен-

ному начальству его сдѣланъ строжайшій выговоръ за допущеніе подобнаго безобразія.

Извините меня: старыя воспоминанія бывшаго театрала увлекли меня далеко въ сторону. Но судя уже по вашей любопытной статьѣ о *Русскомъ театрѣ* видно, что и вы старый театралъ. А потому оправдываюсь предъ вами передѣлкою стиха Латинскаго поэта: „Вы театралъ, и ничто театральное чуждымъ быть вамъ не можетъ.“

Теперь уже рѣшительно выступаю на прямой путь.

Въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ, въ 22-мъ или 23-мъ, директоръ Московскаго театра Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, съ которымъ находился я въ пріятельскихъ отношеніяхъ, просилъ меня написать что нибудь для бенефиса Львовой-Синецкой (кажется такъ) актрисы, состоявшей подъ особеннымъ покровительствомъ его. Я ему отвѣчалъ, что не признаю въ себѣ никакихъ драматическихъ способностей, но готовъ ссудить начинкою куплетовъ піесу, которую другой возмется состряпать.

Предъ самымъ тѣмъ временемъ, познакомился я въ Москвѣ съ Грибоѣдовымъ, уже авторомъ знаменитой комедіи. Я сообщилъ ему желаніе Кокошкина и предложилъ взяться вдвоемъ за это дѣло. Онъ охотно согласился. Мы условились въ нѣкоторыхъ основныхъ началахъ. Онъ бралъ на себя всю прозу, расположеніе сценъ, разговоръ и проч. Я бралъ — всю стихотворную часть, то есть все что должно быть пропѣто. Грибоѣдову принадлежитъ только одинъ куплетъ:

> Любитъ обновы
> Мальчикъ Эротъ и пр.

(Русскій Вѣстникъ, Сентябрь 1873 г., стр. 257).

Не помню и не полагаю, чтобы романсъ Грибоѣдова:

> Ахъ, точно-ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ

(тамъ же, страница 257).

былъ пропѣтъ на сценѣ въ водевилѣ: „Кто братъ? Кто сестра?“ Всѣ мои куплеты изъ этого водевиля были, помнится мнѣ, въ послѣдствіи времени напечатаны въ „Дамскомъ Журналѣ“ издававшемся кн. Шаликовымъ. Не задолго предъ тѣмъ возвратился я изъ Варшавы. Въ память пребыванія моего въ Польшѣ, предложилъ я Грибоѣдову перенести мѣсто дѣйствія въ Польшу и дать вообще лицамъ и содержанію Польскій колоритъ. Каюсь,—двумъ дѣвицамъ, участвующимъ въ піесѣ, далъ я имена *Антося* и *Лудвися*, въ честь двухъ Варшавскихъ сестеръ-красавицъ, которыхъ можно было встрѣтить на всѣхъ гуляньяхъ, во всѣхъ спектакляхъ, однимъ словомъ — вездѣ, гдѣ можно было на людей посмотрѣть, а особенно себя показать. Водевильную стряпню свою изготовили мы скоро. Кокошкину и бенефиціанткѣ пришлась она очень по вкусу. Казалось, все шло хорошо. Но первый день представленія все измѣнилъ. Піеса, сама по себѣ не очень оживленная занимательнымъ и веселымъ дѣйствіемъ, еще болѣе задерживалась и, такъ сказать, застывала подъ вялою игрою актеровъ, изъ которыхъ иные неохотно играли. За тѣмъ, разумѣется, публика неохотно слушала. Однимъ словомъ, если піеса не совершенно пала, то развѣ отъ того, что на офиціальной сценѣ піесы падать не могутъ. Извѣстная Французская поговорка „il est un dieu pour les ivrognes“ можетъ быть примѣнена у насъ къ театру. Для пошатнувшихся и споткнувшихся драматурговъ есть театральная дирекція. Она можетъ сбить съ ногъ лучшій успѣхъ и вынести на рукахъ своихъ комедію, рожденную калѣкою. Какъ бы то ни было, піеса наша была не хуже многихъ, которыя съ успѣхомъ разыгрывались на Московской сценѣ.

Худо нынѣ помню содержаніе и ходъ водевиля; но имя Грибоѣдова ручается,

что произведеніе его не было-же лишено всякаго дарованія и вообще драматической снаровки. Тоже скажу, безъ уничиженія и гордости, о куплетахъ своихъ, которые только что теперь прочелъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", какъ будто за̀ново или чужіе. Право, не хуже они того, что̀ распѣвалось на Русской сценѣ прежде и послѣ. Причина неуспѣха нашего скрывалась въ закулисныхъ тайнахъ. Въ тогдашней Московской театральной дирекціи числился молодой Писаревъ. Онъ былъ ловкій переводчикъ Французскихъ водевилей и неутомимый поставщикъ ихъ на Московскую сцену, которая ими только и жила. Вообще былъ онъ не безъ дарованія, но, вѣроятно, въ слѣдствіе болѣзненнаго организма, былъ раздражителенъ и желченъ. Онъ меня, не знаю за что̀, не взлюбилъ. Не любилъ онъ и Грибоѣдова, который уже пользовался рукописною славою своего „Горе отъ ума". Вліятельнымъ лицемъ въ дирекціи былъ и Загоскинъ, также ко мнѣ тогда недоброжелательный. Съ Грибоѣдовымъ-же имѣлъ онъ старые счеты по Петербургу. Однимъ словомъ, хотя приглашенные и почетные гости у хозяина до̀ма, Кокошкина, — мы были вовсе не въ чести у домашнихъ его. Съ Загоскинымъ мы въ послѣдствіи времени хорошо сблизились. Вы знавали его и согласитесь, что никакое злопамятство не могло устоять противъ его цвѣтущаго и румянаго добродушія. Съ Писаревымъ примиренія у насъ не было, но не было и случая къ примиренію.

Теперь, по желанію вашему, приступимъ къ замѣткамъ моимъ о статьѣ, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ".

Грибоѣдовъ, вовсе не съ горя, что не удалось ему видѣть на сценѣ *Горе отъ ума* (стр. 251), принялся за помянутый водевиль, а какъ сказано мною выше, совершенно случайно и по моей просьбѣ.

Стран. 252. Ошибочно сказано, что я съ Грибоѣдовымъ познакомился „*въ то время, когда мы оба служили въ военной службѣ и стояли съ полками въ Царствѣ Польскомъ*". Въ военной службѣ состоялъ я только въ 1812 году и не далѣе Бородина; съ Грибоѣдовымъ познакомился лѣтъ десять позднѣе въ Москвѣ.

Стран. 258. Также ошибочно показаніе, что куплеты: „*Жизнь наша сонъ! все пѣснь одна!*" писаны *именно* Грибоѣдовымъ. Напротивъ, написаны они *именно* мною, въ подражаніе Французской пѣснѣ, которую пѣвалъ въ то время заѣзжій Французъ.

Выше упомянулъ я о недоброжелательствѣ ко мнѣ Писарева. Вотъ между прочимъ и доказательство тому. Однажды сидимъ мы одни съ Грибоѣдовымъ въ директорской ложѣ. Сознаюсь, я тогда болѣе смотрѣлъ на ложи, нежели на сцену. Вдругъ Грибоѣдовъ говоритъ мнѣ: „eh bien, vous voilà chansonné sur la scène".—Какъ это? спросилъ я. Между тѣмъ слышу громкія рукоплесканія и крики „*bis*". Къ нимъ присоединилъ я и свои, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Актеръ повторилъ требуемый куплетъ, и я догадался, куда авторъ хотѣлъ метить. Это было во время полемики моей съ М. А. Дмитріевымъ по поводу „Бахчисарайскаго Фонтана". Помню куплетъ до нынѣ. Не подумайте, что онъ занозою въѣлся въ память мою. Сей часъ покажу вамъ, что куплетъ вовсе не занозливый. Но онъ былъ однимъ изъ поличныхъ обстоятельствъ въ литтературной тяжбѣ, которая въ свое время не мало надѣлала шума. А потому и почитаю, что онъ подлежитъ вашему цензурно - генералъ - прокурорскому надзору:

Извѣстный журналистъ Графовъ
Мишурскаго задѣлъ разборомъ;
Мишурскій, не теряя словъ,
На критику отвѣтилъ вздоромъ.
Пошли писатели шумѣть,
Кричать, сердиться отъ бездѣлья.
Пришлось-же публикѣ терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Позвольте мнѣ теперь на досугѣ изслѣдовать археографически и археологически этотъ допотопный памятникъ. *Извѣстный журналистъ Графовъ.* Въ то время подъ этимъ прозвищемъ „*Графовъ*" осмѣивали бѣднаго графа Хвостова; придать это прозвище и Каченовскому не было очень лестно для журналиста, котораго Писаревъ считался приверженцемъ.

Мишурскій, *не теряя словъ*,
На критику отвѣтилъ вздоромъ.

Мишурскій, очевидно я, и потому, что я урожденный сіятельство, а вѣроятно еще болѣе потому, что люблю играть словами и часто выраженіями своими пускаю въ глаза блескъ, или пожалуй, мишуру. Прекрасно! Но на бѣду автора куплета, риѳма попутала его. Онъ долженъ былъ и хотѣлъ сказать „*не теряя времени*". А теперь мудрено согласовать, что я и „*не терялъ словъ*", и "*отвѣтилъ вздоромъ*".

Пошли писатели шумѣть,
Кричать, сердиться отъ бездѣлья.

Подъ словомъ *писатели* долженъ быть подразумѣваемъ и М. А. Дмитріевъ, съ которымъ мы вели пререканія. А между тѣмъ Писаревъ и онъ были пріятелями и литтературными единомышленниками. Такимъ образомъ, швыряя въ меня камнемъ, задѣваетъ онъ при сей вѣрной оказіи и пріятеля своего. Одинъ путный стихъ во всемъ куплетѣ есть послѣдній, да и то потому, что онъ весь заключается въ извѣстной пословицѣ.

Прозвище *Мишурскаго* напоминаетъ мнѣ другаго остряка, который гдѣ-то пожаловалъ меня: „княземъ Коврижкинымъ". Что же прикажете дѣлать? Не обережешься отъ нарѣзнаго огнестрѣльнаго остроумія нашихъ литтературныхъ знаменитостей.

Авторъ статьи о неизданныхъ піесахъ Грибоѣдова читалъ (стр. 257) большое письмо его къ Верстовскому по поводу водевиля нашего, выражающее „*большую заботу о постановкѣ этой піесы*". Я этого никакъ не ожидалъ, и вотъ по какой причинѣ.

Слѣдующій разсказъ можетъ во всякомъ случаѣ служить характеристическою чертою въ изображеніи Грибоѣдова и показать, какъ умѣлъ онъ владѣть собою и не выдавать себя другимъ въ расплохъ. Вообще, не былъ онъ вовсе, какъ полагаютъ многіе, человѣкомъ увлеченія: онъ былъ болѣе человѣкомъ обдумыванія и расчета.

Въ день представленія водевиля, Грибоѣдовъ обѣдалъ у меня съ нѣкоторыми пріятелями моими. Въ числѣ ихъ былъ и Денисъ Давыдовъ. „А что", спросилъ онъ Грибоѣдова, „признайся: сердце у тебя немножко ёкаетъ, въ ожиданіи представленія?" — „Такъ мало ёкаетъ",—отвѣчалъ отрывисто Грибоѣдовъ, „что даже я и не поѣду въ театръ". — Такъ онъ и сдѣлалъ. Мы отправились безъ него и заняли литтерную ложу во 2-мъ ярусѣ. Оттуда могъ я слѣдовать за постепеннымъ паденіемъ піесы. Со всѣмъ тѣмъ, по окончаніи, раздалось въ партерѣ нѣсколько голосовъ, вызывавшихъ автора. Я, разумѣется, не вышелъ. Актеръ явился на сцену и донесъ публикѣ, что авторовъ два, но что ни одного изъ нихъ нѣтъ въ театрѣ. Давали-ли водевиль послѣ перваго представленія, — сказать не могу, и до нынѣшняго случая ничего не слыхалъ о немъ.

Въ разбираемой статьѣ (стр. 252) говорится, что піеса никогда не была напечатана, „*хотя изданіе ея было*

бы въ высшей степени любопытно,“ но нельзя приступить къ тому *безъ согласія моего.* Не полагаю, чтобы это произведеніе Грибоѣдова могло послужить приращеніемъ къ славѣ его и къ пользѣ нашего репертуара. Но во всякомъ случаѣ, что до меня относится, предоставляю этотъ водевиль въ полное распоряженіе желающихъ потребителей.

Еще одно замѣчаніе, хотя по предмету постороннему. На страницѣ 235 приводится извѣстная эпиграмма на Карамзина:

Послушайте, я вамъ скажу про старину,
Про Игоря и про его жену и проч.

и приписывается она Грибоѣдову. Въ заграничныхъ изданіяхъ печатается она подъ именемъ Пушкина—и, кажется, правильно. Въ ней выдается почеркъ Пушкина, а не Грибоѣдова, котораго стихи, за исключеніемъ многихъ удачныхъ и блестящихъ стиховъ въ „*Горе отъ ума,*“ вообще грубоваты и тяжеловаты. При всемъ своемъ уваженіи и нѣжной преданности къ Карамзину, Пушкинъ могъ легко написать эту шалость; она, вѣроятно, заставила-бы усмѣхнуться самаго Карамзина. Въ лѣта бурной молодости Пушкинъ не разъ бывалъ увлекаемъ то въ одну, то въ другую сторону, разнородными потоками обстоятельствъ, соблазновъ и вліяній, литтературныхъ и другихъ.

Въ той же статьѣ приводятся слова Грибоѣдова, сказанныя пріятелю его, уже послѣ написанія „Горе отъ ума.“ Они меня очень поразили, между прочимъ и тѣмъ, что служатъ новымъ свидѣтельствомъ тому, какъ часто авторы ошибаются въ оцѣнкѣ свойствъ таланта своего. Онъ говоритъ: „я не напишу болѣе комедіи; веселость моя исчезла, а безъ веселости нѣтъ хорошей комедіи.“ Послѣднія слова совершенно справедливы. Но дѣло въ томъ, что въ комедіи „Горе отъ ума,“ именно нѣтъ нисколько веселости. Есть умъ, есть острота, насмѣшливость, ѣдкость, даже желчь; есть, здѣсь и тамъ, бойкія черты карандаша, схватывающаго съ удивительною вѣрностью и живостью карикатурные сколки; всё это есть—и въ изобиліи. Но *веселости*, безъ чего нѣтъ *хорошей комедіи*, по словамъ Грибоѣдова, не найдешь въ «*Горе отъ ума*». Это сатира, а не драма; импровизація, а не дѣйствіе. О комическихъ положеніяхъ, столкновеніяхъ, нечаянностяхъ (естественно, а не натянуто и не произвольно, вытекающихъ изъ самой сущности драматической басни) нѣтъ тутъ и помина. Одинъ Чацкій, и то, разумѣется, противъ умысла и желанія автора, оказывается лицемъ комическимъ и смѣшнымъ. Такъ на примѣръ въ сценѣ, когда онъ, послѣ долгой проповѣди, оглядывается и видитъ, что всѣ слушатели его одинъ за другимъ ушли; или когда Софья Павловна подъ носомъ его запираетъ дверь комнаты своей на ключь, чтобы отъ него отдѣлаться. Эта исповѣдь моя, по поводу „Горе отъ ума“, покажется многимъ дикою и страшною ересью. Но я ни въ чемъ не терплю преувеличенія. Одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ я „Горе отъ ума“ съ живымъ сочувствіемъ. Не только у насъ, на сценическомъ безлюдіи, но и на другой гуще населенной сценѣ, напримѣръ Французской, комедія Грибоѣдова была бы блестящимъ явленіемъ. У насъ, послѣ *Недоросля* и до *Ревизора*, была она не только блестящей, но прямо изъ жизни выхваченной картиной; картина, можетъ быть, слишкомъ раскрашена, не много натянута; въ ней можетъ быть выдается болѣе самъ живописецъ, нежели изображенныя имъ лица; но все-же, повторяю, картина замѣчательная по бойкости кисти, по краскамъ и живости своей. Ка-

жется, довольно и сказаннаго для безпристрастной оцѣнки этого творенія. Вѣроятно и самъ авторъ, не смотря на самолюбіе свое и чадолюбіе, которое присущно каждому автору, не пошелъ-бы многимъ далѣе меня въ опредѣленіи достоинства комедіи своей. Онъ былъ очень уменъ, образованъ, хорошо зналъ иностранныя литтературы, слѣдовательно не могъ запрашивать у общественнаго мнѣнія цѣну, слишкомъ не подходящую къ дѣлу. Но наши присяжные *цѣнители и судьи* не связаны ни этими и никакими другими условіями. Они рубятъ съ плеча того, кто имъ не по вкусу и не по нраву; за то уже любимцевъ своихъ торжественно и празднично *закачиваютъ* на усердныхъ рукахъ своихъ до безпамятства и тошноты. Признаюсь, мнѣ оскомину набили эти стереотипныя прилагательныя: *безсмертная*, *геніальная*, которыя, по заведенному единожды порядку, привѣшиваютъ къ комедіи „Горе отъ ума.“ Хотѣлось бы спросить этихъ господъ: изъ какихъ доходовъ раздаютъ они эти дипломы на безсмертіе и геніальность? Какія личныя права имѣютъ они на подобныя производства? Вообще критика наша несостоятельна: ей слѣдовало-бы воздерживать себя отъ неблагоразумной расточительности. Но широкой Русской натурѣ тѣсно въ условныхъ и законныхъ предѣлахъ. Она перескакиваетъ ихъ. Ей, напримѣръ, Мольеръ не болѣе извѣстенъ чѣмъ Китайцамъ; но она не усомнится принести его и многихъ другихъ въ жертву Грибоѣдову. И такъ далѣе, вездѣ и во всемъ. У насъ встрѣчаются писатели съ дарованіемъ, но писателей образованныхъ очень мало. Отъ того и критика наша или поверхностна, или сбивчива, когда ей захочется поумствовать и полиберальничать. Общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, подчиняясь этой критикѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заблуждается и падаетъ. Что ни говори, а все это признаки болѣзненности и отсутствія образованности.

А вы, которые изъѣздили, изслѣдовали, провѣрили, промѣрили на Руси всѣ чернильные потоки, протоки, притоки, знаете ли вы, что въ комедіи „Горе отъ ума“ есть и моя капля, если не меда и желчи, то по крайней мѣрѣ капля чернилъ, то есть: точка. Угадайте, поищите. Нѣтъ, не находите! Такъ и быть: укажу я вамъ.

Скоро послѣ пріѣзда въ Москву, Грибоѣдовъ читалъ у меня и про одного меня комедію свою. Послѣ паденія Молчалина съ лошади, испуга и обморока Софьи Павловны (дѣйствіе 2-е, явленіе 8-е) Чацкій говорилъ:

Желалъ бы съ нимъ убиться для компаньи.

Тутъ замѣтилъ я, что влюбленному Чацкому, особенно послѣ словъ

Смятенье, обморокъ . . . .
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга.

неловко употребить пошлое выраженье „*для компаньи*,“ а лучше передать его служанкѣ Лизѣ. Такъ Грибоѣдовъ и сдѣлалъ: точка раздѣлила стихъ на два; и эта точка моя неотъемлемая собственность въ *безсмертной* и *геніальной* комедіи Грибоѣдова. Слѣдовательно и на мою долю падаетъ чуть замѣтная, гомеопатическая крупинка, о чемъ имѣю честь заявить нашимъ маклерамъ по части безсмертныхъ и геніальныхъ дѣлъ.

„Ухъ!“ скажете вы. „Ухъ!“ говорю и я. Меня самаго пугаетъ непомѣрная долгота письма моего. Каково-же будетъ вамъ? Впрочемъ виноваты сами вы. Вы задрали роднымъ вопросомъ стараго пріятеля, который въ Нѣмецкомъ закоулкѣ своемъ сидитъ, какъ заключенникъ въ тюрьмѣ, на одиночномъ и безмолв-

номъ положеніи. Вотъ меня и прорвало! Впередъ будьте осторожнѣе. А пока примите увѣреніе въ моей совершенной и неизмѣнной преданности.

Князь Вяземскій.

Гомбургъ.
17 (29) Декабря 1873.

УРОКИ ИСТОРІИ.

I.

Въ первой книжкѣ Русскаго Архива за текущій годъ мы предложили вниманію публики обзоръ Русской печати въ новѣйшій періодъ нашей исторіи. Такъ какъ Русское печатное слово за это время касалось почти всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ общественной жизни, то авторъ естественно долженъ былъ высказать свой взглядъ на эти стороны, по крайней мѣрѣ на тѣ, которыя наиболѣе доступны его наблюденію. При своемъ общемъ обзорѣ онъ не входилъ въ подробности и ограничился только краткими замѣтками. Между тѣмъ два-три высказанныя имъ положенія, затрогивающія наиболѣе живыя воспоминанія изъ недавняго прошедшаго, требуютъ болѣе полнаго объясненія. Если не печатно, то изустно нѣкоторыя уважаемыя нами лица заявляли это требованіе, и мы вполнѣ признаемъ его справедливость. Рѣчь идетъ преимущественно о той части нашего обзора, которая касается отношенія общества къ своему молодому поколѣнію.

Охотно продолжаемъ нашу бесѣду съ читающею публикою, избирая для этой цѣли историческое изданіе именно потому, что свои положенія и объясненія мы основываемъ преимущественно на урокахъ исторіи. Возобновляемъ бесѣду тѣмъ съ большею готовностію, что въ этотъ короткій промежутокъ времени обнародовано два акта великой важности, и при томъ относящіеся къ той сторонѣ общественнаго развитія, о которой ведемъ нашу рѣчь. Я разумѣю Высочайшій рескриптъ 24 Декабря 1873 года, данный на имя министра народнаго просвѣщенія графа Димитрія Андреевича Толстаго, и Высочайшій манифестъ 1 Января 1874 года о всесословной воинской повинности. Оба эти акта имѣютъ между собой тѣсную внутреннюю связь. Въ первомъ, т. е. въ рескриптѣ 25 Декабря, Верховная Власть вновь подтверждаетъ свое рѣшеніе вопроса о средне-учебныхъ заведеніяхъ, рѣшеніе, произнесенное въ пользу общеевропейскаго солиднаго образованія. Въ виду такого подтвержденія, по нашему крайнему разумѣнію, Русская печать могла бы прекратить дальнѣйшія пререканія о господствѣ того или другаго начала въ учебной системѣ, и тѣмъ болѣе, что рескриптъ кромѣ классической школы, необходимой для тѣхъ, которые готовятъ себя къ высшему образованію, указываетъ и другой родъ средне-учебныхъ заведеній, имѣющій въ виду „приспособленіе къ полезной практической дѣятельности“. Для печати нашей было бы дѣломъ истиннаго патріотизма общими, соединенными силами помогать наилучшему осуществленію державной воли. Извѣстно, что вслѣдствіе жаркихъ споровъ каждая сторона неизбѣжно впадаетъ въ крайность и односторонность, чему яркій примѣръ представила наша публицистика по отношенію къ учебной реформѣ.

Далѣе въ этомъ актѣ выражаются особыя попеченія Монарха о распространеніи просвѣщенія въ низшихъ слояхъ Своего народа. Рескриптъ прямо указываетъ намъ на „потребности времени и замѣчаемое въ настоящую пору повсемѣстное въ Имперіи стремленіе къ образованію“. При этомъ въ немъ го-

ворится о необходимости вести дѣло народнаго образованія въ такомъ направленіи, которое долженствуетъ „распространить въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга“. Уже и теперь число народныхъ училищъ въ Россіи достигло значительныхъ размѣровъ; какая же ихъ масса предстоитъ еще впереди, когда постепенно будетъ осуществляться Высочайше выраженное желаніе относительно ихъ „размноженія“! Понятно, что эти школы и ихъ цѣлесообразное направленіе, въ духѣ религіи и нравственности, требуютъ неусыпнаго надзора со стороны государственныхъ органовъ. Но спеціальный органъ нашего школьнаго образованія, т. е. министерство народнаго просвѣщенія, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи столько наличныхъ средствъ, чтобы вполнѣ удовлетворить такой обширной потребности. Ближайшимъ сотрудникомъ его въ этомъ священномъ дѣлѣ конечно было и будетъ духовенство. Но и его настоящія средства не стоятъ въ уровень съ потребностью. Отсюда вполнѣ естественна мысль призвать къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія „всѣ просвѣщеннѣйшія силы страны“, и тутъ на первомъ планѣ является конечно Русское дворянство. Поэтому призывъ, обращенный къ „вѣрному дворянству“ стать на стражѣ народной школы, чтобы наряду съ спеціальными органами охранять ее отъ всякихъ тлетворныхъ вліяній, этотъ призывъ есть актъ государственной мудрости и вмѣстѣ Высочайшаго довѣрія къ сословію, которое пользовалось доселѣ и бо́льшими гражданскими правами, и бо́льшею политическою опытностію сравнительно съ другими сословіями.

Въ виду громадной важности народныхъ школъ естественно желать еще одного контроля—со стороны общественнаго мнѣнія, т. е. печати. До послѣдняго времени какъ самое земство, такъ и заведенныя имъ школы стояли почти въ сторонѣ отъ этого контроля. Такимъ образомъ благія начинанія не получали должнаго поощренія, а факты, заслуживающіе неодобренія, проходились молчаніемъ. До общества доходили только неясные слухи съ одной стороны объ усердіи нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей къ народному образованію, съ другой о томъ, что въ такой-то губерніи два-три народныхъ учителя обнаружили легкомысліе и вредное направленіе, или что такое-то земство, послѣ перемѣнъ въ своемъ личномъ составѣ, вмѣсто размноженія школъ принялось подъ разными предлогами закрывать и тѣ, которыя были имъ открыты. Недостатокъ гласности всегда покровительствуетъ злонамѣренности и всякаго рода недоразумѣніямъ, которыя ведутъ потомъ къ невѣрнымъ толкованіямъ и преувеличеннымъ представленіямъ. Общество такимъ образомъ не имѣло возможности своевременно замѣчать и устранять какія либо неправильности. Однимъ словомъ, для наилучшаго выполненія державной воли необходимо употребить всѣ наличныя средства и всѣ возможныя старанія.

Относительно рескрипта 25 Декабря мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: вполнѣ ли наше общество поняло и оцѣнило его значеніе? Беремъ смѣлость предложить этотъ вопросъ въ виду того обстоятельства, что въ послѣднее время нельзя было не замѣтить нѣкотораго ослабленія той духовной энергіи, которая была вызвана великими преобразованіями настоящаго царствованія. Вмѣстѣ съ этимъ ослабленіемъ замѣчалась и какая-то наклонность къ разнаго рода

недоумѣніямъ. Такая наклонность поддерживалась отчасти тѣми крайними, односторонними толкованіями, которыя мы слишкомъ часто встрѣчали въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати, имѣющихъ привычку свои комментаріи направлять болѣе или менѣе въ извѣстную, имъ любезную, сторону. Будемъ надѣяться, что никакое толкованіе не дерзнетъ коснуться акта 25 Декабря, помимо его прямаго, буквальнаго смысла *).

Переходимъ теперь къ Высочайшему манифесту 1-го Января 1874 года. Этотъ великій историческій актъ, возвѣстившій намъ о новомъ уставѣ воинской повинности, по своему содержанію, ясному какъ день, не можетъ подлежать разнорѣчивымъ истолкованіямъ. Вниманію нашего общества особенно указываемъ на драгоцѣнныя слова манифеста: „Мы не имѣемъ намѣренія отступить отъ началъ, которымъ неуклонно слѣдовали во все Наше царствованіе. Мы не ищемъ, какъ не искали до сихъ поръ, блеска военной славы, и лучшимъ жребіемъ ниспосланнымъ Намъ отъ Бога почитаемъ вести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія“. Эти слова, произнесенныя съ высоты Престола, прямо и успокоительно отвѣчаютъ на нѣкоторыя недоумѣнія, возникшія въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ. И пусть замолкнутъ тѣ голоса, которые пытались отвлечь насъ отъ упомянутыхъ началъ, т. е. отъ *всесторонняго* внутренняго развитія.

Чтó касается до самаго устава о воинской повинности, то мы не имѣемъ въ виду входить въ его разсмотрѣніе. Печать Русская уже поспѣшила оцѣнить эту реформу и указать на ея государственное значеніе. Но мы не можемъ не привѣтствовать тѣ два положенія, которыя вошли въ новый уставъ, какъ его главнѣйшія основанія: это во первыхъ, повинность всесословная, а во вторыхъ, недопущеніе денежнаго выкупа и замѣны охотниками. Численный составъ нашей арміи конечно немногимъ увеличится отъ обязанности всесословной. Но это условіе должно возвысить ея моральную силу. Недопущеніе выкупа и найма охотниковъ есть собственно неизбѣжный выводъ изъ перваго, главнаго условія, т. е. всесословности. Безъ этого втораго условія и первое было-бы значительно ослаблено, и въ дѣйствительности вся тяжесть повинности пала бы опять на тотъ же низшій слой. Кромѣ того не должно упускать изъ виду и наши многочисленные инородческіе элементы. При допущеніи выкупа или найма охотниковъ, значительная часть этихъ элементовъ (и въ особенности самый многочисленный изъ нихъ, Еврейскій) могли ускользать отъ личной повинности, и наши военныя

*) Въ этомъ актѣ прямо и положительно указаны «учительскіе институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ“. Содержаніе рескрипта не оставляетъ сомнѣнія, что, въ виду громадной потребности въ учителяхъ, эти заведенія должны постепенно размножаться. Поэтому мы не совсѣмъ понимаемъ тѣ комментаріи, которые приходятъ къ противоположному выводу. Авторъ ихъ признаетъ, что „учительскія семинаріи составляютъ въ настоящее время неоспоримую потребность“; но въ тоже время ему *кажется*, „что значительныя суммы, которыя требуются на содержаніе этихъ учительскихъ семинарій, тратились бы съ бóльшею пользою на улучшеніе быта сельскихъ учителей, получившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и ожидающихъ очереди священства“. Учительскія семинаріи и въ настоящее время не могутъ удовлетворить и сотой доли потребности въ сельскихъ учителяхъ; а что же будетъ впослѣдствіи, съ размноженіемъ народныхъ школъ? Совершенно справедливо и очень полезно привлечь къ преподаванію какъ можно болѣе воспитанниковъ духовныхъ семинарій, окончившихъ курсъ (каковыхъ найдется слишкомъ незначительное количество сравнительно съ потребностью); но слѣдуетъ ли отсюда тотъ выводъ, что надобно закрыть учительскія семинаріи, чтобы средства ихъ обратить на воспитанниковъ духовныхъ семинарій? И какъ согласить этотъ выводъ съ „неоспоримою потребностію“ въ учительскихъ семинаріяхъ? А что послѣднія должно вообще привести въ болѣе тѣсную связь съ церковью, то противъ этого едвали кто будетъ возражать.

потери отражались бы преимущественно на коренномъ Русскомъ населеніи, оставляя спокойно размножаться населенія инородческія.

Интересы средняго и высшаго образованія сохранены въ уставѣ по мѣрѣ возможности. Что́ же касается до образованія элементарнаго, то пунктъ устава, позволяющій увольнять отъ дѣйствительной службы ранѣе срока, какъ нельзя лучше можетъ быть примѣненъ именно къ людямъ грамотнымъ, согласно съ указаніемъ Манифеста. А послѣднее обстоятельство въ свою очередь сильно поощритъ распространеніе грамотности въ нашемъ крестьянскомъ сословіи. Если и можно было бы предложить какой вопросъ, такъ это относительно жребія, т. е. на сколько онъ соотвѣтствуетъ потребностямъ государства и принципу уравнительности вообще. Вопросъ этотъ конечно находится въ связи съ срокомъ дѣйствительной службы. Пятнадцать лѣтъ общей службы и шесть лѣтъ дѣйствительной—это въ сущности тоже что́ было до сихъ по́ръ: и прежде солдатъ оставался подъ знаменами около того же количества лѣтъ, а за тѣмъ увольнялся въ безсрочный отпускъ. Вполнѣ уважаемъ причины, которыя побудили правительство оставить тѣже сроки для ближайшаго будущаго (мы именно считаемъ себя въ числѣ сторонниковъ осторожности и постепенности въ государственныхъ начинаніяхъ великой важности). Съ вопросомъ о срокѣ дѣйствительной службы находится по всей вѣроятности въ тѣсной связи вопросъ объ образованіи для арміи хорошихъ унтеръ-офицеровъ. Впослѣдствіи, при удовлетворительномъ его разрѣшеніи, срокъ дѣйствительной службы можетъ быть постепенно сокращенъ, и это обстоятельство позволитъ значительно большему количеству нашей молодежи пройти черезъ практическую военную школу, столь полезную для поддержанія и укрѣпленія общественной дисциплины. Далѣе, новый уставъ пока не даетъ намъ полныхъ свѣдѣній о государственномъ ополченіи. Можетъ быть, статья эта еще подлежитъ законодательной обработкѣ. Государственное ополченіе созывается Высочайшими манифестами въ случаѣ надобности, т. е. конечно въ военное время. По вопросъ въ томъ, будутъ ли ратники являться подъ знамена съ такою же совершенною неподготовкою въ военномъ отношеніи какъ доселѣ, или молодые люди на извѣстные короткіе сроки будутъ собираться въ ближайшихъ пунктахъ для упражненій въ искусствѣ владѣть оружіемъ и ознакомленія съ военными пріемами, или для достиженія той же цѣли будутъ приняты иныя мѣры *). Новый уставъ воинской повинности представляетъ вообще великое улучшеніе въ томъ отношеніи, что онъ будетъ падать почти исключительно на молодежъ, слѣдовательно на людей свѣжихъ, еще неослабленныхъ физическими и моральными недугами, на людей, которымъ труды, лишенія и вліяніе нашего суроваго климата менѣе чувствительны, чѣмъ возрасту болѣе пожилому. Молодежъ обыкновенно не успѣла еще обзавестись собственнымъ семействомъ; а потому осиротѣлыя семьи и несчастные, оторванные отъ нихъ, отцы отнынѣ будутъ гораздо болѣе рѣдкимъ явленіемъ.

Во вступительной части Манифеста прямо указано на новѣйшія событія и

---

*) Въ этомъ отношеніи впослѣдствіи устроенные земствами маленькіе лѣтніе лагери или зимніе манежи, въ которыхъ однѣ группы молодыхъ людей постоянно смѣнялись бы другими, были бы очень полезны. Далѣе, по отношенію къ военной подготовкѣ, укажемъ на ту пользу, которую можетъ принести повсемѣстное распространеніе гимнастики отъ сельской школы до университета. А чтобы оживить ся однообразіе, рекомендуемъ обратить особое вниманіе педагогіи на введеніе и распространеніе разныхъ игръ.

на примѣръ другихъ державъ, какъ на главнѣйшія побужденія къ уставу всесословной воинской повинности. Въ настоящихъ замѣткахъ мы именно желали бы напомнить Русскому обществу о той доли вліянія, которую оказываютъ и должны оказывать на наше развитіе Европейскіе события и примѣры. Разъ вступивъ въ семью Европейскихъ народовъ и занявъ между ними такое важное мѣсто, мы уже не можемъ отказаться отъ ихъ вліянія и отъ участія въ ихъ общемъ прогрессивномъ движеніи, если желаемъ не только сохранить это мѣсто, но и сравняться съ ними въ дѣлѣ цивилизаціи. Военныя учрежденія составляютъ одну изъ первѣйшихъ сторонъ государственнаго быта, и отсталость въ этомъ дѣлѣ ведетъ къ жестокимъ испытаніямъ впослѣдствіи. Не говоримъ о другихъ историческихъ примѣрахъ; укажемъ на самый крупный, т. е. на покойную Рѣчь Посполитую, которая погибла потому, что не послѣдовала за движеніемъ своихъ сосѣдей, т. е. за развитіемъ абсолютной центральной власти и регулярныхъ армій. Можетъ быть, намъ приведутъ примѣръ Англіи, которая уже нѣсколько столѣтій процвѣтаетъ и занимаетъ столь почетное мѣсто между великими державами міра почти безъ всякой военной повинности. Но именно Англія въ данномъ случаѣ и не можетъ служить примѣромъ для континентальныхъ державъ. Ея исторія прежде всего обусловилась тѣмъ, что она островъ. Разъ объединивъ подъ одною короною населенія Великобританіи и Ирландіи, Англія уже не имѣла нужды содержать значительную регулярную армію; ей некуда было расширяться; въ тоже время для нея почти не существовало внѣшняго давленія со стороны сосѣдей. Предоставленная самой себѣ, она въ послѣдніе два-три вѣка могла такимъ образомъ почти безъ помѣхи предаваться внутреннему развитію. Сильный флотъ и искусная политика, поддержанная золотомъ, доселѣ ограждали ее отъ непріятельскихъ вторженій. Но совсѣмъ другія условія, а слѣдовательно и другую исторію мы видимъ на континентѣ, гдѣ народамъ постоянно приходилось отстаивать или терять не только свои границы, но часто и свою самобытность. Отсюда понятно возрастаніе сильной центральной власти и сильной арміи, какъ необходимое условіе самобытнаго, національнаго развитія. Но исторія не останавливается долго на одной ступени. Съ теченіемъ времени, при новыхъ изобрѣтеніяхъ и при успѣхахъ цивилизаціи вообще, и самыя географическія условія могутъ оказаться не столь состоятельными въ дѣлѣ защиты какъ прежде. Что́ же будетъ тогда съ Англіей? Общество Англійское нечуждо сознанія грядущихъ опасностей. Недавнія потрясающія событія на континентѣ замѣтно встревожили его спокойствіе и самоувѣренность. Въ немъ также возникъ было вопросъ о военной повинности, но повидимому заглохъ слишкомъ скоро, и дѣло не пошло далѣе отмѣны нѣкоторыхъ слишкомъ устарѣлыхъ обычаевъ, въ родѣ покупки чиновъ въ арміи. Съ этимъ вопросомъ связанъ другой, болѣе существенный: на сколько въ Англіи сильна центральная власть? Необходимо при этомъ сдѣлать оговорку: мы разумѣемъ собственно силу, а не форму центральнаго правительства. Въ античныхъ республикахъ, напримѣръ, оно по своей формѣ не походило на новыя Европейскія государства; тѣмъ не менѣе оно было абсолютно, и эпохи высшаго процвѣтанія этихъ республикъ совпадаютъ съ высшимъ развитіемъ правительственнаго авторитета. Въ Англіи центральная власть раздѣлена между правительствомъ и двухкамерною палатою. Но

и при полномъ ихъ согласіи, въ состояніи ли эта власть въ настоящее время подготовить и выполнить, напримѣръ, такую коренную реформу какъ всеобщая воинская повинность, еслибы она рѣшилась заблаговременно обезопасить націю отъ случайностей въ будущемъ? Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться, и судьба Карѳагена невольно приходитъ намъ на память *).

Заговоривъ о вліяніи, какое имѣютъ на наше развитіе событія и примѣры другихъ Европейскихъ народовъ, мы предложимъ весьма нелишній вопросъ: всегда ли наше общество—а слѣдовательно и наша печать—вѣрно понимали и оцѣнивали значеніе этихъ событій и примѣровъ? Не поддавались ли они излишней впечатлительности въ этомъ отношеніи и не приходили ли часто къ слишкомъ поспѣшнымъ сравненіямъ и выводамъ? Не истекали ли отсюда иногда преувеличенныя представленія и ложные страхи?

Чтобы недалеко ходить за объясненіями, возьмемъ для примѣра недавно совершавшееся передъ нашими глазами движеніе на крайнемъ Западѣ Европы. Что̀ такое всѣ эти революціонныя движенія во Франціи и Испаніи? Откуда эта упорно возвращающаяся идея республики, несмотря на постоянное въ ней разочарованіе? Отъ чего же ихъ неудовлетворяетъ монархія, окруженная народными представителями, процвѣтающая въ средней и сѣверной Европѣ? Главная причина такого явленія, по нашему крайнему пониманію, коренится въ различіи этнографическихъ типовъ и исторической почвы. Романскіе народы сложились на той почвѣ, гдѣ древній Римъ дѣйствовалъ, вліялъ и созидалъ непосредственно; кромѣ того они сложились при явномъ преобладаніи Кельтическихъ элементовъ въ своемъ составѣ. А Кельтическіе народы обнаружили особую воспріимчивость по отношенію къ Римской цивилизаціи. Со времени Эпохи Возрожденія, когда началось восторженное поклоненіе древнему міру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенное его изученіе или знакомство съ античными писателями и поэтами, въ сознаніи Романскихъ народовъ (т. е. ихъ интеллигенціи) мало по малу начали пробуждаться или воскресать образы древнихъ республикъ, каковы Спарта, Аѳины; но особенно ихъ идеалы и симпатіи обратились конечно къ республикѣ Римской. Съ тѣхъ поръ на Романской почвѣ постоянно носился этотъ неотвязный призракъ, привлекательности котораго много способствовали пылкое воображеніе южныхъ народовъ и недостаточно глубокое пониманіе древняго міра. Да, знакомство съ древними языками и вообще съ древнимъ міромъ было одною изъ многихъ причинъ Французской революціи 1789 года. Мы были бы несправедливы и неискренни, еслибы приняли сторону того мнѣнія, которое отрицало такое положеніе *). Однако по-

*) Подобныя соображенія объ отдаленномъ будущемъ конечно не могутъ примѣшать ни малѣйшей тѣни къ послѣдней, самой свѣтлой, страницѣ въ исторіи нашихъ отношеній съ Англіею.

* Это почти единственный пунктъ, въ которомъ я не могу согласиться съ запискою покойнаго Т. Н. Грановскаго относительно классическаго элемента въ гимназіяхъ. Признаться, даже трудно себѣ представить, чтобы историкъ могъ совершенно отрицать приведенное нами положеніе. Очевидно, данный пунктъ не былъ подвергнутъ надлежащему анализу. Въ противномъ случаѣ раждается вопросъ: былъ ли въ этомъ пунктѣ вполнѣ откровененъ нашъ незабвенный профессоръ? Не забудемъ, въ какое время составлялъ онъ свои замѣтки. Можетъ быть, онъ предпочелъ обойти такой щекотливый пунктъ изъ опасенія не быть хорошо понятымъ. Его замѣтки относятся къ концу того періода, когда граждане, близко принимавшіе къ сердцу общественные интересы, чтобы сказать свое слово, прибѣгали къ формѣ записки, назначаемой для того или другаго высокопоставленнаго лица. Мы несравненно счастливѣе, ибо живемъ въ эпоху, когда

смотрите, въ теченіе какого долгаго періода подготовлялись слѣдствія этой идеи: отъ Эпохи Возрожденія до конца XVIII столѣтія, т. е. почти два съ половиной вѣка. При томъ нужно было стеченіе многихъ обстоятельствъ и соединеніе многихъ условій, чтобы революція 1789 года сдѣлалась возможною. А прежде всего нужно было такому слабому и непослѣдовательному королю какъ Людовикъ XVI явиться именно въ то время, когда страна нуждалась въ твердомъ, энергичномъ правителѣ, чтобы рядомъ постепенныхъ и неуклонныхъ мѣропріятій, безъ сильныхъ потрясеній, обновить свою общественную жизнь и выдти на путь дальнѣйшаго историческаго развитія. Съ тѣхъ поръ Франція мятется, и до нашихъ дней не находитъ себѣ выхода изъ безконечной перемѣны правительственныхъ лицъ и формъ; а порядокъ общественный неизбѣжно ищетъ себѣ спасенія только въ военной диктатурѣ.

Другая Романская страна, Испанія, подпала вліянію тѣхъ же идей со времени Бурбонской династіи и особенно со времени Французскаго владычества при Наполеонѣ I. Идеалы, заимствованные изъ Римской исторіи, пали здѣсь на такую же благодарную почву. Въ Испаніи также сохранились многочисленные древніе города, въ которыхъ воскресли преданія Римскихъ муниципій. Здѣсь точно также суждено было явиться такимъ недальновиднымъ правителямъ, каковы были послѣдніе Испанскіе Бурбоны, чтобы сдѣлать привлекательными мечты о так. наз. республиканской свободѣ. Но и тутъ точно также вмѣсто пресловутой свободы мы видимъ пока постоянное обращеніе къ военной диктатурѣ, чтобы спасти общество отъ разрушительной анархіи *).

Если обратимся къ третьей Романской странѣ, къ Италіи, то здѣсь почва конечно еще болѣе способна поддерживать идеалы, заимствованные изъ временъ Римской республики. Кромѣ этихъ временъ, Итальянскіе города имѣютъ въ своихъ воспоминаніяхъ и другую блестящую республиканскую эпоху, именно вторую половину среднихъ вѣковъ. Слѣдующій за тѣмъ продолжительный періодъ, ознаменованный гнетомъ со стороны сосѣднихъ націй и домашнихъ тирановъ, не истребилъ этихъ воспоминаній. Онѣ ожили при первомъ удобномъ случаѣ, а именно подъ вліяніемъ Французскаго господства въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ и для Италіи также насталъ періодъ революціоннаго броженія. Но рядомъ съ республиканскими идеалами дѣйствовала другая еще болѣе сильная идея, это потребность въ самобытномъ развитіи, т. е. потребность въ національ-

---

подобные граждане имѣютъ возможность безпрепятственно высказывать свое мнѣніе въ печати, не утруждая правительство своими записками. Безконечная благодарность Тому, Кто далъ намъ эту возможность.

*) По поводу Испанскихъ событій послѣдняго времени мнѣ приходитъ на память одинъ разговоръ. Въ Апрѣлѣ 1871 года я плылъ на Французскомъ пароходѣ изъ Константинополя въ Аѳины. Въ числѣ пасажировъ находились два Испанца, повидимому принадлежавшіе къ весьма зажиточному классу: живой бодрый старикъ съ головой украшенной сѣдинами и его сынъ, очень молодой человѣкъ. Въ то время всѣ мы конечно находились подъ впечатлѣніемъ еще продолжавшихся событій во Франціи, и разговоръ неизбѣжно склонился на политику. Въ Испаніи уже водворилось тогда правительство Амедея; но старикъ, спутникъ мой, оказался отчаяннымъ республиканцемъ; да это и естественно, ибо онъ былъ изъ Барселоны. Когда же я спрашивалъ, что̀ онъ имѣетъ сказать противъ Амедея, честно исполнявшаго конституцію, то Барселонецъ ничего не могъ отвѣчать кромѣ фразъ, смыслъ которыхъ былъ слѣдующій: за чѣмъ же мы будемъ тратить деньги на короля и его дворъ, когда можемъ обойтись и безъ нихъ? Событія показали, что республика съ ея неизбѣжными анархическими явленіями обходится Испаніи несравненно дороже монархіи Амедея, что̀ предвидѣть было очень не трудно и на что, помнится, я указывалъ Испанцу, но безъ успѣха. Таково вліяніе исторической почвы,

номъ объединеніи, безъ котораго самобытность оказывалась почти невозможною. Послѣ неудачныхъ движеній 48 и 49 годовъ стремленіе къ единству окончательно взяло верхъ, и сдерживало республиканское направленіе революціи. Теперь, когда единство наконецъ осуществилось, народные вожди понимаютъ, что всѣ усилія націи должны быть устремлены на поддержаніе этого драгоцѣннаго пріобрѣтенія, а потому должны пока замолкнуть внутреннія распри. Кромѣ опасностей, угрожающихъ извнѣ, тутъ еще дѣйствуетъ одно весьма счастливое для Италіи условіе—это Савойскій домъ, а точнѣе сказать его настоящій представитель, король Викторъ Эммануилъ. Онъ не только не упустилъ ни одного благопріятнаго обстоятельства для объединенія Италіи, но онъ съумѣлъ умиротворить ее и доселѣ поддерживать ея внутреннее спокойствіе, не прибѣгая ни къ какимъ реакціоннымъ мѣрамъ. Мы упомянули о главномъ условіи, вліяющемъ на умиротвореніе, т. е. о внѣшнихъ опасностяхъ, грозящихъ самобытности и единству Италіи; но и при этомъ условіи надобно знать, до какой степени трудно поддерживать внутренній миръ въ странѣ, изобилующей достольким горючими матеріалами, чтобы оцѣнить вполнѣ мудрую, дальновидную политику короля. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какою посредственностію считали иноземцы Виктора Эммануила сравнительно съ его Французскимъ союзникомъ! А событія показали, что Наполеону III, въ отношеніи государственнаго ума и личнаго мужества, далеко до Виктора Эммануила. Его умѣренность, ровность, даже наружная безпечность и простота явились качествами соотвѣтствующими потребностямъ времени; оказалось, что эти качества отлично уживаются съ тонкою, дальновидною политикою.

То что̀ мы сказали о вліяніи античныхъ идеаловъ на исторію новыхъ временъ, никоимъ образомъ не должно быть истолковано въ смыслѣ неблагопріятномъ для водворенія классической школы гдѣ бы то ни было, а тѣмъ болѣе у насъ. Направленіе новѣйшей исторіи въ Романской Европѣ, какъ мы сказали, находится въ непосредственной связи съ ея исторической почвой. Кромѣ того оно тѣсно связано съ этнографическими элементами, изъ которыхъ сложились Романскіе типы, и преимущественно съ элементомъ Кельтическимъ. Другія страны не имѣютъ этихъ условій. Напримѣръ, въ государствахъ средней и сѣверной Европы, т. е. въ государствахъ Тевтонскихъ, мы не видимъ никакого особаго стремленія къ республиканскимъ формамъ, хотя изученіе древнихъ языковъ и древняго міра пользуется въ Германіи и Англіи еще бо̀льшимъ вниманіемъ, нежели въ Романской Европѣ. Что̀ значитъ почва въ этомъ отношеніи, показываетъ намъ еще одна страна, именно Греція. Едва выходящая изъ варварства, безсильная, она мечтаетъ уже воскресить времена Аѳинъ и Спарты и объединить всѣ земли, въ которыхъ слышенъ Греческій языкъ. Довольно жалкіе ораторы Аѳинской палаты депутатовъ, всходя на подмостки, воображаютъ себя на Пниксѣ и пародируютъ Демосѳена. А студенты Аѳинскаго университета считаютъ себя прямыми потомками Греческихъ героевъ и стремятся составить особый легіонъ, подражая священному отряду Пелопидову.

Вообще объясненіе историческихъ событій и того или другаго направленія въ жизни народовъ представляетъ чрезвычайную сложность, и совсѣмъ не такъ легко дается, какъ это многіе думаютъ. Въ настоящихъ замѣткахъ мы указываемъ преимущественно на одну изъ

сторонъ; но всякая исторія народа имѣетъ весьма разнообразныя стороны и условія, и каждое важное событіе имѣетъ многія причины. Въ этомъ отношеніи замѣчательно поверхностными являются иногда историко-этнографическіе очерки Бокля. Напримѣръ, у него едва ли не вся Испанская исторія объясняется вліяніемъ католическаго духовенства. Ему не пришелъ въ голову простой вопросъ: а это вліяніе-то откуда взялось, и почему же у Испанцевъ оно было сильно, а у Нѣмцевъ слабо? Да и вообще иностранные писатели, разсуждавшіе о вліяніи папства и католицизма, сколько мы замѣтили, недостаточно уловили тѣсную связь между этимъ явленіемъ и этнографическими типами. Почему, напримѣръ, церковная реформація въ средней и западной Европѣ увлекла преимущественно Тевтонскіе элементы, а границы католической реакціи опредѣлились приблизительно границами Романскихъ, Кельтическихъ и отчасти Славянскихъ населеній? Такимъ образомъ не одна дальность или близость къ Риму обусловила прочность католицизма и папства. Ирландія и Польша далѣе отъ него, чѣмъ Германія; однако тамъ католицизмъ устоялъ, не смотря на всѣ опасности и бури, которымъ онъ подвергался. Но возвратимся къ предмету своей бесѣды.

Поклоненію античнымъ республиканскимъ формамъ въ Романскихъ странахъ не мало способствовало и слишкомъ одностороннее, поверхностное отношеніе къ древнему міру. Въ этомъ дѣлѣ значительную долю участія имѣло классическое (собственно псевдоклассическое) направленіе Французской литературы XVII и XVIII вѣковъ, которое пропитывало цѣлыя поколѣнія преувеличенными и розовыми картинами изъ древняго міра. Это направленіе не прекращалось отчасти до послѣдняго времени, и мѣшало трезвому взгляду на античную цивилизацію. Не только поэты, но и историки, напримѣръ, часто упускали изъ виду, что развитіе античной цивилизаціи было основано на рабствѣ и что въ этомъ отношеніи она далеко уступаетъ цивилизаціи новой, христіанской. Во Французскихъ школахъ до послѣднихъ временъ древняя исторія по своимъ размѣрамъ слишкомъ преобладала надъ исторіей новыхъ Европейскихъ народовъ, и притомъ излагалась такъ, что существенное не выдѣлялось изъ массы мелочныхъ фактовъ. Это чрезмѣрное преобладаніе древней исторіи надъ новою обусловилось и политическими видами, т. е. считалось въ числѣ якобы консервативныхъ мѣръ. Послѣдствія показали несправедливость подобной тенденціи. Германская школа, наоборотъ, въ XIX вѣкѣ, выработала болѣе равновѣсія между частями исторіи. Вообще къ историческому преподаванію Нѣмцы относились болѣе добросовѣстно и очень хорошо оцѣнили вліяніе исторической науки на развитіе юношества. Въ тоже время и научная разработка античнаго міра въ Германіи и Англіи стала гораздо выше, чѣмъ въ Романской Европѣ. Нѣмецкое юношество изъ этого міра поучается законамъ историческаго развитія народовъ и государствъ и черпаетъ примѣры гражданскихъ доблестей; но оно повидимому уже не увлекается политическими формами древнихъ республиканскихъ городовъ, неприложимыми къ великимъ государствамъ новаго міра. Да это увлеченіе едва ли можетъ имѣть мѣсто при возможно-добросовѣстномъ изученіи среднихъ и новыхъ вѣковъ и при хорошемъ знакомствѣ съ исторіей своего отечества *).

---

*) Считаю нужнымъ оговориться, что изъ нашихъ словъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ дѣлать какого либо преувеличеннаго вывода. Нѣтъ, главнымъ основаніемъ Европейской школы остаются все таки древніе языки. Но мы желаемъ напомнить о томъ значе-

Итакъ весьма несправедливы были тѣ, которые западно-европейское вліяніе на нашу исторію преувеличивали до крайности, и которымъ чудилось немедленное и серьезное повтореніе у насъ всякаго броженія и всѣхъ движеній, которыя совершались въ западной Европѣ. Эти поверхностные мыслители совсѣмъ упускали изъ виду различіе исторической почвы, этнографическихъ типовъ, географическихъ условій, общественнаго и вообще государственнаго склада. Мы можемъ довольно скоро перенимать военное искусство, улучшенные пути сообщенія, болѣе совершенныя формы печати, школъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій и т. д. Но и всѣ подобныя улучшенія, перенимаемыя цѣлымъ обществомъ и притомъ по инпціативѣ или съ разрѣшенія верховной власти, весьма медленно вліяютъ на наши привычки, почти не измѣняя коренныхъ чертъ народнаго характера. Вообще же политическія и экономическія идеи могутъ легко распространяться только тамъ, гдѣ для нихъ существуетъ соотвѣтствующая почва; во всякомъ случаѣ вліяніе ихъ на складъ народной жизни пока можетъ измѣряться только столѣтіями. Да, легкомысленно поступали тѣ, которые на основаніи какихъ либо скоропреходящихъ эфемерныхъ явленій поспѣшно провозглашали videant consules и старались нагнать панику на общество, чѣмъ повергали его только въ недоумѣніе и рисковали произвести уже не эфемерныя, а серьезныя замѣшательства. Если на нашей почвѣ и могли возникать какія либо прискорбныя событія, то во первыхъ, исторія показываетъ, что отъ подобныхъ событій не можетъ быть свободенъ ни одинъ народъ; а, во вторыхъ, они имѣли свои условія, свой характеръ, пока представлявшій мало общаго съ Западной Европой. Для примѣра укажу на великое внутреннее бѣдствіе Россіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія, т. е. на Пугачевщину. Есть ли какая нибудь связь между этимъ событіемъ и Французской революціей 1789 года? Но мы увѣрены, не препятствуй тому хронологія, нашлись бы такіе мыслители, которые объяснили бы намъ Пугачевщину прямымъ слѣдствіемъ Французской революціи.

Затѣмъ, не входя въ разсмотрѣніе военностоличныхъ переворотовъ XVIII вѣка—которые не имѣли никакого отношенія къ формамъ государственнаго быта, а связаны были непосредственно съ вопросомъ о престолонаслѣдіи и совершались большею частію во имя легитимнаго начала,—перейдемъ къ пресловутой попыткѣ 14 Декабря. Справедливо ли то мнѣніе, которое приписываетъ это прискорбное событіе почти исключительно вліянію западныхъ революціонныхъ идей? Исторія не можетъ упускать изъ виду, что эти идеи получили у насъ нѣкоторый временный успѣхъ именно въ ту эпоху, которая преимущественно характеризуется именами Аракчеева, Магницкаго и т. п., и которая послѣдовала за прогрессивною половиною царствованія Александра I. Но и это обстоятельство еще не главная причина событія. Нужно было случиться значительному государственному замѣшательству, чтобы легкомысленные заговорщики могли увлечь за собой часть гвардіи, т. е. нужно было случиться междуцарствію. Да, мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что вина 14 Декабря отчасти падаетъ на тѣ довѣренныя лица, которыя знали о рѣшеніи своего Государя произвести перемѣну въ наслѣдованіи престола и не предупредили его о необходимости обнародовать эту пере-

———

нія, какое имѣетъ исторія какъ предметъ школьныхъ занятій; желали бы также предупредить относительно вредной для дѣла крайности и излишней односторонности въ ея преподаваніи.

мѣну заблаговременно. Величайшая тайна, въ которой хранилось это рѣшеніе, конечно объясняется деликатностью въ отношеніи августѣйшихъ братьевъ; но въ политическомъ отношеніи, смѣемъ думать, это была ошибка: въ интересахъ государственнаго спокойствія слѣдовало заранѣе объявить народу истиннаго наслѣдника. Извѣстно, что заговорщики для своихъ фантастическихъ замысловъ воспользовались днями междуцарствія, чтобы обмануть солдатъ; послѣдніе конечно не имѣли никакого понятія объ этихъ замыслахъ и думали остаться вѣрными только что данной присягѣ; слѣдовательно ихъ недоразумѣнія истекали изъ того же легитимнаго начала. Твердость и рѣшительность молодаго Государя въ нѣсколько часовъ поправили дѣло, и всѣ замыслы легкомысленной группы разсѣялись какъ дымъ. 14 Декабря вновь и самымъ нагляднымъ образомъ показало всю прочность нашего государственнаго порядка; тѣмъ не менѣе впечатлѣнія этого дня имѣли свою долю вліянія на послѣдующую исторію.

Къ политическимъ движеніямъ западной Европы въ нашъ вѣкъ стали примѣшиваться идеи экономическія или соціальныя. Подобныя идеи естественно возникли тамъ, гдѣ для нихъ подготовилась и самая почва. Мы разумѣемъ западный пролетаріатъ, который главнымъ образомъ выросъ изъ ненормальныхъ отношеній между массою населенія и количествомъ земли. У насъ эти отношенія совершенно обратны: мы имѣемъ изобиліе въ землѣ, громадныя естественныя богатства, и недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе въ нашей печати возникла цѣлая школа, которая принялась пугать Русское общество западнымъ пролетаріатомъ. Эта мнимо-либеральная школа, изъ подражанія нѣкоторымъ крайнимъ теоретикамъ Запада, породила и у насъ нѣчто въ родѣ соціальнаго вопроса, хотя мы совсѣмъ не имѣемъ для него почвы. На подобный вопросъ мы можемъ смотрѣть какъ на пустой призракъ. Къ несчастію послѣднія событія во Франціи сообщили этому призраку еще большіе размѣры. Мы говоримъ о Парижской коммунѣ 1871 года или т. наз. красной республикѣ и ея международной пропагандѣ. Но откуда эта коммуна получила такую силу въ 1871 году? Извѣстно, что Наполеонъ III, какъ узурпаторъ, прибѣгалъ къ разнымъ изворотамъ, чтобы поддерживать свой тронъ. Одною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи онъ и его сотрудники считали грозный призракъ красной республики, который долженъ былъ держать въ страхѣ богатую Французскую буржуазію. Въ настоящее время несомнѣнными документами доказано, что Наполеоново правительство само поддерживало существованіе красной партіи и даже тратило на этотъ предметъ значительныя суммы. А благодаря въ особенности затѣянной имъ перестройки Парижа, масса рабочихъ въ этомъ городѣ весьма умножилась. При такихъ обстоятельствахъ красная партія получила нѣкоторую организацію и имѣла въ своемъ распоряженіи значительную матеріальную силу, когда вдругъ представился ей случай выступить на сцену. Послѣ Седана Франція, хотя и объявила себя республикой, но, вопреки своему древне-римскому идеалу, въ минуту крайней опасности, не избрала диктатора. Власть и дальнѣйшая судьба обороны фактически сосредоточились преимущественно въ рукахъ трехъ лицъ: Базена, Гамбеты и Трошю. И ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ своего долга. Наиболѣе виновный, Базенъ, позабывъ объ отечествѣ, показывалъ видъ, что онъ остается вѣренъ имперіи и потому не хочетъ имѣть ничего общаго съ временнымъ правительствомъ. Гамбета, какъ

и слѣдовало ожидать, оказался не государственнымъ человѣкомъ, а республиканскимъ фанатикомъ; онъ хлопоталъ не столько объ отечествѣ, сколько о республикѣ, на что ясно указываетъ его вѣроломный образъ дѣйствія по отношенію къ Бретонцамъ, которые собрались идти на врага подъ девизомъ: Богъ и родина! Трошю, возбудившій столько надеждъ при своемъ назначеніи, оказался замѣчательно неспособнымъ полководцемъ. Все время осады, вмѣсто активной обороны, онъ занимался организаціей вновь набранной, многочисленной Парижской арміи, и все готовился перейти къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но такъ при этихъ приготовленіяхъ и остался. Онъ-то и есть непосредственный виновникъ послѣдующаго появленія Парижской коммуны. Во первыхъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ ни одинъ сколько нибудь здравомыслящій дѣятель не возметъ на себя отвѣтственности за оборону, не потребовавъ для того диктаторской власти въ осажденномъ городѣ, т. е. безусловнаго единства дѣйствія и, если Трошю ссылается на вмѣшательства другихъ членовъ временнаго правительства, то напрасно онъ допускалъ такую аномалію. Затѣмъ, въ началѣ осады, Парижское населеніе дѣйствительно было одушевлено энтузіазмомъ въ пользу отчаянной борьбы съ иноземнымъ нашествіемъ; энергичный, даровитый вождь искусно бы воспользовался этимъ энтузіазмомъ и совершилъ бы славныя дѣла. Только геройскія усилія и подвиги могли поддержать это одушевленіе и увлечь на путь чести даже самые ненадежные, въ гражданскомъ смыслѣ, элементы Парижской арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить имъ духъ истинной военной дисциплины. Даже въ случаѣ все таки неудачнаго окончанія обороны, армія эта, гордая сознаніемъ, что она исполнила свой долгъ и утомленная безпрерывными битвами, спокойно и охотно возвратилась бы къ мирнымъ занятіямъ; а главное, она сохранила бы уваженіе къ своимъ предводителямъ. Вмѣсто того, Трошю держалъ въ праздности подъ оружіемъ сотни тысячъ людей и далъ почти полную свободу развиваться въ этой массѣ вооруженнаго пролетаріата духу своеволія и мятежа. Оружіе было ему оставлено даже и по окончаніи осады. Послѣдствія извѣстны. Но господство коммуны, какъ нелѣпость, не могло долго продолжаться. Храбрая защита національныхъ гвардейцевъ противъ регулярной Французской арміи наглядно показала, что энергія и кровь, потраченныя на междоусобную войну, могли бы съ большею пользою для отечества быть употреблены на борьбу съ внѣшнимъ непріятелемъ.

Объясняя ближайшія причины упомянутыхъ событій, мы однако нисколько не должны упускать изъ виду всю неполноту подобныхъ объясненій и всю сложность причинъ вообще. Съ перваго взгляда обыкновенно кажется, что вся бѣда произошла отъ того или другаго лица. Но въ томъ то и дѣло, что, если въ критическую минуту нація не выставила достойныхъ вождей — вѣрный признакъ, что эта нація находилась въ глубокомъ моральномъ упадкѣ и что ей нуженъ сильный урокъ.

Могутъ ли имѣть какое либо серьезное отношеніе къ намъ всѣ эти интернаціоналки и коммуны? Никакого, кромѣ возможности дѣлать поучительныя наблюденія и уяснять себѣ уроки исторіи. Но съ одной стороны, при помощи пылкаго воображенія, съ другой при помощи коварныхъ агитацій можно и у насъ открывать нѣчто подобное. Такъ напримѣръ, Одесскіе безпорядки 1871 года, имѣвшіе своимъ источникомъ инородческій вопросъ, почему не истолко-

вать вліяніемъ Парижской коммуны, такъ какъ хронологія это позволяетъ? Кстати можно подвести подъ вліяніе тѣхъ же идей и Харьковскіе безпорядки 1872 года, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторая quasi благонамѣренная часть печати пыталась примѣшать къ нимъ учащееся юношество. А что касается до агитаторовъ всякаго рода, частію безсмысленныхъ, частію коварныхъ, то они по всей вѣроятности не преминутъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы создать у насъ призракъ рабочаго вопроса и такимъ образомъ отвлекать общественное вниманіе отъ другихъ болѣе существенныхъ интересовъ. Будемъ надѣяться, что гласность вообще и въ особенности гласный судъ парализуютъ усилія этихъ агитаторовъ. Мы уже имѣли случаи испытать благодѣтельное вліяніе гласнаго суда въ подобныхъ обстоятельствахъ; хотя это вліяніе въ свою очередь было парализовано преувеличенными сужденіями той quasi благонамѣренной печати, о которой я упомянулъ. Напримѣръ, общество наше не мало было взволновано слухами и толками о какой то обширной шайкѣ заговорщиковъ, которая обнаружилась по поводу одного убійства. Сложный и тщательно веденный судебный процессъ раскрылъ передъ нами всю незначительность этой шайки. Четверо недоучившихся юношей (изъ которыхъ одинъ по лѣтамъ собственно не юноша, но уже давно извѣстный за человѣка полупомѣшаннаго) были увлечены пятымъ безумцемъ въ какіе-то фантастическіе замыслы или какіе-то дѣтскіе протесты, очевидно для нихъ несовсѣмъ понятные; а кончили тѣмъ, что убили бывшаго шестаго товарища своихъ ребяческихъ фантазій. Все дѣло собственно сводилось къ этому преступленію, хотя по числу молодыхъ людей, привлеченныхъ къ суду, оно получило довольно обширные размѣры. Привлеченіе это основывалось большею частію на томъ, что тотъ или другой юноша велъ знакомство съ преступниками или съ ихъ знакомыми, что тогда-то онъ произносилъ такія-то легкомысленныя фразы (а кто въ молодости уберегся отъ неудачныхъ знакомствъ или не грѣшилъ по части фразъ?) и т. п. Судъ тщательно разобралъ степень виновности каждаго, и сообразно съ нею постановилъ приговоръ; а часть привлеченныхъ лицъ призналъ совершенно невинными. Однимъ словомъ, читающая публика имѣла возможность наглядно убѣдиться, что приписывать упомянутымъ жалкимъ убійцамъ какую либо серьезную опасность для общественнаго порядка и возводить ихъ на пьедесталъ великихъ политическихъ преступниковъ было бы плодомъ весьма пылкаго воображенія. Тѣмъ не менѣе нашлись органы, которые истолковали факты именно въ такомъ смыслѣ, и потомъ старались поддерживать вытекавшія отсюда недоумѣнія, настойчиво ратуя за общія репрессивныя мѣры. Толкованія ихъ принесли и другой плодъ: онѣ немало затруднили иностранному правительству выдачу главнаго убійцы. Гласный судъ разоблачилъ передъ обществомъ всю ничтожность и этого послѣдняго.

Всѣ подобные безумцы съ ихъ ребяческой пропагандой о переустройствѣ общества какъ нельзя лучше напоминаютъ Архимедовъ рычагъ. Этотъ рычагъ могъ бы повернуть весь міръ; недостаетъ только бездѣлицы: точки опоры. Упомянутые прискорбные факты сами по себѣ неважны для общественнаго порядка; но они получаютъ важность, смотря потому, какъ относится къ нимъ общественное мнѣніе, а слѣдовательно и печать, претендующая быть представительницею этого мнѣнія. Наши гласные процессы прежде всего раскрывали передъ нами все ту же неутѣшительную

черту, полуобразованіе, а также неизбѣжно соединенную съ нимъ нѣкоторую грубость нравовъ. Главнымъ средствомъ къ поднятію нашей цивилизаціи и укрѣпленію нравственности должны служить мѣры для того *всесторонняго* внутренняго развитія, на которое указываютъ намъ слова возлюбленнаго Монарха; и въ числѣ этихъ мѣръ первое мѣсто конечно принадлежитъ солидной, Европейской школѣ. Исторія показываетъ, что и эта школа еще не предупреждаетъ возможности какихъ либо безумныхъ попытокъ. Разница состоитъ въ томъ, что общество болѣе развитое знаетъ имъ цѣну; оно караетъ преступленія, но не спѣшитъ обобщать отдѣльные факты и мѣшать всестороннему внутреннему развитію воззваніемъ къ общимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Оно знаетъ также необходимость мужества и твердости со стороны передовыхъ дѣятелей какъ для успѣховъ этого развитія, такъ и для поддержанія общественнаго спокойствія. Мы сомнѣваемся, чтобы публицистика, проповѣдующая разные страхи и, на основаніи отдѣльныхъ случаевъ, обильно изливавшая свою желчь на все молодое поколѣніе, благотворно вліяла на его духъ и на поддержаніе консервативныхъ началъ вообще. Образцы гражданскихъ доблестей, заимствованные изъ Плутарха, Ливія и другихъ писателей древности, должны имѣть свою долю участія въ развитіи молодаго поколѣнія; но оно нуждается также и въ живыхъ примѣрахъ: оно нуждается въ уваженіи къ старшему поколѣнію и въ его моральномъ вліяніи. А для этого вліянія передовымъ дѣятелямъ или считающимъ себя таковыми необходимо обнаруживать болѣе твердости и болѣе вѣры. Публицистамъ нашимъ, любящимъ кстати и некстати ссылаться на Европейскіе образцы, мы рекомендуемъ примѣръ одного изъ великихъ людей нашего времени, князя Бисмарка. Этотъ могущественный министръ, выдержавъ нападеніе молодаго фанатика Линда, развѣ поспѣшилъ обобщить съ нимъ всю Германскую молодежъ и потребовать для нея осаднаго положенія? Нѣтъ, онъ только заявилъ, что всегда готовъ умереть за отечество, будетъ ли то на полѣ брани или отъ руки презрѣннаго убійцы. Подобныя мужественныя слова благотворно дѣйствуютъ на молодое поколѣніе.

Въ предыдущей статьѣ мы коснулись нѣкоторыхъ Русскихъ публицистовъ, которыхъ назвали *охранительными* изъ уваженія къ ихъ прежнимъ заслугамъ. Таковыми ихъ можно назвать собственно по отношенію къ порядкамъ, существовавшимъ до нашего, реформаціоннаго періода; а по отношенію къ послѣднему они безспорно представляютъ возвратное движеніе, такъ какъ къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей обновленной общественной жизни они начали относиться съ явнымъ пристрастіемъ. (Для примѣра укажемъ на земскія учрежденія, мировой институтъ, университетскій уставъ и гласное обсужденіе текущихъ вопросовъ). Такое посягательство на славный періодъ, который долженъ составлять нашу національную гордость, не могло не вызвать замѣтныхъ недоумѣній въ массѣ читающей публики. Да, не всегда то, что проповѣдуется подъ видомъ охранительныхъ началъ, соотвѣтствуетъ именно этимъ началамъ и укрѣпляетъ правительственный авторитетъ. Таже публицистика представила тому и примѣръ. Между прочимъ она начала указывать на нѣкоторыя чувствительныя неправильности въ условіяхъ нашей сельской жизни; но эти неправильности произошли главнымъ образомъ не потому, что новыя учрежденія неудовлетворительны, а потому что послѣднія невполнѣ примѣняются и требуютъ тщательнаго за ни-

ми наблюденія. Замѣчательно, что упомянутыя неправильности усилились именно въ то время, когда quasi-охранительная публицистика старалась занимать общественное вниманіе борьбою съ вѣтряными мельницами. Если бы дать полную вѣру ея внушеніямъ, то обществу неизбѣжно пришлось бы, вмѣсто твердой политики и постепеннаго, всесторонняго развитія, вступить на путь мрачной подозрительности и сильныхъ колебаній; а этотъ путь несравненно опаснѣе того нигилизма, который якобы охватилъ всю нашу молодежъ. Такія-то внушенія были обращены противъ добраго, стойкаго, преданнаго Русскаго народа! Если дать имъ вѣру, то прощай спокойствіе: ибо мы живемъ ни болѣе, ни менѣе какъ на волканѣ, ежеминутно готовомъ залить насъ потоками лавы! *)

Перейдемъ теперь къ вопросу о Европейской школѣ, возникшему послѣ удара, нанесеннаго ей впечатлѣніями 1848 и 1849 годовъ.

Москва. 16 Января 1874 г.

Д. Иловайскій.

ПОПРАВКИ.

I.

Въ Декабрьской книжкѣ Русской Старины 1873 г., въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Домашній памятникъ Н. Г. Левшина", на стр. 828, вкралась ошибка, именно: тамъ сказано, конечно по недомолвкѣ, что графъ Г. Г. Орловъ присланъ былъ въ Москву, во время чумы, для усмиренія бунта, между тѣмъ какъ по исторіи извѣстно, что когда графъ Орловъ прибылъ въ Москву, бунтъ былъ уже усмиренъ. Мать моя была племянницею покойнаго Еропкина. Она нѣкоторое время жила въ его домѣ и не могла не знать такого важнаго обстоятельства въ его жизни. Ей тогда было 15 лѣтъ; и отъ нея-то впослѣдствіи узналъ я всѣ подробности Московскаго бунта *).

Въ самый разгаръ чумы и бунта, П. Д. Еропкинъ находился въ Москвѣ, въ чинѣ генералъ-поручика въ отставкѣ. Всѣ начальствующія лица выѣхали и оставили городъ на произволъ судьбы; тогда Еропкинъ рѣшился вступиться въ бѣдственное положеніе столицы. Видя буйство народа и начавшійся грабежъ, онъ послалъ къ воинскимъ командамъ, стоявшимъ тогда въ Москвѣ, приглашеніе явиться къ нему въ домъ его на Остоженкѣ (гдѣ теперь Коммерческое Училище). По прибытіи къ нему командъ, онъ принялъ надъ ними начальство и вмѣстѣ съ ними отправился въ Кремль. Выѣхавъ изъ Спасскихъ воротъ, онъ увидѣлъ, что вся площадь была покрыта народомъ. Еропкинъ подъѣхалъ къ нимъ верхомъ, сопровождаемый берейторомъ, и началъ уговаривать народъ разойтись; но толпа, не слушая его, съ криками и ругательствами, бросилась къ Кремлю, кидая въ Еропкина каменьями и полѣньями; одно изъ нихъ попало ему въ ногу (боль отъ этаго удара онъ чувствовалъ до конца жизни, особенно въ дурную погоду). Видя, что увѣщанія не дѣйствуютъ, Еропкинъ поставилъ передъ Спасскими воротами два орудія и приказалъ, зарядивъ ихъ однимъ порохомъ, выстрѣлить въ народъ. Послѣ выстрѣла толпы остановились; но видя, что никто

---

*) А впрочемъ трудно и не увѣровать въ огнедышащую почву, напримѣръ, при такихъ очевидныхъ *знаменіяхъ времени* какъ папироса, которую одна особа курила въ неурочномъ мѣстѣ. Подобный случай для насъ уже не есть признакъ неблаговоспитанности; нѣтъ, мы усматриваемъ тутъ весьма опасное проявленіе разрушительныхъ соціальныхъ теорій. А потому вновь и вновь восклицаемъ: videant consules ne quid respublica detrimenti capiat.

*) Отецъ П. Д. Еропкина, Дмитрій Θедоровичъ имѣлъ брата Александра Θедоровича (командовавшаго армейскимъ полкомъ въ Аннинскую Турецкую войну и погибшаго на штурмѣ Очакова), котораго сынъ Θедоръ Александровичъ Еропкинъ имѣлъ дочь, Елизавету Θедоровну, а она была матерью автора этой замѣтки В. В. Ильина, достоуважаемаго начальника Шереметевскаго Странпопріимнаго Дома, въ Москвѣ. *П. Б.*

не упалъ, съ крикомъ „Мать Пресвятая Богородица за насъ,“ бросились вновь къ Спасскимъ воротамъ. Тогда Еропкинъ приказалъ зарядить орудіе картечью; выстрѣлъ грянулъ и на этотъ разъ былъ дѣйствительнѣе: много было убитыхъ и раненыхъ, и толпы народа въ страхѣ разбѣжались и разсыпались по Красной площади и по прилегающимъ къ ней улицамъ. Въ погоню посланы драгуны, которые многихъ переловили.

По усмиреніи такимъ образомъ бунта, Еропкинъ немедленно донесъ Императрицѣ о происшедшемъ и просилъ прощенія, сознавая себя не въ правѣ, по неимѣнію уполномочія, вступаться въ это дѣло. Въ отвѣтъ на это донесеніе великая Екатерина, умѣвшая цѣнить людей, сняла съ плеча своего Андреевскую ленту и послала ее Еропкину.

Вотъ разсказъ моей покойной матери, переданный ей самимъ П. Д. Еропкинымъ.

Подтвержденіемъ служитъ слѣдующая замѣтка подъ однимъ изъ писемъ государыни къ Еропкину.

„Когда главнокомандующій въ Москвѣ фельдмаршалъ графъ П. С. Салтыковъ, подъ вліяніемъ страха, удалился въ подмосковную, П. Д. Еропкинъ принялъ главное начальство въ первопрестольной столицѣ, усмирилъ въ ней бунтъ и спасъ ее отъ гибели и разграбленія. Лента Ордена Св. Андрея и 4000 душъ были наградою ему за этотъ подвигъ; первую онъ принялъ, а отъ послѣднихъ отказался.“ (Изъ писемъ и бумагъ Екатерины II-й, изданныхъ А. Ѳ. Бычковымъ по случаю открытія ей памятника).

В. Ильинъ.

II.

Выше, на стр. 177-й, въ примѣчаніи нашемъ къ тому мѣсту *Старой Записной Книжки*, гдѣ говорится объ ошибочномъ величаніи Ивана Ивановича Шувалова графскимъ титуломъ, сказано:

„Дѣтище И. И. Шувалова, Московскій университетъ, на своей юбилейной медали въ 1855 году, назвалъ его графомъ, тогда какъ этотъ незабвенный другъ просвѣщенія полагалъ свое достоинство въ томъ, чтобы не искать и не принимать внѣшнихъ отличій; такъ ошиблена была у насъ историческая память“.

Мы искренно благодарны одному изъ достоуважаемыхъ членовъ комиссіи, занимавшейся устройствомъ столѣтняго юбилея Московскаго Университета 1855 года, сообщившему намъ, что „университетъ во всѣхъ изданіяхъ своихъ нигдѣ не именовалъ И. И. Шувалова графомъ. Отъ него посланъ былъ въ Петербургъ проэктъ медали, въ которомъ подпись подъ изображеніемъ Шувалова также не имѣла графскаго титула; но вмѣсто отвѣта изъ Петербурга пришла самая медаль, какую мы теперь имѣемъ. Возражать было нечего, такъ какъ медаль во всѣхъ ея оттискахъ уже отчеканили—въ Петербургѣ“.

Подъ руководствомъ С. П. Шевырева, намъ довелось также работать по юбилейнымъ изданіямъ: Исторіи Московскаго Университета, Біографическому Словарю профессоровъ, Словарю славныхъ воспитанниковъ *) и пр.; но это обстоятельство было намъ доселѣ неизвѣстно. Живо помнимъ то страшное время: цензура университетская была до такой степени опаслива, что не дозволила С. П. Шевыреву ни разу назвать имени знаменитаго Н. И. Новикова, не только что говорить о его дѣятельности. *П. Б.*

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На стр. 75 строки 11 и 12 сверху вмѣсто *Юркевичъ* надо *Юрьевичъ*.

— — 142, строка 2 снизу о *дядѣ Шишковѣ* надо о *дѣдѣ Шишковѣ*.

— — 167 „ 16 „ *кресты и чина* надо *кресты и чины*.

— — 195 „ 5 „ *царской хижинѣ* надо *Швейцарской хижинѣ*.

*) Богатые матеріалы для этого словаря должны находиться въ университетскомъ архивѣ.

Приложена карта города Берлина и его окрестностей съ означеніемъ подступа къ нему Русскихъ войскъ въ Сентябрѣ 1760 года, передъ его взятіемъ. (Снимокъ съ подлинной карты, присланной графу М. Л. Воронцову графомъ З. Г. Чернышевымъ).

Получать можно въ С.-Петербургѣ у А. Ѳ. Базунова, въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Берсеневкѣ, въ домѣ Археологическаго Общества.

ТАМЪ ЖЕ НАХОДЯТСЯ ПЕРВЫЯ ПЯТЬ КНИГЪ СЕГО ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1874

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1874 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемъ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, и въ бывшемъ помѣщеніи Чертковской библіотеки, въ магазинѣ Салаевыхъ, на Мясницкой, № 7.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса необходимо высылать адресъ прежній и 64 коп., когда городской адресъ мѣняется на иногородный; когда же иногородный мѣняется на городской, то 50 копѣекъ, такъ какъ почтовое вѣдомство взимаетъ полную годовую пересылочную плату, хотя бы по какому нибудь адресу изданіе пересылалось всего одинъ разъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно по **4** рубли, съ пересылкою по **4** р. **50** к.

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р. За полгода цѣны на пересылку за границу—половинныя.

О доставленіи недосланныхъ денегъ Контора Русскаго Архива покорнѣйше напоминаетъ тѣмъ лицамъ, которыя не сполна оплатили годовую подписку.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

МОСКВА.
Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.
1873.